

**НАРОД КОМИ: КРАТКИЕ ОЧЕРКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

Жеребцов И.Л., Конаков Н.Д.,
Шабаев Ю.П., Шарапов В.Э.,
Цыпанов Е.А.

**НАРОД КОМИ:
КРАТКИЕ ОЧЕРКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

BIBLIOTHECA FENNO-UGRICA

**Жеребцов И.Л., Конаков Н.Д.,
Шабаев Ю.П., Шарапов В.Э.,
Цыпанов Е.А.**

**НАРОД КОМИ:
КРАТКИЕ ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

**COLLEGIUM FENNO-UGRICUM
2008**

HU ISSN 1789-7289
ISBN 978-963-9876-02-6

© Collegium Fenno-Ugricum, 2008
H – 8261 Badacsonytomaj
© Министерство национальной
политики Республики Коми
© ООО «Издательство «Кола»

Издано при поддержке Министерства национальной политики Республики Коми, Министерства образования и культуры Венгерской Республики, Венгерской национальной организации Всемирного Конгресса финно-угорских народов, ООО «Издательство «Кола».

ББК 63.5(2)
Н 30

Жеребцов И.Л., Конаков Н.Д., Шаб-
баев Ю.П., Шарапов В.Э., Цыпанов Е.А.

**НАРОД КОМИ: КРАТКИЕ ОЧЕРКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУ-
РЫ.** Серия «Bibliotheca Fennou-Ugrica».

В книге в научно-популярной форме освещены основные этапы этнической истории коми, особенности их материальной и духовной культуры, показано современное положение народа, проанализированы проблемы его социального и культурного развития. Книга является своеобразным обобщением обширной литературы и специальных исследований, посвященных этнической истории и культуре коми. Предназначена для всех, кто интересуется историей и культурой финно-угорских народов.

© Пустаи Я. (ред.), 2008
© Жеребцов И.Л., 2008
© Конаков Н.Д., 2008
© Шаббаев Ю.П., 2008
© Шарапов В.Э., 2008
© Цыпанов Е.А., 2008

Главный редактор серии
«Bibliotheca Fennica-Ugrica»
доктор Янош Пустаи (Венгрия)

Руководитель авторского коллектива,
научный редактор
доктор исторических наук
И.Л. Жеребцов

Составитель:
кандидат экономических наук
Е.Н. Рожкин

Рецензенты:
Доктор исторических наук, профессор
В.А. Семенов
Доктор политических наук, профессор
В.А. Ковалев

ВВЕДЕНИЕ

Народ коми (зырян) на протяжении многих столетий осваивал территорию, которая находится на крайнем северо-востоке европейского континента – на границе Европы и Азии. При этом коми стали первыми из европейских народов, начавших освоение Сибири, и не случайно затем в составе русских отрядов, покорявших сибирские просторы, коми шли в качестве проводников и становились перво-поселенцами многих зауральских поселений. Понятно, почему множество сел и деревень в Сибири до сих пор носят название Зыряновка, Зырянка. При этом коми выступали не только в роли колонизаторов, но и в роли созидателей «культурного моста» между этническими группами европейской части страны и этническими сообществами, проживающими за Уралом. Они осуществляли передачу культурных навыков, вели торговлю. Признанием их роли в культурных обменах между народами стал тот факт, что многие ненцы и ханты знали коми язык.

Культура коми в результате интенсивных и длительных контактов с соседями должна была представлять собой некий «сплав» культурных элементов разных народов. Так оно и случилось. С одной стороны, в культурных традициях коми много восточнославянских элементов, а с другой, в ней очень значительный пласт заимствований из культур северных соседей. Так, северные коми – ижемцы – полностью заимствовали весь хозяйственный комплекс, связанный с оленеводством (средства передвижения, орудия, передвижные жилища, верхнюю одежду) у ненцев. Но заимствования носили новаторский характер: ижемцы усовершенствовали способы выпаса оленей, смогли превратить оленеводство в товарную отрасль и составили серьезную конкуренцию другим оленеводческим народам Севера (саамам, ненцам, хантам). Ярким примером культурного новаторства служит тот факт, что когда в России царское правительство пыталось привить культуру картофеля, во многих местах вспыхивали так называемые картофельные бунты, ибо крестьяне от-

казывались сажать картофель по принуждению. Ижемские коми, напротив, восприняли идею использования новой культуры с интересом и сами на свои деньги послали группу уважаемых граждан в Санкт-Петербург, чтобы закупить и привезти на Ижму семена картофеля, а затем успешно стали его культивировать на севере.

Несмотря на свое пограничное положение и многочисленные культурные заимствования, коми, безусловно, принадлежат к европейской культуре. Некоторые западные исследователи даже называют коми «самым европейским из всех восточнофинских народов». Антропологически коми-зыряне относятся к северным европеоидам. Но фенотип не может быть важным основанием в определении цивилизационных особенностей культуры. К европейскому культурному пространству культуру коми можно отнести на основании других критериев. Зыряне были христианизированы еще в XIV веке, и христианские традиции глубоко укоренились в их культуре. Тогда же была создана и первая система письма на коми языке.

ке, т.е. письменность у коми появилась раньше, нежели у финнов, которые находились гораздо ближе к центрам европейской культуры и европейского просвещения. Из среды коми вышли такие известные ученые как Питирим Сорокин, считающийся одним из отцов-основателей американской социологии, Каллистрат Жаков, внесший заметный вклад в развитие философской мысли, Василий Лыткин, являвшийся одним из крупнейших специалистов в области языкознания в СССР. В культурном пространстве России коми занимали довольно важное место, а потому никак не принадлежали к культурной периферии. Уже те несколько замечаний, которые мы сочли необходимым высказать в начале нашего повествования, указывают, что заинтересованный читатель может найти много интересного, знакомясь с историей и культурой народа коми.

Небольшой объем книги не позволяет в полной мере охарактеризовать исторический путь, пройденный коми за последнее тысячелетие, не дает возможности детально описать особеннос-

ти этнической культуры, сложные современные социальные и культурные проблемы народа. Предлагаемая работа – «путеводитель», которым человек, увлеченный историей и культурным наследием народов, может пользоваться как ориентиром, подсказывающим, как можно глубже познать историю, культуру и современную жизнь коми.

Авторы-составители данной книги широко использовали при ее подготовке многие основательные работы, посвященные историческому прошлому коми, анализу их культурных традиций, современному этнокультурному и этнодемографическому развитию этнического сообщества. Поэтому можно сказать, что ученые, труды которых положены в основу настоящей работы, являются своего рода соавторами предлагаемой читателю книги. Перечень основных работ, на которые мы опирались в своей работе, приведен в конце настоящего издания.

ГЛАВА 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОМИ

Древнейшее население Северного Приуралья

В глубокой древности далекие предки коми, финнов, венгров, ненцев и ряда других народов составляли единую крупную этнолингвистическую общность. Об этом свидетельствуют сходные черты в языках, на которых говорят эти народы, в частности, общекоренные слова, обозначающие такие понятия, как название частей тела, местоимения, термины родства и другое. Лингвисты называют эту общность уральской языковой семьей.

По мнению большинства языковедов, прародина уральцев находилась между Уралом и средней Волгой. Некоторые исследователи в Финляндии, Эстонии и Венгрии считают, что уральские народы жили также на обширной территории к западу, до Балтийского моря. По предположению венгерского ученого П.Хайду, древняя

родина уральцев находилась в бассейне нижней и средней Оби и в районе истоков Печоры. Заселение Вычегды и Печоры в эпоху мезолита шло со стороны Волго-Окского междуречья и из Прикамья (возможно, также и с нижней Волги). Памятники эпохи мезолита на Вычегде и Печоре имеют сходные черты с памятниками Прикамья и Поволжья. В эту эпоху в обширном регионе от Печоры до нижней Волги обитали родственные племена, этническая принадлежность которых точно не установлена. Есть предположения, что они принадлежали к уральской этнолингвистической общности.

В V–IV тысячелетиях до н.э. уральская общность разделилась на самодийскую (предки ненцев, нганасан, селькупов и некоторых других народов) и финно-угорскую. В период раннего неолита Европейский Северо-Восток входил в обширную верхневолжскую этнокультурную общность. Неолитическое население региона сформировалось, вероятно, на основе слияния местного мезолитического населения, но при участии переселен-

цев с верхней Волги и, может быть, из других регионов. Возможно, население периода раннего неолита принадлежало к уральской этнолингвистической общности или к уже выделившимся из нее финно-уграм. В период позднего неолита на территории Европейского Северо-Востока появлялись переселенцы из Прикамья и других районов, но, по мнению современных исследователей, смены населения – полной или частичной – не происходило. На территории региона жили племена древних финно-угров.

В III тысячелетии до нашей эры началась эпоха энеолита-бронзы. Население бассейнов Печоры, Вычегды и Мезени было тогда весьма пестрым в этническом отношении, но, как подчеркивают исследователи, ведущую роль в этнической истории Европейского северо-востока по-прежнему играли финно-угорские племена. Со временем финно-угорская общность разделилась на праугорскую (предки венгров, хантов, манси) и прафинно-пермскую. Последняя позднее распалась на прафинно-волжскую (предки марийцев, мордвы и, возможно, некото-

рых других народов) и прапермскую.

В I тысячелетии до нашей эры на основе прафинно-волжской общности возникли прибалтийско-финская (предки финнов, карел, эстонцев и некоторых других народов) и праволжская общности. В последнюю входили предки современных марийцев и мордвы. Представители прапермской языковой общности населяли берега Камы, Вятки, Вычегды, Печоры, Мезени и некоторых других рек. В последние века до нашей эры – первые века нашей эры эта общность разделилась. Образовались новые культуры, одна из которых связана с предками удмуртов, а другая – с предками коми и коми-пермяков.

В середине I тысячелетия н.э. началась эпоха великого переселения народов. На Европейский северо-восток вторглись воинственные кочевники-скотоводы гуннского племенного союза. По мнению археологов, именно с этим вторжением связано разделение единой общности предков коми и коми-пермяков на две разные.

На рубеже VI–VII веков этнокультурные процессы в Вычегодско-Печор-

ском регионе несколько стабилизировались. Припечорье стало регионом с преобладанием угро-самодийского населения. В бассейне Вычегды и Мезени складывается ванвиздинская культура. Ее этническая принадлежность – одна из наиболее дискуссионных аспектов проблемы происхождения коми. Говоря коротко, можно отметить следующее. Во-первых, ванвиздинцы, бесспорно, сформировались в результате смешения целого ряда этнических групп различной численности и различного ареала расселения на Европейском северо-востоке. Во-вторых, мы не можем выделить какой-либо компонент, сыгравший определяющую роль в формировании населения на всей без исключения территории, занятой ванвиздинской культурой. В то же время в различных частях ванвиздинского ареала в указанном процессе могли на местном уровне доминировать различные этнические компоненты, в том числе и пермский (гляденовский). А то, что местное гляденовское население участвовало в сложении ванвиздинской культуры, несомненно.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что ванвиздинцы говорили на одном из языков уральской семьи, скорее всего, на каком-то из финно-пермских.

Происхождение древних коми

В XI веке сформировались древние коми. Проблема их этногенеза (происхождения) дискуссионна. Споры связаны с вопросом о преемственности ванвиздинской культуры и культуры перми вычегодской – древних коми-зырян. Памятники перми вычегодской в бассейне Вычегды и Лузы относятся к периоду начиная с XI века. Согласно мнению, выдвинутому В.И.Канивцом и развитому Э.А.Савельевой, эта культура (называемая также вымской) сформировалась на основе древнекоми ванвиздинской культуры. Таким образом, пермяне вычегодские – не пришельцы, а местное население бассейна Вычегды. В подтверждение этой точки зрения приводятся данные о сходстве ванвиздинской и вымской культур в обряде тру-

поположения, в керамике, орудиях труда и украшениях, в хозяйственных занятиях (значительная роль охоты и рыболовства). Эта точка зрения отрицает какие-либо значительные перемещения населения из Прикамья в Коми край и участие камских переселенцев в формировании пермян вычегодских. В то же время указывается на активное участие в сложении вымской культуры южного или юго-западного компонента (волжских финнов) и славянских групп.

Вторая точка зрения (В.И.Лыткин, Л.П.Лашук, Н.Д.Конаков и др.), напротив, предполагает ведущую роль переселенцев из Прикамья в формировании культуры перми вычегодской. Местное ванвиздинское население (не древнекоми, но родственное ему западно-финское, угорское или какое-либо иное) было ассимилировано переселенцами. Определенное участие группы славяно-русского и волжско-финского населения в сложении пермян вычегодских также не отрицается. Как доказательство рассматривается резкая смена хозяйственно-культурного типа населения Вычегод-

ского бассейна на рубеже I и II тысячелетий н.э. – переход от хозяйственно-культурного типа охотников и рыболовов к комплексному типу присваивающе-производящего хозяйства. Древние коми, согласно этому мнению, переселившись с Камы в новый район, постепенно воссоздавали привычный комплекс присваивающе-производящего хозяйства, сочетавшего земледелие и животноводство с охотой, рыболовством и домашними промыслами. В свою очередь, и ванвиздинцы, постепенно растворявшиеся среди коми, внесли определенный вклад в формирование культуры промыслового населения.

Как представляется, истина должна быть где-то посередине между двумя этими воззрениями. Можно предложить следующую гипотезу. Вероятно, в формировании древних коми участвовали как местное ванвиздинское население, так и переселенцы из Прикамья (причем обе эти группы были родственными между собой). Но их роль в сложении пермян в разных районах края была неодинакова. Возможно, на Выми и нижней Вычегде

главным элементом стали ванвиздинцы, а на Сысоле и, быть может, верхней Вычегде, наоборот, сильнее было влияние переселенцев из Прикамья. По крайней мере, последние исследования археологов позволяют говорить о весьма тесных связях сысольцев с Прикамьем. В сложении прилузских коми (в Прилузье, кстати, до сих пор не найдено ванвиздинских археологических памятников) свою роль сыграли также группы прибалтийско-финского и волжско-финского населения.

Можно сказать, что «рождение» коми народа стало в известном смысле следствием климатических изменений. Ведь переселения из Прикамья на территорию современной Республики Коми начались, вероятно, в VIII в. н.э., когда потеплевший климат (малый климатический оптимум) сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов. Безусловно, эти переселения происходили не за относительно короткое время, скорее, это был длительный процесс, занявший не одно столетие, состояв-

ший, вероятно, из нескольких этапов или миграционных волн. Причем миграции шли, видимо, не на дальние расстояния, не сразу с Камы на Вычегду, а постепенно, с освоением промежуточных территорий.

По мнению Л.Н.Жеребцова, сначала, на рубеже тысячелетий, переселенцы колонизировали берега Вятки (вероятно, в верхнем течении с притоками Моломой, Чепцой, Леткой и Коброй), освоили Сысолу и Лузу. Оттуда группы мигрантов, вероятно, выросшие численно, стали постепенно продвигаться на Вычегду с притоками Вымь, Вилядь, Вишера, добирались до рек Юг, Малая Северная Двина, где было и ванвиздинское население.

В этих районах при взаимодействии переселенцев и местных постепенно формировались локальные группы древних коми. Археологи называют пять таких групп: сысольская, средневычегодская, нижневычегодская, вымская и удорская. Наличие древнекоми населения на Вятке и ее притоках археологи ставят под сомнение, поскольку подтверждений этого пока не обнаружили.

Этнограф Л.Н.Жеребцов полагал, что на Вашке древние коми появились несколько позже, чем в остальных перечисленных районах. Можно предположить, что особую локальную группу составляли и древние коми, жившие по берегам Лузы, Юга и, возможно, Летки и Моломы. Не случайно грамота 1485 г. указывает Летку и Молому в числе владений лузских пермян.

Присоединение Коми края к Русскому государству

Бок о бок с коми издревле обитали ненцы, ханты и манси. К рубежу I и II тысячелетий н.э. относятся и первые летописные известия о появлении русских на Европейском Северо-Востоке. Первыми (не позднее XI века) ступили в этот отдаленный уголок Европы новгородцы, обложившие данью местное население. Поначалу русские появлялись в этих краях изредка. Собрав дань, они возвращались в далекий Новгород. Но уже в конце XII столетия в Коми крае возникли пер-

вые русские поселения, ставшие сначала опорными пунктами сборщиков дани, а со временем – торгово-ремесленными и военно-административными центрами. В их числе были Карыйбыйвское городище на нижней Вычегде и Пожегское на Выми – единственное сравнительно крупное городище в Коми крае, бывшее русским военно-административным и ремесленно-торговым центром.

Постепенно нарастала и вольнонародная колонизация Севера. Русские земледельцы стремились уйти подальше от тяжелой княжеской дани и нередких межусобных военных конфликтов. Шли туда, где имелись пригодные под пашню свободные земли. В XI – начале XII веках в западной части бассейна Северной Двины, не занятой древними коми (низовья Северной Двины, верхняя Сухона), появились первые русские переселенцы. Но массового притока выходцев с Руси в земли древних коми не было. Миграционные пути в эти места пролегли по двум направлениям. С северо-запада, из Заонежья, продвигались новгородцы. Они уже в первой поло-

вине XII века основали ряд поселений на нижней Северной Двине, Ваге и верхней Сухоне, затем появились на нижней Пинеге и Мезени. С юго-запада на реки Устью, Кокшенгу, нижнюю Сухону и Юг переселялись жители Ростово-Суздальского княжества.

С годами приток русских крестьян в бассейн Северной Двины увеличился. Этому способствовал более теплый, благоприятный для земледелия климат первой половины II тысячелетия н.э. В конце XII века древнерусская колонизация европейского Севера и земель, населенных коми народом, значительно усилилась.

Если в Вычегодско-Вымском крае возникновение городищ не сопровождалось массовыми крестьянскими переселениями, то на западной окраине территории расселения коми складывалась иная ситуация. Особенно большое значение имело основание в конце XII – начале XIII столетий Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне, Лузе и низовьям Вычегды. Гледень, а затем

Устюг стали опорными пунктами, вокруг которых началась русская земельно-аграрная колонизация, со временем охватившая все названные районы. В XIII–XIV веках русские переселенцы начали постепенную колонизацию низовьев Лузы. Но в более отдаленных землях Коми края переселенцев с Руси было очень мало или не было вовсе.

В XIII веке коми появились на берегах Вашки, Пинеги и Немьюги (приток Кулоя), расположенных к северу от территории первоначального расселения пермян. Они пришли сюда с нижней Вычегды через ее приток Яренгу и верховье Вашки. Затем с Вашки – на верхнюю Пинегу, а с Пинеги, вероятно, на Немьюгу. Переселения эти могли быть вызваны появлением на нижней Вычегде русских переселенцев. Возможно, под их давлением часть пермян и ушла в слабо-заселенные или совсем безлюдные земли, лежавшие на севере. Позднее, в XIV веке, во время христианизации Коми края, на Вашку ушла еще одна группа вычегодских пермян, не пожелавших принимать православную

веру, поскольку это требовало отказа от своих древних языческих верований.

Христианизация вычегодских коми, которую в 1379 году начал выходец из Устюга Стефан Пермский, стала одним из важных этапов присоединения населенных пермянами земель к Русскому государству. Этот длительный процесс начался еще с первых походов новгородцев в земли пермян за данью. Однако, новгородцы не сумели прочно обосноваться здесь. Земли пермян по Югу и Лузе с конца XII – начала XIII веков, после основания Гледеня-Устюги, контролировались Ростовским княжеством.

Спор за «пермские дани» между Новгородом и Ростовом (позднее – Москвой) не прекращался веками. В Вычегодско-Вымской летописи говорится, что Московский великий князь Иван Калита стал взимать дань для Золотой Орды с Вычегды и Печоры в 1333 году. В том же источнике говорится, что в 1367 г. Московский князь Дмитрий Донской отобрал у новгородцев Мезень, Пинегу и Печору (вероятно, низовья) и принял меры к уста-

новлению своего контроля над бассейном Вычегды. Поддержанный Дмитрием Донским Стефан Пермский крестил крестьян на Вычегде, Виледи, Сысоле и Выми (прилузцы были крещены раньше, а удорцы – в XV в.). Он многое сделал для укрепления власти московского князя на Европейском северо-востоке в противовес новгородцам. Забегая вперед, скажем, что споры Москвы и Новгорода за Пермские земли продолжались еще целое столетие, вплоть до включения в 1478 году новгородских владений в Московское государство. Последняя точка в присоединении земель древних коми к Русскому государству была поставлена в 1481 году, когда в Коми крае было проведено первое описание земель и населения, окончательно закрепившее эту территорию в составе единого государства... Именно 1481-й год следует считать датой завершения длительного процесса вхождения Коми края в единое Русского государство.

Первые этнографические группы коми

Несмотря на сокращение территории расселения древних коми на западе, она по-прежнему оставалась весьма обширной. Различные группы пермян были значительно удалены друг от друга и потому не составляли единого племени. В XIV веке на землях древних коми существовало восемь территориально-племенных объединений. В это время у коми начался распад родового строя, стали формироваться территориально-соседские общины. Территориально-племенные объединения стали промежуточными звеньями между племенами отмиравшего родового строя и будущими соседскими общинами. Они представляли собой тип этнической общности, который характеризовался собственным именем и диалектом, общностью территории, хозяйственно-экономических связей и культурно-бытового уклада. Друг от друга они отличались по культурно-бытовым особенностям, хозяйству и диалектным отличиям языка. На Пинеге и Немьюге жили

пермяне пинежские, на Вашке – пермяне удорские, на Выми, Вишере и, возможно, верхней Вычегде близ устья Вишеры – пермяне вымские, на нижней Вычегде – пермяне нижневычегодские, на средней и нижней Сысоле – сысольские зыряне, на верхней Сысоле – сиряне ужговские. На Виледи располагалась Вилегодская Пермца, на Лузе – Лузская Пермца. Впоследствии, в XV–XVI веках, на основе большинства этих территориально-племенных образований сложилась большая часть главных этнографических групп коми: нижневычегодская, вымская, прилузская, сысольская и удорская.

Нижневычегодская (эжватас) и вымская (емватас) группы довольно близки между собой. Их этнографическая специфика складывалась в результате взаимодействия двух факторов: во-первых, наличия устойчивого постоянного ядра и, во-вторых, прилива смешанных (русско-пермские, вепско-пермские и другие сочетания) и однопациональных (русских) пришельцев. Результатом этого явились особые диалекты, большое количество

различных заимствований в материальной и духовной культуре (славянские пахотные орудия, северно-великорусская планировка и типы жилища, русские элементы в свадебной обрядности и т.п.). Вероятно, нижневычегодские коми включили в себя наибольший по сравнению с другими группами русский компонент, поскольку на нижнюю Вычегду приходила основная масса русских переселенцев. В диалекте нижневычегодцев присутствуют значительные вепские и русские заимствования, вероятно, что под влиянием западно-финских и русского языков произошел переход нижневычегодцев с эл-ового говора в вэ-овый. В этот же период происходило формирование наибольшей локальной группы вишерских коми (ви-серса), видимо, близкородственных вымским коми (не случайно в грамоте 1490 г. отмечалось, что Вишера - «Вымской же земли место»).

У прилузцев (пермяки, затем луз-саяс) наряду с контактами с русскими переселенцами прослеживаются связи с удмуртами и марийцами. В лузско-летском диалекте обнаружива-

ются марийские заимствования. Определенная близость с марийцами является в отдельных элементах материальной культуры - в женских головных уборах, в особенностях украшения одежды. Хозяйственно-культурная специфика прилузцев выражена в более развитом по сравнению с другими группами коми земледелии, наличии льноводства, свиноводства, некоторых видов промыслов, своеобразных жилых и хозяйственных построек, особых форм одежды, орнамента и др.

Среди первых коми этнографических групп исследователи обычно называют также сысьольцев (сыктылсаяс), сложившихся на основе двух территориально-племенных объединений: сысьольских зырян и ужговских сирян. Однако следует иметь в виду, что в XVI в. между этими объединениями, вероятно, еще оставались значительные различия, обусловленные, в частности, территориальной удаленностью друг от друга (довольно значительное пространство между среднесысьольскими и верхнесысьольскими селениями оставалось незаселен-

ным и стало постепенно осваиваться только в XVII в.) и разной административной принадлежностью (средняя и нижняя Сысола входила в Сысольскую землю, а верхняя Сысола вместе с Верхокамьем составляла Ужгинскую волость). Возможно, к XVI в. нужно относить только начальный период формирования этнографической группы сысольцев, а завершился этот процесс уже в XVII в. Не случайно до настоящего времени сохранились отдельные среднесысольский и верхнесысольский диалекты коми языка (верхнесысольский диалект имеет сходные черты с зюздинским и коми-пермяцким). Сысольская этнографическая группа в материальной культуре обнаруживает устойчивые связи с коми-пермяками (живущими на р.Каме в ее верхнем течении) и зюздинцами.

На р.Вашке в это же время формировалась этнографическая группа удорских коми (удораса). Она сложилась в результате слияния переселившихся сюда еще в XIII в. нижневычегодских пермян (и, возможно, выходцев из более западных районов рассе-

ления древних коми, в частности, с Пинеги) с представителями прибалтийско-финских народов (вепсов, карел и, возможно, еще каких-то родственников им) и включения русского компонента. Поэтому удорцы отличаются рядом специфических черт. В удорском диалекте наличествуют карело-вепские заимствования. В конце XIV в. на Вашку (Удору) и Пинегу переселились новые группы нижневычегодских коми, не желавших принимать христианство: «А не похотел кто к святей вере быти, отиде теи на Удору и на Пенегу с жоны и детьми свои», — сообщает Вычегодско-Вымская летопись. Сложение группы удорских коми заняло более продолжительное время в связи с освоением верхней Мезени и завершилось уже в XVII в.

Современные исследователи антропологии коми Г.А.Аксянова и другие («Антропология коми», Москва, 2005) считают, что этнографические группы коми народа «являются промежуточной общностью между массивами северного и восточноевропейского населения трех антропологических типов: ильменско-беломорского (русские

Архангельской обл.), восточнобалтийского (карелы, вепсы, ижорцы) и волжско-камского (удмурты и марийцы)» и «представляют собой два нерезко различающихся антропологических комплекса (типа) в составе северных европеоидов» – мезенско-печорско-вычегодский (или вычегодский) и ильменско-беломорский (или беломорский). Сысолецы, нижневыхогодцы, вымичи, а также большая часть сформировавшихся позднее ижемцев относятся к мезенско-печорско-вычегодскому типу. Сюда же, очевидно, следует отнести и прилузцев (не упомянутых отдельно в «Антропологии коми»), поскольку в свое время антрополог Н.Н.Чебоксаров относил их к тому же антропологическому типу, что и сысольцев. При этом сысольско-нижневыхогодский (или, быть может, сысольско-лузско-нижневыхогодский) вариант этого типа имеет сходство с прибалтийско-финскими (онежско-ладожскими) группами восточнобалтийского типа (вепсы, карелы, ижлорцы), а вымско-ижемский вариант – со славянскими севернорусскими группами Пинеги, Мезени, Печо-

ры. Удорцы и ижемцы бассейна р. Усы принадлежат к ильменско-беломорскому типу.

Управление и самоуправление

Во главе территориально-племенных объединений стояли, видимо, вожди (источники конца XIV в. называют их «сотниками»), жрецы, знать. Разумеется, выделение из общего числа жителей этой социальной верхушки еще не означало, что в крае сформировалось раннеклассовое общество, и не может свидетельствовать о начальном этапе государственности древних коми. На Европейском Северо-Востоке не обнаружены крупные городища (протогорода), которые могли служить центрами этнической консолидации (как это было, например, южнее — у коми-пермяков и удмуртов). Немаловажную роль в процессе социально-политического развития древнекоми общества сыграл опять-таки климатический фактор. Несмотря на потепление, климат севера оставался, конечно, не столь благоприятным, как в расположенных южнее

регионах, где природно-климатические условия позволяли успешнее вести производящее хозяйство, приводившее к ускорению разложения родового общества и феодализации племенной знати, в то время как на севере более суровый климат приводил к консервации архаичных элементов в общественном развитии, замедлял разложение первобытно-родового строя и сложение начального этапа государственности у древних коми.

В 1451 году в Коми край был прислан наместник Великого князя – Ермолай из рода князей Верейских, дальних великокняжеских родственников. Вместе с ним приехал и его сын Василий, сменивший позднее Ермолая на посту наместника. Именоваться наместники стали князьями Вымскими. Наместники должны были управлять Коми краем по специальной наказной уставной грамоте, в которой оговаривались их права и обязанности. Они должны были держать в покорности местное население, обеспечивать исправное поступление даней, выполнение повинностей, исполнять судебные функции, оборонять

край от возможных вражеских нападений, строить укрепленные городки-крепости, собирать дружины и возглавлять их во время военных походов. Князьям Вымским помогали тиуны, доводчики и приставы. За свою службу, как отмечал историк В.Н.Давыдов, наместники получали с населения «кормы» - кормление. Князья Вымские управляли не всем населением Коми края. Усть-Вымь и ряд близлежащих селений входили в вотчину епископов Пермских, и здесь верховным владыкой был епископ, который, по словам документа, «ведает сам свои люди во всем, кроме душегубства» (то есть суд над убийцами осуществлял не епископ, а князь Вымский). Прилузье подчинялось не Вымским князьям, а устюжским наместникам.

Но это не означало полной ликвидации древних самоуправленческих начал в Коми крае. Напротив, традиционная система самоуправления продолжала играть в крае важную роль. Характерно, что даже административное деление Коми края было проведено с учетом существовавших терри-

ториально-племенных объединений древних коми, и образованные здесь во второй половине XV в. земли и волости совпадали с территориями их расселения. Во главе этих земель и волостей стояли сотники, избравшиеся местным населением. Князья вымские не имели права заменять сотников по своей воле. Сотники выражали волю и интересы населения своих земель-волостей в отношениях с наместниками, епископами и даже с великокняжеской властью. Известно, например, что сотники обращались от имени вычегжан, удорцев и сысольцев к Московскому князю с жалобой на епископа Филофея и его людей, отнявших у коми «дедины и отчины» земли и угодья. Великий князь Иван III прислал епископу специальную грамоту с запрещением вмешиваться в дела, которыми должны распоряжаться сотники. Даже церковные сборы с местных жителей осуществляли не люди епископа, а выбранные населением старосты. Дани и даже «кормление» для князей Вымских князья и их чиновники не имели права собирать сами. Это делали сотники и «де-

сятники» (также выборные лица). Сотники, кроме того, участвовали в подписании мирного договора с вогульскими (мансийскими) князьями, возглавляли набранные в своих землях и волостях военные отряды во время походов. Все это говорит о сохранявшейся в Коми крае значительной автономии земель и волостей, о наличии в них самоуправления. Попытки наместников уменьшить автономные права вызывали острое сопротивление населения. Вероятно, с этим можно связать убийство вымичами, опасавшимися за свои вольности, князя Василия, который в 1480 г. затеял строительство укрепленного городка близ Турьи. В 1502 г. власть князей Вымских в Коми крае была ликвидирована. Последнего Вымского князя перевели в Пустозерск управлять низовьями Печоры.

В 1505 г. скончался Иван III. В его завещании были указаны в числе других земель и волостей, доставшихся старшему сыну Василию, «Вычегра» (Вычегда), Вымь, Удора, Сысола, Печора, Устюг, Пинега, Мезень, Немьюга, Югра, Пермь Великая и др. Воз-

можно, после того, как Федор Вымский был переведен на Печору, Вычегда, Вымь, Сысола и Удора не имели общего управителя-наместника и управлялись либо назначенными в эти земли-волости волостелями, либо своими выборными сотниками.

В 1555 г. была отменена система кормлений. Эта земская реформа и полученные в результате ее проведения от Ивана Грозного жалованные и уставные грамоты дали землям-волостям Коми края значительные права самоуправления, автономию. Права собирать здесь подати и вершить суд предоставлялись «выборным земским людям». Вероятно, аналогичные грамоты получили и некоторые другие (а, возможно, и все) земли-волости края, управлявшиеся выборными лицами. Старосты ведали раскладкой и сбором налогов, судили людей и «управу чинили» по уставной грамоте и «Судебнику» (стоит отметить, что в Коми крае в конце XVI в., вероятно, был в употреблении своеобразный «Зырянский судебник», упоминания о котором сохранились в документах XVII в., и, который, видимо, содержал

некоторые отличия по сравнению с общерусским «Судебником»). В XVI в. основной единицей административно-территориального деления Русского государства стал уезд. Основная часть населенной коми народом территории вошла в состав Вычегодского (позднее – Яренского) уезда. Во главе уезда стояли воеводы, назначавшиеся царем из числа русских дворян, поскольку своей аристократии в Коми крае не было; обычно они управляли уездами от года до трех лет.

Многие крупные районы Коми края обладали значительной долей самостоятельности. Они управлялись выбиравшимися из числа «добрых» (состоятельных) людей должностными лицами и по всем вопросам, связанным со сбором налогов и судопроизводством, обращались напрямую в Москву, минуя уездных воевод. Правительство определяло лишь общие размеры налогов, которое оно считало нужным получить с той или иной земли и волости. Как эти налоги распределялись между местными жителями, в зависимости от чего устанавливалась сумма налога на каждое хозяйство,

решали на местах. Главным должностным лицом «отхожих волостей» (так назывались получившие самоуправление районы) стал земский судья, избиравшийся на один год. Он отвечал «за исправную уплату податей и выполнение повинностей крестьянами, ...правопорядок и суд». В низовых административных округах – погостах – этими же вопросами ведали целовальники. Они тоже избирались на один год и подчинялись земскому судье.

Делопроизводство вели подчинявшиеся судье и целовальникам земские дьячки, которых нанимали на один год на средства, собираемые с крестьян. Возможно, крестьяне избирали также земского пристава, подчинявшегося судье и выполнявшего полицейские функции. Затем появилось еще одно выборное должностное лицо – десятский (избиравшийся от каждых 10 дворов). В XVIII в. автономия «отхожих волостей» от уездной власти была ликвидирована, но выборное крестьянское самоуправление на низовом уровне (старосты, десятские и т.п.) сохранялось и в последующие времена.

Кризис в развитии коми народа

Приток переселенцев из русских земель в Коми край не прекращался. В конце XV–XVI столетиях после колонизации нижней и средней Мезени и низовьев Вашки русские появились в низовьях Печоры, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма. В этот же период русские стали большинством населения на Пинеге и нижней Вычегде (до реки Яренги и деревни Межог), где коми, однако, жили еще в XVII веке.

Сохранение подобных темпов продвижения русского населения могло бы привести к скорому обрусению коми. Приход численно превосходившего иноязычного населения с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом (русские были, в первую очередь, земледельцами) создавал очевидные трудности для дальнейшего развития коми этноса, и, в первую очередь, для развития традиционного охотничье-рыболовного хозяйства, поставлявшего основную часть продуктов питания и требовавшего наличия резервных территорий освоения.

Отсутствие последних в районах давнего проживания коми делало невозможным обеспечение абсолютного прироста даже местного населения. А появление многочисленных переселенцев только усугубило положение.

В XVI веке часть населения одного из старожильческих районов (на р. Выми) переселилась на северо-запад, на реку Мезень, в результате там возникла группа глотовских коми (по названию центрального поселения – Глотовой слободы). В глотовской группе имелось небольшое включение русских. Принимали участие в сложении этой группы и ненцы. Поэтому у глотовцев были отличия в языке, культуре и быте от соседей-удорцев. Но затем совместное расселение удорцев и глотовцев по верхней Мезени, их смешение эти различия стерли. Сложилась единая удорская этнографическая группа коми с общим диалектом и культурой.

Другая группа вымичей переселилась на северо-восток, на реку Ижму (1567–1576 гг.), где возникла Ижемская слободка. Так начала складываться наиболее своеобразная из локальных групп коми – ижемская

(*изъватас*). Сысольцы в XVI веке стали осваивать район близ устья Сысолы. Выходцы из Коми края поселились также в Пустозерске – в низовьях Печоры. Миграциям на восток и северо-восток до начала XVII столетия препятствовали враждебные отношения с вогулами (манси) и самодья (ненцами), а на юг (в частности, на реку Летку) – с вятичами.

В XV–XVI веках в немалой степени под социально-экономическим влиянием феодальной Руси в Коми крае развивались и упрочивались территориально-соседские связи. Произошел окончательный переход от родового строя к раннеклассовому обществу. На смену территориально-племенным союзам пришли территориальные «земляческие» объединения. Одни округа включали несколько близлежащих селений, а другие – целую группу таких небольших округов и именовались землями или волостями. Территории земель-волостей в основном совпадали с территориями предшествовавших территориально-племенных объединений. Это было началом формирования народности коми.

В XVI – первой половине XVII веков к сокращению этнической территории коми на западе из-за притока иноязычных мигрантов, к трудностям в развитии охоты и рыболовства добавились новые – катастрофические по своим последствиям неурожаи зерновых культур. Именно к этому времени земледелие заняло важное место в хозяйстве коми. Ухудшение климатических условий произошло из-за наступления малого ледникового периода, пик которого пришелся на вторую половину XVI – первую половину XVII веков. Участились стихийные бедствия, неурожаи бывали по несколько лет подряд. Все эти несчастья приводили хозяйство населения Коми края в состояние кризиса. Особенно бедственными были 1590, 1601–1603, 1636–1638 и 1640–1644 годы. Это периоды высокой смертности и бегства жителей. Например, во второй половине двадцатых – середине сороковых годов XVII века из Коми края в различные регионы ушли свыше тысячи человек (более 800 из них – в Сибирь).

В середине 1580-х гг. в бассейнах Вычегды, Лузы и Печоры проживало

12–14 тыс. коми. В результате климатических невзгод численность населения в ряде районов Коми края уменьшилась, однако в 1608–1628 гг. начался новый рост населения. Но затем ситуация резко изменилась. К 1646 году почти во всех районах Коми края количество жителей сократилось. Особенно трудное положение сложилось на Выми и в Прилузье, где население уменьшилось почти наполовину. Всего в том году в Коми крае было 15–16 тыс. коми, а вместе с русскими, жившими, в основном, в низовьях Печоры, на нижней Вычегде и нижней Лузе – 25,3 тыс. человек. Сокращение этнической территории на западе, ассимиляция коми населения западных районов, сокращение, хотя и временное, численности жителей в восточных районах позволяет охарактеризовать это время как период демографического кризиса. Дальнейшее развитие этого процесса угрожало самому существованию коми.

Завершение формирования народности коми

Однако во второй половине XVII века историко-демографическое развитие коми-зырян стало постепенно переходить к периоду стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал более мягким, не стало столь частых и губительных неурожаяев. Численность населения края начала стабильно увеличиваться. Стабилизировалась коми-русская этническая граница, прекратилось сокращение этнической территории в ее западной части. Этому способствовало включение в состав Русского государства ряда обширных регионов, удобных для земледелия. После присоединения во второй половине XVI века Казанского и Астраханского ханств появилась возможность освоения русскими колонистами Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки. Разгром Сибирского ханства и установление власти Московских государей в Западной Сибири в конце XVI века сделали возможными переселения в Приуралье и за Урал.

В результате переселенческая активность западных соседей была переориентирована на более богатые и плодородные земли. Тысячи переселенцев с Русского Севера, минуя Коми край, устремились за Урал. В дальнейшем в Коми приходили лишь отдельные немногочисленные русские переселенцы, которые вскоре сливались с местным населением. Например, в XVII в. на средней Сыsole поселились выходцы с реки Юг и из Костромы. Потомки переселенцев (Юговы, Костромины и др.), считающие себя коми, есть среди жителей средней Сысолы, Вычегды, Прилузья и других районов Коми края.

Единственным исключением стали поселки при возникших в XVII–XVIII веках четырех небольших заводах. Во второй половине XVII столетия владельцы соляного промысла на Выми близ Серегово, задумав расширить промысел, привезли туда своих крепостных – русских, карел и поляков. Вслед за ними в Сереговском Усолье появились и вольнонаемные работные люди из северорусских городов – Сольвычегодска, Солигалича, Устюга,

Холмогор, выходцы из Важского, Тотемского и Мезенского уездов.

В середине XVIII века на Сысоле были построены три чугунолитейных и железоделательных завода – Нювчимский в низовьях реки, Кажимский и Нючпасский в верховьях. Для работы на них нужны были мастеровые, которых владельцы искали за пределами Коми края. Так на Сысоле стали складываться группы русского населения.

На XVII–XVIII века приходится завершающий этап формирования народности у коми. В указанное время росли производительные силы. Увеличивались площади, занятые под земледелие, роль которого повышалась в хозяйстве коми. Местные социально-экономические условия сближались с общероссийскими. Росло мелкое ремесло, поднималась товарность сельского хозяйства, возникали промышленные предприятия, развивался внутренний обмен. Постепенно преодолевались рамки земельных союзов, поначалу мало связанных друг с другом. Этому способствовали как укреплявшиеся торговые связи,

так и взаимные переселения жителей из одних районов края в другие. Основное ядро народности коми составляли обитатели бассейна Вычегды – вычегжане, вымичи и сысольцы. Население других, более отдаленных частей Коми края, сыграло меньшую роль в этом процессе в силу чисто географических факторов. Сложившиеся народности коми-зырян и коми-пермяков, по определению Л.П.Лашука, – это особый тип этнической общности, обладающей единством языка, этнического самосознания и имени, этнической территории и культурно-бытового уклада (при наличии и местных особенностей). Эта общность формируется в феодальную эпоху при сравнительно развитых формах хозяйства и общения людей на основе ранее возникших территориальных союзов.

Освоение новых земель. Новые этнографические группы

На завершающем этапе формирования народности коми произошли значительные изменения в расселении

коми-зырян, чему тоже способствовало присоединение Сибири к России. У них появилась возможность продвигаться на Печору и верхнюю Вычегду. А благодаря тому, что Москва установила прочный контроль над Вятско-Камским бассейном, облегчились условия и для переселений коми на юг.

На рубеже XVI–XVII веков наиболее активно осваивался Усть-сысольский район. Рядом с погостом Усть-Сысола (современный Сыктывкар) появилось несколько небольших поселений. Большинство из них основали выходцы из различных сысольских селений. В языке обитателей ряда населенных пунктов этого района имеются черты, позволяющие предположить, что в числе первопоселенцев были и выходцы с нижней Вычегды. Население усть-сысольских земель входит в этнографическую группу сысольских коми, однако говорит оно на своеобразном диалекте (присыктывкарском).

Процесс внутренней колонизации активно шел в Лузской Пермце, особенно в верховьях Лузы. А в 1620–

1625 годах появились первые поселения на реке Летке, основанные выходцами с Лузы – Летка, Слудка и другие. Далее, во второй половине XVII – XVIII веках, происходило постепенное передвижение коми вниз по реке Летке до селений Прокопьевки и Булатовки. Со временем здесь оформилась локальная группа летских коми, говорящих на одном диалекте с населением Лузы, но обладающих специфическими чертами в материальной и духовной культуре. Это было вызвано, в частности, включением значительного русского компонента.

В первой четверти XVII века началась колонизация верхневьчегодских земель. В начале XVII столетия этот обширный район был фактически безлюден. На Вычегде крайними селениями были Пезмог и Маджа. На Вишере (приток Вычегды) стояли два поселения – Вишера и Большелуг. В 1608–1678 годах на верхней Вычегде были основаны 37 населенных пунктов: Нёбдино, Сторожевск, Сюзяыб, Усть-Кулом, Усть-Нем, Деревянск, Аныб и другие. Среди первопоселенцев – выходцы из разных районов

Коми края: Вишеры, Выми, Лузы, Удоры, нижней Вычегды. В первой четверти XVIII века селения стояли уже на всем протяжении Вычегды вплоть до самых верховьев. В ходе освоения этих земель в XVII–XVIII веках сформировалась этнографическая группа верхневычегодских коми. Оформился и особый диалект – верхневычегодский. Этническая смешанность, а также изоляция от инонационального населения стала, по мнению Л.Н.Жеребцова, причиной культурно-бытовой и диалектной специфики верхневычегодцев. Для этой группы характерно языковое и культурное смешение, сохранение древних элементов традиционной культуры коми.

Локальная группа верхневычегодских коми – локчимцы (*локчимса*) – в течение XVIII – начала XIX в. сложилась на притоке Вычегды Локчиме, который стал заселяться на рубеже XVII–XVIII веков. Здесь появились селения Позтыкерос, Боякерос, Мордино, Конша, Дань, Четдино, Лопыдино, основанные выходцами с Сисола и верхневычегодских поселений.

Во второй половине XVII столетия началось переселение коми на верхнюю Печору. В 1674 году выходцы с Лузы, Сысолы и Удоры основали здесь починок Кузьминский (современный Троицко-Печорск). В XVIII в. появились Петрушино, Покча, Савинобор, Скаляп, Возино, Подчерье, Усть-Щугор, Усть-Соплеск, Даниловка и Усть-Аранец, а в XIX веке – Концебор, Медвежская, Красный Яг (крайние пункты расселения верхнепечорских коми). В этих и других селениях обособывались выходцы с Сысолы, верхней Вычегды и отдельные переселенцы из других районов. Это, а также включение русско-пермьского компонента (переселенцы из Прикамья) создало этнокультурную и языковую специфику верхнепечорских коми. Определенную роль сыграли и природные условия, менее пригодные для земледелия, зато обеспечивавшие богатый охотничье-рыболовный промысел. Сложилась этнографическая группа в XVIII веке, тогда же оформился и печорский диалект коми языка.

В XVIII веке произошли решающие изменения в расселении коми на

Ижме и средней Печоре. В первой трети столетия коми-ижемцы основали две деревни на Печоре между устьями Ижмы и Цильмы – Гаревое и Нерица. В районе реки Нерицы пролегла граница расселения коми и русских из Усть-Цильмы, которые осваивали также территорию вниз по течению Печоры до современных границ нынешней республики. На р. Ижме в XVIII веке выходцы из Ижемской слободки основали селения Сизябск, Мохча, Гам, Мошьюга, Злоба, Ласта, Диюр, Картаель, Поромес и Кедвавом. В самых верховьях реки позднее, уже в XIX веке, переселенцами с Вишеры и верхней Вычегды основали несколько небольших поселений. На средней Печоре в XVIII веке возникли ижемские деревни Усть-Ижма, Усть-Уса, Щельяюр, Брыкаланск и др. «Пограничным» пунктом ижемских коми на средней Печоре стала Усть-Кожва. Выше возникли селения, основанные верхне-печорскими коми.

Формирование ижемской этнографической группы (*изъватас*) завершилось во второй половине XVIII

века. Ее основой стали коми переселенцы с Выми и Удоры, к которым в XVII веке присоединились русские из Усть-Цильмы. В XVII–XVIII веках ижемцы переняли оленеводство у ненцев, вышли в тундру, установив с соседями разнообразные и устойчивые взаимосвязи. В составе ижемцев появился ненецкий компонент. Ижемцев отличает свой диалект и яркая культурно-бытовая и хозяйственная специфика, сложившаяся вследствие заимствования оленеводства, его усовершенствования. Сыграли свою роль и природные условия: суровый климат, тундра, богатые промысловые угодья и др.

В XIX – первой трети XX веков коми-ижемцы еще плотнее освоили берега Печоры и Ижмы, основав там более 30 населенных пунктов (Усть-Лыжа, Соколовская, Кипиево, Захар-Вань, Бакур и др.). Они обжили бассейн р. Уса, где появилось около 70 селений (Абезь, Макариха, Адзьва, Ошвор, Елец и т.д.).

Ряд новых поселений в XIX веке был основан на верхней Печоре – выселок Бызовский, деревни Медвеж-

ская, Приуральская и т.д. В конце XIX – начале XX столетий бурно осваивались притоки Печоры: Щугор, Подчерье, Илыч, где были основаны десятки деревень и починков: Тиминка-дан, Орловка, Емель-усти, Лемьяди и другие. Земли, заселенные коми, существенно расширились на восток, к Уральским горам. Граница этнической территории коми на верхней Печоре в XIX веке установилась в районе деревень Порог и Усть-Пожег. В самых же верховьях жили русские, переселившиеся сюда из Пермской губернии. В начале XIX века они основали Усть-Волосницу, затем появились Усть-Унья, Пачгино, Мамыль и прочие.

В конце XIX – начале XX веков активно осваивались самые верховья Вычегды (район Пожега и Помоздино). Там в 1881–1929 годах появилось около 30 населенных пунктов. По соседству, на Вишере и ее притоке Нившере, появились девять деревень и починков, а на Северной Кельтме и ее притоках – 15. Это значительно расширило здешние границы расселения коми.

Процесс внутренней колонизации шел и в старожильческих районах: на Вычегде, Выми, Удоре, Сысоле. Починок Ком, основанный между 1881 и 1916 годами в необжитых землях на реке с одноименным названием, стал самым южным коми поселением в бассейне Сысолы. В 1881–1929 годах на реке Кобре были основаны восемь селений.

Немалые перемены в расселении коми произошли в верховьях Лузы, где в 1881–1929 годах возникли 76 починков. Территория по Лузе была освоена от Ношуля до самых верховьев, с притоками Сокся, Ула, Тылай. Коми поселились даже близ реки Кузюг, притоке Моломы. Существенно расширилась территория, заселенная коми, на верхней Летке. В 1871–1929 годах между Мутницей и истоками Летки было основано свыше 120 выселков, починков и хуторов.

Численность коми-зырян постепенно увеличивалась. В 1725 году в Коми крае их было примерно 40000, а в 1782-м – около 52000. В середине XIX века в Коми крае было около 80 тысяч коми-зырян, в 1897 году – 142 тыся-

чи, и еще примерно 12 тысяч коми жили в Сибири, на Алтае и Кольском полуострове. В 1917–1918 годах в Коми крае проживало около 190 тысяч коми и примерно 20 тысяч русских.

Переселения за пределы Коми края

Многие коми-зыряне уходили в Прикамье. Они оседали в Чердынском и Соликамском уездах, в вотчинах Строгановых. В первой четверти XVII века они впервые появились, например, в Сылвенско-Иренском поречье. Особенно много было в прикамских селениях вычегжан и сысольцев. В переселениях на Каму были заинтересованы, в частности, владельцы солеваренных заводов, нуждавшиеся в рабочей силе. Так, в 1720-х годах на соляном заводе Суровцева (Соль Камская) работали выходцы из Жешартской волости, из Тыдора, Арабача, Ванвиздино, Серегово, Усть-Сысолы, Керчомьи, Небдино, Подъельска, Важгортской волости, с верхней Печоры. Но чаще всего коми переселялись в Сибирь.

Документы XVII–XVIII веков, содержащие сведения о населении Коми края, пестрят сообщениями о том, что тот или иной житель Сысолы, Вычегды и других районов «сшел в Сибирь», «отпущен в Сибирские города» и т.п. Отряд Ермака вели через Урал сорок проводников зырян. Выходцы из Коми края были в числе основателей или жителей большинства городов, возникших в Сибири.

К концу XVI века выходцы из европейской части страны освоили среднюю и нижнюю Обь, нижнее течение Иртыша с Тавдой и Турой. На реке Таз был основан Мангазейский острог. В начале XVII века возникли поселения в верхнем течении Оби и на Енисее. Посадские люди, казаки и крестьяне с характерными прозвищами Вычегжанин, Сысолятин, Вымитин и т.п., с типично коми фамилиями Куимов (от «*куим*» – три) и другими жили в конце XVI – первой четверти XVII веков в Тюмени и уезде, в Тобольске, Пелыме, Березове, Сургуте, Мангазее, Верхотурье, Таре, Нарыме, Томске, Енисейске, в других городах и острогах. Ряд документов

прямо указывает на наличие зырян среди населения сибирских уездов.

В начале 1630-х годов началось освоение бассейна Лены, и коми были в числе отправленных туда служилых людей. Переселенцы с Вычегды, Сысолы, из других районов входили в число служилых и промышленных людей, осваивавших Яну, Индигирку, Колыму, Чукотку. В них участвовали Треня Зырянин и Калина Зырянин. Коми участвовали в знаменитом плавании Семена Дежнева и Федора Попова вокруг Чукотки, в походе Ерофея Хабарова на Амур. Известными землепроходцами стали выходцы из Коми Дмитрий Зырян и Федор Чукичев, руководившие освоением Алазеи, Колымы и Пенжины.

В конце XVII века коми были среди жителей самых южных острогов Сибири – Нерчинского и Селенгинского. Одна из деревень в Забайкалье носила название Зырянская. В конце XVI – начале XVIII веков в Сибирь, по неполным данным, только из Зырянского края ушло 1800 человек.

В XVIII – начале XX веках значительные группы коми-зырян оседали

на Алтае. В середине XVIII века выходцы из Усть-Куломской, Жешартской, Турьинской, Ношульской и других волостей жили в поселках при тамошних Колыванских заводах. В 1803 году на территории современного Алтайского края была основана деревня Зыряновка. Ее первыми обитателями, судя по фамилиям (Черновы, Казанцевы, Гусельниковы), были коми-пермяки. Сейчас их в Зыряновке не осталось. Примерно в 1870 году в Зыряновку переселились первые выходцы из верхнесысольских селений. Последняя группа прибыла в 1912–1915 годах. В 1970-м многие жители Зыряновки носили фамилии Турубанов, Торопов, Кузеванов и другие, распространенные на верхней Сыsole. Переселенцы сохранили в обиходе верхнесысольский диалект коми языка. В селе живут и выходцы из других районов Коми края. Ныне в хозяйственных списках Зыряновки все его обитатели указаны русскими.

Первопоселенцам в первые десятилетия была свойственна бытовая замкнутость, но в ходе межнационального общения коми сближались с ино-

этническими соседями. Постепенно утрачивались элементы традиционной коми культуры, особенно материальной – усваивались иные типы жилищ, заимствовались орудия труда и методы хозяйствования. Более устойчивой оказалась духовная культура, в первую очередь, язык.

В середине и второй половине XIX века группы коми-ижемцев поселились в Северном Зауралье. В 1842 году на реке Ляпин поселилась первая семья переселенцев с Ижмы. Потом к ним почти каждый год присоединялись одна, две, а порой и больше ижемских семейств, и вскоре здесь возникла деревня Саранпауль. В 1853 году первая коми семья поселилась в Обдорске (Салехард). В 1863 году несколько коми семейств поселились в городе Березове. С 1875-го ижемцы стали оседать в селе Мужы. В начале XX века в Мужах жили 88 ижемских семей, в Обдорске – 101. В 1913 году в Березовском уезде значилось примерно 500 ижемцев, в 1924-м – 959. В Обдорском районе в том же году проживало 3810 коми (2,7% населения). Эти группы коми есть там и по-

ныне. Например, в Тюменской области живет сейчас более 10 тысяч коми.

Коми основали несколько селений на территории нынешней Омской области. Примерно в 1870 году выходцы из села Кибры (Куратово) основали деревню Кибер-Спасск. В 1896-м коми с верхней Вычегды поселились на берегу реки Шиш (приток Иртыша), где основали село Имшегал. В обоих поселениях и сейчас живет коми население. В 1922–1923 годах несколько коми переселенцев с Выми уехало в Минусинский край. В 1925-м свыше тридцати семей из Турьи, Коней, других вымских селений переехали на реку Чулым в Ачинском округе. Почти из каждого селения на Выми хотя бы одна семья уехала в 1920-е годы в Сибирь.

В 1880-х годах большая группа коми-ижемцев переселилась на Кольский полуостров. В 1887-м они обосновались в центре полуострова близ саамского села Ловозеро. Тогда их было 65 человек, в том числе несколько ненцев. На исходе XIX столетия к ним присоединились новые мигранты из Ижмо-Печорского края. В 1897

году здесь было 116 коми, в 1915-м – 493. В 1926 году на Кольском полуострове значилось 715 коми, а сейчас их около двух тысяч. Эта группа сохранила развитое этническое самосознание, причем ее представители считают себя не просто коми, а именно коми-ижемцами.

**«...право называться
зырянами»**

Важно подчеркнуть, что, несмотря на существовавшие ограничения, связанные с формированием и деятельностью органов местного самоуправления в Коми крае в конце XIX – начале XX в., представители последних осознавали себя не просто «управленцами» одного из многих уездов России, но и представителями коми народа. Наиболее ярко это проявлялось в Усть-Сысольском уезде (он был создан в 1780 г. в результате разделения Яренского уезда на две части), абсолютное большинство жителей которого (включая и Усть-Сысольск) составляли коми. Этническое своеобразие города и уезда признавалось и на

региональном уровне. Неофициальный титул «столицы Зырянского края» прочно закрепился за Усть-Сысольском. Характерно, например, сообщение одной из вологодских газет о мероприятиях по случаю 300-летия Дома Романовых в 1913 г.: «Юбилейные торжества... в столице **Зырян**ии (выделено нами – авт.) прошли очень шумно».

Весьма показательно, например, что депутаты новой усть-сысольской городской думы, избранной летом 1917 г., в обращении к Временному правительству именовали свою думу «**Зырянской**», как бы заявляя тем самым свое право говорить не от имени жителей одного из городов России, но от имени зырянского (коми) народа. Разумеется, это было уже революционное время, когда умонастроения передовой части коми населения хорошо передавались, например, словами коми писателя В.Т. Чисталева, в апреле 1917 г. писавшего: «Теперь имеем полное право называться зырянами, а край наш Зырляндией... Отныне будет свобода всем народам, живущим в России... Будем

свободно говорить, писать и печатать по-своему, не боясь и не стесняясь...»

Но известно, что и значительно раньше, в 1880-х гг., руководители усть-сысольских органов местного самоуправления выдвинули весьма любопытную инициативу, озаботившись определением даты «присоединения зырянского края к Московскому государству». Несмотря на то, что инициатива усть-сысольских земских деятелей не была поддержана российскими властями и на то, что предложенная ими датировка весьма спорна, само их обращение к проблеме присоединения населенных коми народом земель в состав России, подчеркивание важности этого процесса и стремление обратить на него внимание высших лиц государства, безусловно, весьма примечательно, особенно в условиях Российской империи. Постепенное осознание земскими и другими местными политическими и общественными деятелями себя, политиками в известной мере национальными, выражающими интересы особого народа, имеющего свою специфику в культурном и историческом

развитии, несомненно, закладывало базу для появления в недалеком будущем политиков, формулировавших идеи создания национальной коми государственности.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Хозяйственные занятия

Традиционное хозяйство коми было тесно связано с экологическими условиями среды обитания. В условиях северного климата и лесных малоплодородных почв появление оседлого населения стало возможным лишь благодаря выработанному им специфическому хозяйственному комплексу, включающему в себя как производящие, так и присваивающие отрасли. Для традиционного хозяйства коми не была характерна замкнутая система жизнеобеспечения. В той или иной мере товарная продукция (прежде всего охоты) всегда использовалась для сбалансирования его отраслей. Расширение товарных связей позволило перейти к освоению территории, мало пригодной для земледелия, но дававшей возможности для восполнения недостатка сельскохозяйственной продукции за счет других отраслей. Наличие значительной резервной территории, пригодной к освоению, поз-

волило сохранить традиционный хозяйственный комплекс без особых деформаций вплоть до начала XX в. Хотя в наиболее плотно заселенных районах южной части Коми края он находился к этому времени уже в состоянии глубокого кризиса. Наибольшая трансформация традиционной системы природопользования наблюдалась у самой северной группы коми, ижемцев.

Земледелие первоначально, в XI в., было подсечно-огневым, с ручной обработкой земли. Переход к пашенному земледелию с использованием лошадиной тягловой силы начинается с XII в. Деревянная соха в это время оснащается железными сошниками. В XV в. постепенно внедрилось трехпольное земледелие. Переход от лесного перелога к двух- и трехпольной системе севооборота и от ручной обработки земли к пашенной не был единовременным процессом. Даже в XIX – нач. XX вв. применялись все три системы земледелия: трехполье, перелог и подсека. Правильный трехпольный севооборот осуществлялся преимущественно на давно освоенных

и близлежащих участках и преобладал лишь в южных районах. Наиболее распространенной зерновой культурой был ячмень, его сеяли на солнечных склонах и на хорошо унавоженных землях. Второе место по значению занимала рожь. Овес и пшеницу сеяли преимущественно в южных районах в незначительных размерах. В небольших количествах для личных нужд высевали лен и коноплю. Огородничество было развито слабо. Сажали репу, редьку, иногда капусту и лук. К началу XX в. повсеместно распространился картофель. Картофель, как и овощи, сажали на приусадебных участках.

При обработке земли на подсеках использовались ручные орудия – нечто среднее между топором и секирой, для заделывания семян применяли борону-суковатку. Основным пахотным орудием была соха с двумя железными ральниками. В начале XX в. у коми получили распространение вятские косули и другие сохи-односторонки, плуги имелись только у некоторых зажиточных крестьян в южных районах. В конце XIX – на-

чале XX вв. широко распространились бороны с железными зубьями, которые использовались на тяжелых почвах. Пахота считалась мужской работой, боронили обычно подростки. Сеяли вручную из берестяных лукошек, преимущественно мужчины. Женщины производили ручную уборку зерновых серпом. Мололи зерно для личных нужд на ручных жерновах, а в южных районах – на водяных мельницах.

Коми издавна занимались животноводством. Его удельный вес был особенно высок в северных районах, а на юге (Сысола, Вычегда, Прилузье) скотоводство было побочной отраслью хозяйства. Разводили преимущественно крупный рогатый скот, овец, лошадей. Продукцию скотоводства население использовало в основном для личного потребления. Продуктивность молочного скота была низкой. Пастьба была вольная, без пастухов. Стойловое содержание скота продолжалось в среднем 7–8 месяцев. Возможности интенсификации скотоводства в традиционном хозяйстве коми ограничивал недостаток сенокосных угодий.

Специфической отраслью скотоводства у коми-ижемцев было оленеводство. Заниматься оленеводством ижемские коми стали в середине или конце XVII в. Заимствовав оленеводческий комплекс у ненцев, они внесли в него усовершенствования и к концу XIX в. считались крупнейшими оленеводами Европейского Севера. Отличительной чертой ижемского оленеводства была его высокая товарность, хорошо поставленная селекционная работа, оптимальный половозрастной состав стада. Выпас производился крупными стадами численностью около 2 тысяч голов с помощью собак и при круглосуточном надзоре пастухов.

Массовое распространение, особенно у верхневычегодских, печорских и удорских коми, имела охота. Пушнина издавна представляла собой основной товарный продукт, поступающий из Коми края. Со второй половины XIX в. товарное значение приобрела также добыча боровой дичи. Мясная охота имела большое значение в традиционном рационе питания. К началу XX в. значение промысловой охо-

ты в крестьянской экономике резко упало в южных земледельческих районах края, но сохранялось в северных и восточных. Промысловый сезон у охотников подразделялся на два периода: осенью (до Никола зимнего, 6 декабря старого стиля) охота велась в одиночку в ближних охотничьих угодьях, находившихся в семейной собственности, а в зимнее-весенний период (январь-март) охотники артелями отправлялись на дальний промысел в общинные угодья. Угодья – районы постоянного промысла, оснащенные промысловым жилищем и хозяйственными постройками для хранения инвентаря и добычи. Начало охоты на ту или иную дичь было приурочено к постоянным церковным праздникам. Основными объектами добычи были боровая дичь: рябчик, тетерев, глухарь, куропатка; из водоплавающих: утка, гусь; из пушных зверей: белка, горноста́й, куница, лиса, заяц, медведь, выдра, норка, песец. Летом, в выводковый период, охота не производилась, исключение составляла добыча линной птицы (гусей) в тундровой зоне. Охотники затрачивали на

Современная промысловая избушка печорских коми-охотников. Село Якша, Троицко-печорский район Республики Коми, 2006 г. Фото В.Э. Шарапова.

Традиционная охотничья избушка. Село Покча, Троицко-печорский район Республики Коми, 2007 г. Фото В.В. Власовой.

Традиционная одежда промысловиков у ижемских коми. Село Сизябск, Ижемский район Республика Коми, 1993 г. Фото В.Э. Шарапова.

Традиционная одежда промысловиков у летских коми. Прилузский район Республика Коми, 1993 г. Фото В.Э. Шарапова.

промысел от трех до шести месяцев в год. Широко применялись самоловные орудия. С их помощью добывалась большая часть дичи, зайцев, горностаев, песцов. Огнестрельное оружие появилось в конце XVII – начале XVIII вв., с ружьями вели беличий промысел, добывали крупных животных.

Рыболовство было распространено повсеместно и занимало важнейшее место среди промысловых занятий. Рыба наиболее ценных пород предназначалась, в основном, для рынка. Особенно большое товарное значение имело промысловое рыболовство у северных коми. Промысловый быт коми рыбаков имел большое сходство с охотничьим. Значительная часть рыбы для собственного потребления добывалась в ближних охотничьих угодьях. Широко применялся в прошлом лов рыбы запорами. Помимо индивидуального и семейного рыболовства по всей территории расселения коми существовала добыча рыбы артелями. Особенно распространен был лов рыбы неводами, бреднями, ставными и ботальными сетями. Поч-

ти всю пойманную рыбу заготавливали впрок засолом. Очень популярна у коми вплоть до настоящего времени малосольная рыба со специфическим вкусом. Часто запасали для себя также сушеную и вяленую рыбу.

Вспомогательное, но существенное значение имело собирательство. В значительном количестве каждая крестьянская семья запасала на зиму различные ягоды. Их употребляли в пищу в сыром виде, как начинку в пирогах, делали варенье, кисели, собирали для продажи. У печорских коми существенное значение имел сбор кедровых орехов. Повсеместно в большом количестве весной запасали березовый сок. У всех этнографических групп коми (кроме северных коми оленеводов) была распространена заготовка на зиму грибов (засаливанием и сушением). Большое значение приобретало собирательство весной и в начале лета, когда наблюдалась общая нехватка продуктов питания. В это время преимущественно детьми производился массовый сбор различной зелени. К особой разновидности собирательства можно отнести заго-

товку т.н. пищевых суррогатов (различных примесей к муке), особенно распространенную у северных и восточных коми. Основной суррогатной добавкой традиционно служила пихтовая кора.

Поселение и жилище

Основными типами сельских поселений были деревня и село, расположенные, в основном, по берегам рек, не имеющие укреплений и окруженные сельскохозяйственными угодьями. Первоначально деревни были мелкими, с разбросанной планировкой. В XVIII–XIX вв. распространились многодворные деревни с рядовой планировкой. Село представляло собой сельский административный центр, в котором находились административные здания, церковь, магазины, а вокруг группировались деревни. В XIX в. в результате слияния близлежащих деревень образовались многодворные села, растянувшиеся на несколько километров вдоль рек. Правильная уличная планировка в поселениях появилась лишь в современный период.

Традиционный дом ижемских коми. Село Ласта, Ижемский район Республики Коми, 2007 г. Фото В.Э. Шарапова.

Традиционный дом ижемских коми. Село Мохча, Ижемский район Республики Коми, 2007 г. Фото В.Э. Шарапова.

Традиционное жилище коми представляло собой наземную, прямоугольную по форме, срубную из сосновых бревен постройку на высоком подклете (*керка*). Жилая часть из двух изб (зимней и летней), соединенных сенями (*посводз*), составляла единое целое с хозяйственным двором. Двухъярусный скотный двор (внизу хлев, сверху поветь, на которую вел помост) занимал до половины всего комплекса. Характерная черта жилища коми – односкатность крыши, крытой тесом. Обычно обе избы располагались под одним скатом крыши, под вторым скатом был двор. В западных районах избы ставились так, что их односкатные крыши смыкались над домом в единую двускатную кровлю. Для южных районов были характерны одноэтажные жилища, у северных коми в конце XIX в. распространились двухэтажные многокомнатные дома.

Внутренняя планировка жилища севернорусская: печь (*пач*) в углу у стены со входной дверью, там же полати, в глубине помещения по диагонали от печи – красный угол. В восточ-

Традиционный дом удорских коми. Село Кослан, Удорский район Республики Коми. 2007 г. Фото В.Э. Шарапова.

Традиционные амбары на столбах у удорских коми. Село Чупрово, Удорский район Республики Коми. 2006 г. Фото В.В. Власовой.

ных районах встречалась более древняя планировка: печь в глубине избы устьем к двери, над ней небольшое окно, красный угол по диагонали от печи у двери. Избы с топкой по-черному исчезли у коми со второй половины XIX в., с начала XX в. получили распространение пятистенки, крестовики и другие формы изб. На усадьбе были расположены также амбар (*кум*, *жытник*), погреб (*кӧзӧд*), баня (*пывсян*) и реже колодец (*юкмӧс*, *ӧшмӧс*, *струба*). В стороне, за околицей, стояли овины (*рыныш*) с гумнами. Усадьба могла быть огороженной или нет. Иногда амбары и бани располагались группами вне усадьбы, последние – ближе к реке.

Промысловая лесная избушка – постоянное жилище находившихся в промысловых угодьях коми охотников – была очень проста по конструкции и в то же время предоставляла необходимый минимум удобств для длительного в ней проживания. Наиболее употребительными ее наименованиями у коми были: *вӧр керка* (лесная изба), *кыйсян керка* (охотничья изба), *угоддя керка* (изба в угодье), а

Традиционный амбар на столбах. Село Якша, Троицко-печорский район Республики Коми, 2006 г. Фото В.Э. Шарапова.

также *пывсян* (банька). Охотничья избушка представляла собой бревенчатую постройку 3х3 или 3,5х3,5 м высотой 2–2,5 м. Наиболее крупные по размеру избушки редко превышали в длину и ширину 4,5–5 м. Основная, или базовая, *вөр керка* обычно имела также рубленные из бревен сени, находившиеся под одной с ней крышей. Сруб ставился прямо на землю. Крыша обычно была односкатной, для покрытия использовались доски, вытесанные из половинок бревна.

Потолок и пол обычно делали из колотых плах. Небольшие окна, количеством не более трех, прорубались с южной или восточной стороны. В Прилузье и на верхней Сыsole в качестве промыслового жилища в прошлом достаточно часто использовалась кола, которая представляла собой сооружение из бревен, по типу близкое к *вёркерка*, но имеющее сруб лишь в четыре венца. Крыша была двускатная, на бревенчатых фронтонах, покрытая еловой корой. Очень маленькую по размеру двустворчатую дверь на ременных петлях делали также из еловой коры либо из колотых досок. Пол, очаг и нары обычно отсутствовали. Спали на ветвях, постеленных на землю. Иногда в кола делали примитивный очаг из камней, но лишь для обогрева. Дым удалялся с помощью берестяной трубы-вытяжки.

Традиционные занятия

Вплоть до начала XX века традиционные ремесла коми в значительной мере продолжали оставаться в рамках домашней промышленности.

Тем не менее, проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство края вызывало все большую ориентацию на мелкое домашнее производство товарной продукции. В течение второй половины XIX века у коми происходило формирование слоя кустарей-ремесленников, разделение отдельных ремесел (столярное ремесло частично отделилось от плотницкого, обувное от кожевенного, портняжное от катального и шерстобитного и т.д.). Зажиточные ремесленники организовывали мелкие товарные предприятия, на которых работали члены их семей. Появились и предприятия мануфактурного типа с использованием наемного труда (на кожевенных, замшедельных предприятиях и др.). Продукция коми ремесленников по мере насыщения местного рынка стала поступать и в другие регионы. Массовым явлением среди коми ремесленников в это время становится отходничество.

Наиболее массовое распространение у коми издавна имели деревообрабатывающие ремесла. Деревообработка у коми традиционно считалась муж-

Деревянная солонка в виде утки. Село Ижма, Ижемский район Республики Коми, 2007 г. Фото В.Э. Шарапова.

ским делом. Практически каждый взрослый крестьянин владел технологией и навыками работы по дереву и был способен изготовить из него любой предмет, необходимый в личном хозяйстве. Вплоть до середины XIX века в деревообработке у коми преобладали простейшие технологические операции: рубка, обтесывание, долбление, сверление. Основными рабочими инструментами были: топор (*чер*), тесло (*керанчер*), скобель (*гöгын*), долото (*öжин*), резец (*кандрас*) и нож

(*пурт*). Начавшийся во второй половине столетия процесс переориентации на производство товарной продукции с одновременно происходящей дифференциацией ремесел вызвал существенные изменения в традиционной технологии обработки дерева. Распространились у коми и новые инструменты.

Коми столяры изготавливали на продажу и по заказу рамы, грабли, салазки, сани, деревянные части сохи и телеги, различную мебель. Хорошую репутацию у местного населения имели изделия коми мебельщиков из сел Выльгорт, Зеленец, Аныб, Деревянск, Мутный Материк, Захарвань, Брыкаланск, Сизябск. Столяры изготавливали жесткие диваны и кресла, комоды, буфеты, кровати, стулья, посудные шкафы, сундуки для одежды и другое. Мебель коми мастеров отличалась товарным видом, простой формой, украшалась резьбой, иногда покрывалась краской. Фигурные ножки и ручки вытачивались на самодельных токарных станках.

Широкое распространение в быту у коми имели кружки и жбаны для

Традиционная роспись по дереву вычегодских коми, нач. XX века. Национальный музей РК. Фото В.Кочева.

воды и кваса, ведра, колодезные бадьи, ушаты, подойники, банные шайки, кадки, лохани и другая деревянная утварь из ели, сосны, березы, ольхи, осины. В начале XX века в пригородном селе Слобода выделкой деревянной посуды на продажу занималось до 30 человек. На Печоре спросом пользовались бочки для засолки рыбы. Крупнейшими бондарными

центрами были Щельяюр и Краснобор, а также Ижма, Брыкаланск и Усть-Волосница.

Каждое хозяйство собственными силами обеспечивало свои потребности в смоле. В конце XIX – начале XX веков близ Усть-Сысольска в Богоявленской волости возник центр производства смолы на продажу. Эта смола продавалась на усть-сысольском базаре или сдавалась оптом городским купцам. Некоторые смолокуры развивали свою продукцию на лодках в селения по Вычегде и Сыsole.

Дегтекурение у коми было развито слабо. Колесный транспорт, исключая южные районы края, существенного значения не имел. Нужду в дегте коми крестьяне удовлетворяли преимущественно на ярмарках и базарах или же получали его в небольших количествах в ямных дегтеварках (*дьöгöдь вийöдан пач*) сами. Товарное производство дегтя было сосредоточено в южных волостях, преимущественно в Прилузье.

Скорняжий промысел был распространен повсеместно, но занимались выделкой овчин в каждой волости

лишь по два-три человека. Больше всего скорняков было в пригородном селе Выльгорт. Работали скорняки исключительно в зимнее время. Дубление овчин практиковали лишь выльгортские мастера, остальные скорняки выделывали только сыромятные. Занимались выделкой волчьих, собачьих, медвежьих шкур, беличьих шкурок.

У ижемских коми существенное экономическое значение имело замшеделие. Обработкой оленьих шкур и выделкой из них замши занимались в специально построенных для этой цели помещениях – «замшевых избах». В середине XIX века ижемцы, используя опыт галичских замшеделов, существенно улучшили технологию замшевого производства, стали привлекать наемных рабочих, ввели разделение труда по операциям. Их продукция вышла на всероссийский рынок.

Выделкой кож занимались на небольших частных «заводах». В начале XX века в Усть-Сысольском уезде таких предприятий было 15, в том числе семь – в городе. Изготавливался

только подошвенный и черный сапожный товар, кожа более ценных сортов поступала в Коми край из других областей России, например, из Вятки.

Сапожников, работающих на рынках, было немного. Основными центрами сапожного ремесла были Усть-Сысольск, где в начале XX века работали около 40 сапожников, и село Выльгорт – до 30 человек. В остальных волостях обычно по сапожному ремеслу работали лишь по два-три человека. Тачали они исключительно по заказу и из материала заказчика.

Производством домашних тканей занимались повсеместно, но работали, как правило, на себя. Ткали везде на самодельных станках. Небольшой центр по производству домашнего сукна имелся в деревне Аранец на Печоре, где этим занималось 8–10 хозяйств.

В нижневыхегодских и сысольских волостях существенное распространение имело занятие изготовлением валеной обуви. Катанием обуви занимались исключительно по заказу и из материала заказчика. Из-за недостатка сырья этот промысел был преимущественно

щественно отхожим. Уходили в Вятскую, Пермскую, Оренбургскую, Тобольскую губернии или же в другие волости, преимущественно северные, своих уездов.

Кузнечно-слесарный промысел в крае был развит слабо, везде работали по заказу. Выльгортские кузнецы в небольших количествах изготавливали для продажи на усть-сысольских базарах топоры, косы, ухваты, кочерги, замки, петли и т.п. Инструменты кузнецов – меха, молоты, клещи – обычно были самодельными. Слесарные работы ограничивались преимущественно починкой старых изделий, например, пайкой самоваров.

Одним из древнейших занятий у коми, как и других народов, было гончарство. У коми глиняную посуду для собственного потребления делали в основном женщины. При производстве ее в домашних условиях даже в начале XX века сохранялась архаическая ленточно-жгутовая техника. Посуду лепили в жилых помещениях, в холодной половине дома или прямо на улице. Обжиг происходил в русской печи. На рынок такая посу-

да не поступала. Ручной гончарный круг (легкого типа, относящийся к северо-русской системе) появился у коми в XV веке, но широкого распространения не имел. С конца XIX века стали употреблять для обжига специальные печи, которые обычно сооружали 2-3 мастера на паях. В печи обжигали за неделю до 300 гончарных изделий. Многие мастера-гончары покрывали свои изделия зеленым глянцем или бесцветной глазурью. Орнаментировалась посуда редко. Наибольшее развитие гончарное производство имело в Выльготе и Прокопьевке (на р. Летке), где выделились мастера, работающие только на рынок. Ассортимент керамики был невелик: большие корчаги для хранения воды, горшки для приготовления пищи, кринки, глиняные сковородки и плошки. В селе Важгорт изготавливали также глиняные чайники. Кое-где мастера делали керамические светильники.

Транспорт

Территория Коми края вплоть до недавнего времени отличалась бездорожьем. Летом богатая речная сеть определяла преобладание водных средств передвижения: лодок, плотов, паромов. Наличие лодки в хозяйстве было обязательным для населения. Водные артерии были основным средством связи между населенными пунктами, расположенными, как правило, по берегам рек. Рыболовный промысел, являвшийся важной составной частью комплексного хозяйства народа коми, восполнял низкую продуктивность сельского хозяйства для преобладающей части населения. На лодках доставлялись продукты питания и снаряжение в охотничьи угодья.

В XIX–XX веках лодки, применявшиеся промысловым населением, подразделялись на два типа: долбленки и дощаники. Долбленые лодки из осины (реже из пихты) еще недавно были широко распространены на территории Коми края. Благодаря малой осадке и небольшому весу они были незаменимы при плавании по малым ре-

Традиционные и современные лодки удорских коми. Село Пысса, Удорский район Республики Коми. 2007 г. Фото В.Э. Шарапова.

Традиционная лодка печорских коми. Троицко-печорский район, с. Усть-Унья, Республика Коми. 2006 г. Фото В.Э. Шарапова.

кам, их легко можно было доставить в непроточные озера и старицы, перетаскать через волоки. На крупных реках, как правило, осинового долбления имелись в хозяйстве и при наличии лодок, сшитых из досок, как транспортное средство для мелких притоков и внутренних водоемов. Называли их *пипу пыж* (осиновая лодка) или заимствованными из русского языка словами струг, ветки.

Использовались на территории Коми края для перевозки грузов и более крупные, чем лодки, водные транспортные средства: карбасы грузоподъемностью от 100 до 500 пудов, каюки – до 7 тыс. пудов, барки – до 30 тыс. пудов. На них грузы (зерно, мука, смола и др.) доставлялись на большие расстояния. Крупными центрами строительства барок были, например, села Ношуль на Лузе и Койгородок на Сысоле.

При поездках за сеном, дровами у коми широко использовались плоты (*пур*) из 5–6 бревен длиной около 2 м. Для сплава сена делали плоты и из большего количества бревен (до 30–32 штук). Рыбаки с плотов устраива-

Изготовление традиционных лодок у современных ижемских коми. Село Ласта, Ижемский район Республики Коми, 2007 г. Фото В.Э. Шарапова.

ли запоры для ловли рыб. При передвижении на плотях отталкивались шестами. Использовали плоты и в качестве паромов.

Гужевой транспорт в прошлом играл у коми значительно меньшую роль, чем водный. Снаряжение лошади (упряжь) и виды запряжки были такими же, как у северо-русского населения. Простейшим конным транспортным средством были волокуши, которые назывались *вуж додь* (букв.

сани из корня). Они применялись для перевозки бревен и других грузов по лесным и неустроенным дорогам. Состояла такая волокуша из двух массивных оглобель, сделанных из древесных стволов с отходящими под прямым углом обрубками корней на концах, которые не позволяли грузу сваливаться при передвижении. Санями для перевозки груза коми пользовались не только зимой, но часто и летом. Для этой цели служили дровни (*пу додь*), розвальни (*розваль*), розвальни с корзиной (*кёрзина додь*) и т.д. Для выездов существовали небольшие санки с высокой резной спинкой (*корадодь*), легкие, обитые, часто богато украшенные сани-кошевы (*кёшöва, шпура*).

Колесный конный транспорт на территории Коми края был распространен мало. Телеги на четырех колесах (тарантас, *нёль гöгыля* телега) получили некоторое распространение лишь у населения бассейна Ижмы, в Прилузье и в районах по средней Вычегде около Усть-Сысольска. На остальной территории пользовались одноколками-двухколесками (*кык*

гöгыля), представлявшие собой волокушу, поставленную на колеса. Одноколки применялись для перевозки навоза, дров, сена, снопов и другого. Одноколка с тремя закрытыми сторонами (бортами) или с ящиком использовалась и для перевозки людей.

У северных коми (ижемцев) основным ездовым животным являлся олень, запряженный в нарты (длинные и узкие сани). Для управления оленьей упряжкой служит длинный тонкий шест – хорей. Оленьи нарты бывают нескольких видов: легковые (ездовые) мужские и женские, грузовые с открытым и закрытым коробом, для перевозки чума и т.д. (*мужик дадь, баба дадь, утіча* и др.).

В бассейне реки Усы у коми было известно упряжное собаководство. Существует оно и сейчас, преимущественно у населения села Петрунь и деревни Роговой. Специальные собачьи нарты – грузовые и ездовые. Применялись собачьи упряжки и у коми населения верхней Печоры. В качестве собачьих нарт там использовались обычные охотничьи ручные нарты (*норт*).

В условиях долгой северной зимы чрезвычайно популярным индивидуальным средством передвижения у коми были лыжи. Изобретение лыж относится к глубокой древности. Лыжи у коми существовали двух типов: обшитые камусом (шкурой с ног лосей или оленей) и голицы. Как правило, у охотников имелись лыжи обоих типов – камусные лыжи (*лызв*) для постоянного пользования и голицы (*лямпы*) для сырой погоды и ходьбы по насту. Конструктивно голицы и подшитые лыжи существенных отличий не имели. Изготавливали лыжи чаще всего из ели, реже – из березы. Длина лыж колебалась от 1,5 до 2 м, для ног имелась ступательная площадка. Обычно голицы делали охотники каждый сам для себя, а камусные лыжи изготавливали на заказ опытные мастера. Обращение с подшитыми лыжами было, по возможности, бережное. Ими не пользовались в сырую погоду, пока не просохнут, не вносили в помещение и т.д. Срок службы камусных лыж определялся изношенностью обшивки и был обычно не менее пяти лет.

Пища

К традиционной пище коми относился широкий ассортимент блюд как из продуктов земледелия, так и добывающих промыслов (охоты, рыболовства и собирательства). Для приготовления многих из них использовалась продукция различных отраслей комплексного традиционного хозяйства. Питались коми, как правило, три раза в день: завтрак – в 6–7 часов утра, перед началом рабочего дня; обед – в 13–15 часов и ужин – в 19–21 час. В обыденные дни на стол при каждом приеме пищи подавалось 3–4 блюда, в перерыве между застольями нередко устраивали чаепитие. В праздничные дни, особенно на свадебных пиршествах, количество блюд, подаваемых на стол, нередко превышало два с половиной десятка, а солидным считался обед, состоящий из 17–18 блюд. Ели в домашних условиях всегда за столом, всей семьей из одной посуды – большой круглой деревянной миски. Жидкие блюда ели деревянными ложками, а мясо и ры-

бу – обычно руками, иногда для этого использовали костяные вилки.

В качестве первого блюда общераспространенными были щи и всевозможные супы (*шыд*), которые подавались на стол обязательно в горячем виде. Мясной суп (*яя шыд*) считался праздничным блюдом, обычно же для заправки супов ограничивались ячневой или перловой крупой, горохом, мятым конопляным семенем, картофелем. В щи дополнительно клали капусту или квашеную траву – борщевик. Перед подачей на стол в суп добавляли сметану. Распространенным первым блюдом был также грибной суп с картофелем и луком, иногда готовили уху (*юква*). Особенно популярны были кислые супы (*азя шыд*), которые готовили на сыворотке, простокваше или специальной закваске.

Мясные супы варили из свежего, вяленого и соленого мяса домашнего скота или промысловых животных (дикие копытные, боровая дичь), у северных коми – обычно из оленины. Заправляли их тоже различными крупами, картофелем и луком.

В летнее время распространенными первыми блюдами у коми были также холодные супы и похлебки. К ним относились такие жидкие блюда как *ырёша кушман* (редька с квасом), *йёла кушман* (редька с молоком), *ырёша кёчан* (квашеная капуста с квасом), *тиака ырёш* (холодный грибной суп) и другое. Готовили холодные супы преимущественно на основе домашнего хлебного кваса (*ырёш*). Наиболее обыденным из традиционных вторых блюд у коми была каша (*рок*). Готовили ее преимущественно из мелкой ячневой, реже перловой крупы. В постные дни ее ели с растительным маслом, а в дни обычные — с молоком и сливочным маслом или с животным салом. Кроме крупы, для варки каши использовали также ячменную муку.

Одним из наиболее любимых продуктов питания у коми была рыба. Ее употребляли в вареном, соленом, жареном виде. Обед считался настоящим лишь тогда, если на стол подавался рыбный пирог (*черинянь*). Большой популярностью пользовалась слабосоленая квашеная рыба так называемо-

го печорского засола, обладающая специфическим вкусом и своеобразным резким запахом. Слегка сквашенная рыба сохраняла свою форму и подавалась на стол в виде закусок, или ее употребляли для начинки пирогов. При более сильном квашении рыба становилась совершенно мягкой, а кости ее легко отделялись от мяса. Такую рыбу разминали ложками в мисках с холодной водой и ели ложками. Сушеную рыбу употребляли для начинки пирогов, брали с собой на сенокос или в дорогу. Из мальков, которых коми добывали в большом количестве холстяными неводами, готовили суп, их жарили, сушили, а в соленом виде они считались лакомой закуской. Деликатесным считалось рыбное блюдо *чоля*. Для его приготовления с кишок крупной рыбы (щука, язь) счищали внутренний жир, протягивая их под лезвием ножа на доске. Затем их смешивали с икрой и молоками и засаливали, как рыбу. Жарили рыбу в специальной глиняной посуде (*чери латка*) обычно на молоке. В качестве второго блюда нередко использовалась отварная рыба,

вынутая из поданной на первое ухи. На праздничном столе обязательно присутствовало несколько разновидностей рыбников, приготовленных каждый только из одного вида рыбы: рыбный пирог с ельцами, щукой, налимом, хариусом, сигом, семгой. У удорских коми был популярен рыбный пирог с начинкой из рыбьих мо-лок и печени (*нека-муска курник*). Особо подавалась икра: налимья, сиговая, семужья.

Мясо как второе блюдо использо-валось у коми реже, обычно для этой цели чаще шло вареное и нарезанное на мелкие куски мясо, вынутое из поданного на первое супа. Относительно часто мясо (преимущественно бо-ровая и водоплавающая дичь) было на столе у коми промыслового населения и у северных коми – оленеводов (оле-нина). К праздничным блюдам у коми относилось жаркое из лесной дичи, а также зажаренное легкое. Легкое за-полнялось через трахею молоком и жарилось в русской печи. На стол его подавали в мелко нарезанном виде. Деликатесом считались копченые языки диких оленей и лосей. Искон-

но коми национальным блюдом являются пельмени – *пельнянь* (букв. уха-хлеб). Делали их обычно в праздники. У северных коми очень популярной мясной закуской была строганина из свежзамороженной оленины (*айбарч*).

Дичь заготавливали впрок обычно следующим образом: ощипанную и выпотрошенную птицу клали в горшок с водой и ставили ненадолго в печь к огню так, чтобы она не успела свариться, потом ее вынимали из горшка и помещали на ночь в печь на вольный жар. Приготовленная таким образом дичь не теряла своего вкуса. Если боровая дичь была добыта уже после похолодания, то часть ее, выпотрошив, хранили в замороженном виде. Куропаток и диких гусей чаще засаливали. Так же поступали с мясом диких копытных и домашнего скота.

Из овощей ведущее место в традиционном питании народа коми со второй половины XIX века стал занимать картофель. Его ели в разнообразном виде: варили, жарили, тушили с мясом и грибами, пекли, добавляли в

качестве компонента в супы и другие блюда. Широко употребляли в пищу также капусту. Ее ели в сыром и квашеном виде, подавали перед трапезой в качестве закуски, использовали для приготовления салатов и в качестве начинки для пирогов, варили щи.

Другие овощи, выращиваемые коми, например, редька, репа, брюква, лук, имели немаловажное значение для расширения ассортимента и улучшения вкусовых качеств отдельных блюд. Одним из любимых десертных блюд была *паренча* (пареные корнеплоды).

Обязательное и ведущее место в пищевом рационе у коми занимала выпечка. Хлебные изделия пекли из ржаной и ячменной муки, используя дрожжевое тесто. Для повседневного питания служил круглый подовый хлеб, ржаной – *рудзöг нянь* или ячменный – *ид нянь*. Небольшие колобки из ржаного теста назывались *тупöсь*, а из кислого жидкого теста, замешанного из ячменной муки на молоке – *кöвдум*. В праздничные дни выпекали сочни, оладьи, калачи, разнообразные пироги и пирожки с на-

чинкой из рыбы, мяса, грибов, ягод, репы, капусты, редьки, лука, солода, картофеля, различных круп и другого. Очень популярны были у коми всевозможные шаньги (лепешки с начинкой). На праздники пекли также блины, чаще всего из ячменной муки. Ели их с маслом и сметаной.

Широко употреблялись у коми в пищу ягоды. Их ели в сыром, сухом и вареном виде, с хлебом и молоком, делали кисель, использовали как начинку для пирогов. Особенно в большом количестве запасали на зиму бруснику и клюкву, а также морошку. Из других ягод существенное значение имели также черника, голубика, лесная малина и смородина, земляника. Заготавливали тронутую морозом рябину. Сушеную черемуху, помимо всего прочего, использовали для получения черемуховой муки, из которой пекли лепешки и которую добавляли в хлеб.

Помимо чая, у коми были распространены такие напитки как отвар цветов и ягод шиповника, брусничного листа, чаги (березового гриба), хлебный квас (*ырöш*), березовый сок

(*зарава*), а также домашнее пиво (*сур*). Северные коми пили чай с такими добавками как лук, перец и анис, что придавало ему своеобразный вкус. Из пареной репы или брюквы варили компот (*паренча ва*) или делали квас. Солодовое сусло (*чужва*) пили с добавленными в него ягодами: черникой сушеной и свежей, морошкой, клюквой, брусникой, сушеной черемухой. Из морошки, залитой охлажденной кипяченой водой и выдержанной на холоде, получали «морошковую воду» (*мырном ва*), хорошо утоляющую жажду.

Одежда

До начала XX века одежду шили преимущественно из тканей домашнего производства: холста (белого и цветного – ‘пестряди’) и сукна. Холст (льняной и посконный) был значительно шире распространен у коми, проживающих в южных районах (летские и вычегодские коми). На изготовление верхней одежды, помимо сукна, шли и полушерстяные ткани. Выделанные шкуры (коровьи, овечьи,

оленьи), необработанные и дубленые, а так же ровдуга и мех домашних и диких животных использовали при изготовлении обуви, ремней, шапок, шуб и промысловой одежды. Верхнюю одежду и обувь из оленьего меха шили в основном жители Печоры, Ижмы, Удоры, верховьев Выми. В этих местах, наряду с меховой одеждой, была широко распространена одежда из привозных тканей, которые доставлялись из центральных районов России. Преимущественно у летских коми была распространена традиция плетения лаптей (*нинкӧм*) из березового и липового лыка.

Традиционный мужской наряд состоял из рубахи (*дӧрӧм*, *йӧрнӧс*), верхних штанов (*гач*), кафтана (*дукӧс*) или шубы (*нась*). Туникообразную рубаху обычно шили из белого домотканого холста (*дӧра*) или пестряди. Праздничная рубаха шилась из более тонкого холста или из фабричных тканей и украшалась черно-красной вышивкой, полосками браного узорного тканья или узкими вставками кумача на груди, по вороту и на оборках рукавов. Носили такие рубахи всегда

навыпуск, подпоясывая плетеным или тканым пояском (*вõнь, йи*), завязывая узел на левом боку. Нижние штаны (*порты, вешьян*), более широкие, чем верхние, шили из сурового холста, глухие, между штанинами вставляли два клина. Праздничные штаны шились из бумажного трико черного цвета. Штаны заправлялись в сшитые из холста или вязанные шерстяные чулки, обычно украшенные геометрическими узорами по всему паголенку.

В традиционном комплексе верхней наплечной мужской выделяется три основных типа, связанных с производственной деятельностью населения рассматриваемого региона. Первый тип характерен для земледельческих районов (Вычегда, Сысола, Луза). *Шабур*, сшитый из синего или сурового грубого холста, представлял собой длинную глухую рубаху с рукавами, бока которой состояли из четырех скошенных и сшитых между собой полотнищ; такой покрой делал ее более широкой в подоле. Для головы было прорезано отверстие, с краю которого иногда пришивали капюшон из холс-

та (*юр кышöд*). С наступлением осенних холодов коми мужчины одевали *дукöс* – кафтан, из домотканого сукна синего или белого цвета длиной до колен, с застежкой на левую сторону и длинными рукавами. В некоторых местах его называли *сукман*.

Второй тип – промысловый костюм коми охотников и рыболовов. Основной отличительной деталью промысловой одежды является прямоугольная короткая накидка с отверстием для головы – *лузан*, *лаз*. У печорских и удорских коми такие накидки изготавливались из домотканого холста или из сукна размером 40×60 см. По краям для прочности лузан обшивался узкими сыромятными ремешками. Для большей прочности лузан так же обшивался кожей на плечах, груди и на спине, куда пришивалась петля для топора (*лаз козъян*). Для зимней охоты использовался лузан с капюшоном, который изготавливался отдельно и пришивался к краям головного отверстия. Под полотнищем лузана сзади и спереди за счет подшивного холста образовывались мешки – карманы, которые использовались во время перехо-

дов для хранения добытой дичи, шкурок зверей, а также необходимых охотнику принадлежностей.

Третий тип – одежда оленевода, которая в прошлом была характерна главным образом для коми-ижемцев, а в первой половине XX в. получила распространение у печорских, удорских и вычегодских коми. У коми комплекс одежды из оленьего меха (*малица, совик, тӧбӧки, пимы*) получает распространение начиная лишь с XVI – XVII вв., что было связано с развитием оленеводства и расселением коми в районах лесотундры по Средней и Нижней Печоре, Усе и Ижме. Основные названия этой одежды были заимствованы коми у коренного оленеводческого населения тундры – ненцев. Коми-олeneводы усовершенствовали некоторые детали в покрое и отделке одежды: ижемцы, в отличие от ненцев, не всегда пришивали к малице рукавицы (которые шились из камуса мехом наружу), а довольно часто носили их отдельно; подол малицы декорировался и в то же время существенно укреплялся меховой опушкой (*панды*) шириной

Традиционная меховая одежда ижемских оленеводов. Село Адзьвавом, Интинский район Республики Коми, 1993 г. Фото В.Э. Шарапова.

Детская меховая одежда ижемских коми. Село Петрунь, Интинский район Республики Коми, 1993 г. Фото В.Э. Шарапова.

15–20 см из летней шкуры оленя с более низким и плотным волосом. Обязательным элементом малицы стал пришитый наглухо капюшон (*юра малича*) с опушкой из меха по краю и вшитыми замшевыми тесемками, позволяющими регулировать степень открытости лица. Поверх повседневной малицы мужчины и в настоящее время носят сатиновый или хлопчатобумажный чехол-накидку (*малича кышед или кышан*), в целом повторяющий по покрою малицу. Многие муж-

чины-ижемцы носили суконные малицы, аналогичные по покрою меховым, и в качестве осенней одежды. В крепкие морозы на малицу надевается парка, сшитая мехом наружу из тонких шкур молодых телят. Раскрой её такой же, как у ижемской малицы, только спинка парки кроилась вместе с затылочной частью капюшона из одной шкуры. Праздничная мужская парка, как правило, шилась из белого неблюя (*няровей, дон няровей*) и украшалась по подолу, на рукавах и на капюшоне меховой аппликацией, а так же цветными суконными полосами. В осенние и весенние дни ижемцы носили парку из грубого сукна (*ной парка*). В очень сильные морозы оленеводы надевали совик, который шился подобно парке – мехом наружу, но из шкур взрослых оленей.

Традиционными головными уборами коми мужчин до первой четверти XX в. оставались валяные, суконные и меховые шапки различной формы: одни – с низкой тульей и широкими полями, другие – с высокой тульей и приподнятыми загнутыми кверху кра-

ями. Охотники носили суконные шапки двух видов: «зырянки» в форме шлема с небольшой полоской сукна, спадающей сзади на шею, напоминающие матросские, с дном из пяти клиньев, оторочкой из зеленого сукна. Коми-ижемцы носили зимой меховые шапки-долгоушки из пыжика и неблюя, а население южных районов – вычегодские, летские коми и коми-пермяки – ушанки из овчины. В качестве летних головных уборов в XIX – нач. XX вв. носили картузы и фуражки. Отправляясь летом на работу в лес, мужчины надевали накомарник *номдöра* – специальный глухой капюшон из холста, закрывающий голову и шею. Такой же капюшон с сеткой из конского волоса на лицевой части носил название *ситка*. Рыбаки на промысле и косцы на сенокосе для защиты от насекомых повязывали голову и шею платком.

Для традиционной женской одежды коми характерен сарафанный комплект севернорусского типа: рубаха с прямыми поликами, косоклинный и прямой сарафаны. Наиболее старинные формы народной женской одеж-

ды – длинная холщевая рубаха и косоклинный сарафан (в основе своей имеет три прямых полотнища: два спереди и одно сзади, и четыре клина, вставленных по два в бока). У ижемцев и сысольских коми уже в конце XIX в. преимущественное распространение получает прямой сарафан. Появление прямого сарафана у коми связано с распространением фабричных тканей, первоначально на Сысоле, которая издавна являлась районом отходничества. В промысловых и оленеводческих районах (Печора, Ижма, отчасти Удора) сарафаны шили преимущественно из фабричных тканей, а в земледельческих районах бассейна Вычегды, Сысолы носили дубасы, сшитые из домотканого крапчатого холста или набойки со сборами.

По различиям в покрое, выборе материала, по характеру убранства условно выделяется несколько типов традиционного женского костюма коми: лузско-летский, верхневычегодский, нижневычегодский, вымский, ижемский, печорский, удорский (вапкинский и мезенский) и сысольский. Корректность предлагаемой типоло-

гии косвенно подтверждается тем, что ареалы бытования выделенных типов женского костюма территориально совпадают не только с распространением различных диалектов коми языка, но и с бытованием различных вариантов традиционного декорирования тканей (узорное вязание, вышивка, ткачество), характерных для определенных этнографических групп коми.

Основной элемент женского костюма – рубаха (*дөрём*), верхняя часть которой (*сос*) шилась из пестряди, кумача, либо вышитого холста, а нижняя часть (*мыг*) – из более грубого белого холста. Рубаха украшалась вставками из ткани контрастного цвета: *ластович* – на плечах и *кунлёс* – под мышками. На груди, посередине, делали прямой разрез с застежкой у ворота на одну пуговицу. Ворот, подол и обшлага рукавов вышивались геометрическим или растительным орнаментом из красных, реже – красных и черных ниток. Для Лузы и Летки характерны рубахи с трапециевидными поликами, выкроенными из холста или кумача. Основной массив

вышитых узоров на летских женских рубахах сосредоточен на плечах, отсюда и местное название рубахи – *пельнома кӧрӧма* (с плечами, приспособленная). В нач. XX в. для коми характерны женские рубахи туникообразного покроя с одним центральным полотнищем и рубаха северовеликорусского типа с прямыми поликами и с широким приспособленным воротом.

Поверх рубахи удорские женщины одевали косоклинные сарафаны двух типов: *кунтей* – из синей холщовой ткани с набивным растительным орнаментом и *штофник* – из покупного сатина, шелка или парчи на суровом холщовом подкладе. Удорские женщины, нередко, поверх сарафана носили сильно приталенную кофту с широкими фалдами (*гырка кофта*) из шелка или сатина. На верхней Вычегде женщины носили *шушун* – косоклинный сарафан из пестряди (праздничный), домотканого холста синего цвета или набойки (повседневный). Из фабричных тканей (ситца, сатина, кашемира) вычегодские коми шили сборчатый на груди и на спине *кӧрӧма шушун*. В селениях на средней Вы-

чегде и по верхней Печоре носили косоклинные сарафаны из фабричной ткани – *китайки*. Поверх сарафана вычегодские женщины надевали *нарко́вник* – короткую распашную кофту из шелка или цветного кашемира на ситцевом подкладе, без застежек и воротника, с широкими рукавами, собранными в сборку у запястья. На талии подвязывался белый передник – *водздора* – из хлопчатобумажной ткани, вышитый растительным или геометрическим орнаментом по подолу. На Ижме бытовал праздничный штофник из парчи и шелка такого же покроя, как и китайник. Под влиянием русского населения Архангельской губернии у ижемцев широкое распространение получили сарафаны прямого покроя из шелка. Для сысольских коми наиболее характерны ситцевые, сатиновые и кашемировые сарафаны прямого покроя двух типов: на лямках и с лифом, или корсажем.

Женские головные уборы коми различались по возрастному принципу. Девичьи головные уборы, как правило, изготавливались в форме открытого очелья или повязки, облегающей го-

лову и оставлявшей неприкрытыми затылочную часть волос. В Прилузье и на Вычегде девушки носили *голове-деч* – венчик на берестяной основе, обтянутый красным сукном и вышитый разноцветным бисером. На Удоре праздничным головным убором девушек была парчовая повязка (*алёй шёвка* или *барсёвёй от*) шириной до 20 см, которая застегивалась сзади на пуговицу. У вымских коми традиционным головным убором девушки в начале XX в. была «*ситка*» (сетка), представлявшая собой сплетенный из ниток круглый чепец, украшенный бусами и лентами. Девичий головной убор ижемок – *ныв юр* – налобная повязка из сложенного в узкую полоску платка, завязанного на затылке.

Повсеместно у коми замужние женщины заплетали волосы в две косы, укладывая их вокруг головы, и покрывали голову повойником (*юртыр, баба-юр, пёвёйник, вёлёсник*) – специальный чепец на мягкой основе. Выделяются две основные группы головных уборов замужних женщин. На мягкой основе – различного рода вышитые повязки: *треук* или *ошувка*

Бисерный орнамент на головном уборе невесты у печорских коми-зырян. Село Соколово, Печорский район Республики Коми, 1993 г. Фото В.Э. Шарапова.

(Ижма), *юркӧртӧд* или сорока (Прилузье, Сысола). Головные уборы на твердой основе – сборник (Вычегда, верхняя Печора), самшура и кокошник (Печора, Вычегда, Вымь). Сборник имел коническую форму и состоял из мягкого чепца и твердого околышка. Самшура – чепец неправильной трапецевидной формы, сшитый из кумача, с твердым дном, по краям обшит твердым валиком. Кокошник представлял собой чепец, сшитый из кумача, на холщовой подкладке. Спе-

реди у чепца имелось твердое очелье в форме полукруга, обшитое кумачом, с украшениями из пуговиц, мишуры, разного жемчуга и бисера. Кокошник носили, низко надвигая на лоб, либо сдвигали на затылок, открывая лоб и пробор. Поверх кокошника, как и поверх самшуры, повязывали платок. Дома и летом на полевых работах женщины носили кокошник без платка.

Верхняя женская одежда у коми была близка по покрою к мужской. В качестве рабочей одежды были распространены шабур, ничем не отличавшийся от мужского, и кафтан, который также был аналогичен по покрою с мужским, но только несколько короче и шире в подоле. Женскую шубу (*пась*) шили прямого покроя из дубленых желтых овчин. меховая одежда коми-ижемок (*малица*) отличалась от мужской более изысканным декором на подоле, меховой оборкой и яркими украшениями из мехой мозаики и сукна на капюшоне и рукавах.

Традиционная мужская и женская обувь у коми почти не различалась

по покрою. В зимнее время носили валяную обувь (*гын юр, тюни, катанки, ишим*) – валяные головки с пришитыми суконными или холщовыми голенищами. В северных районах зимой носили: *тöбöки* – сапоги высотой 40 см из оленьего меха ворсом наружу, *пимы* – сапоги с голенищем выше колен, также сшитые из оленьего меха ворсом наружу. В качестве весенней и осенней обуви коми оленеводы носили *кисы* – головка сшита из оленьего камуса, а голенища высотой до 20 см суконные или кожаные. Охотники и рыболовы пользовались специальной обувью для промысла: осенью – *бакилö* – кожаные сапоги с длинным голенищем, а зимой – *лызь көм* – особые лыжные ботинки, которые шились из одного куска тонкой сыромятной кожи в виде грубых башмаков с загнутыми носками. Низкую кожаную обувь носили с длинными шерстяными узорчатыми чулками (*кузь сера чувки*), которые завязывались под коленом специальными повязками. меховую обувь носили с меховыми чулками – *липты*, которые шились мехом внутрь. Жен-

ская меховая обувь отличалась от мужской цветом и орнаментальными композициями. Летом и осенью коми носили поршни (*чуктӧм, чарки*), сшитые из сыромятной кожи и стягаемые у щиколотки ремешком, коты (*кӧт*) – кожаную обувь с невысоким суконным голенищем. Такую обувь носили поверх холщовых портянок или шерстяных узорчатых чулков. На Лузе и Вычегде носили лапти (*нинкӧм*), плетеные из бересты и липового лыка. До начала XX в. у коми были распространены самодельные холщовые и суконные чулки (*чӧрӧс*) без пятки, которые в прошлом были обязательным атрибутом погребального наряда.

Необходимую часть мужского и женского традиционного костюма составляли рукавицы и перчатки – кожаные, матерчатые, меховые и вязаные из разноцветной шерсти и хлопчатобумажных ниток. Издавна распространены у коми *пон кушенча* – рукавицы из собачьего меха, сшитые шерстью наружу, а так же *вачеги* – рабочие рукавицы из холста или сукна, для прочности обшитые сверху сыромятной кожей. У ижемских коми

кожаные перчатки, покрытые бархатом вышивали серебряными и золотыми нитями. Повсеместно у коми до настоящего времени носят вязанные узорные шерстяные рукавицы *сера кепысь* и перчатки *чуня кепысь*, которые в прошлом вязали преимущественно девушки в качестве свадебных подарков родне будущего мужа. Наиболее характерна для коми техника узорного вязания разноцветными шерстяными (изредка льняными) нитями на 5 спицах.

Набор орнаментальных мотивов, цветовая гамма узоров на традиционных вязаных изделиях коми (чулках, рукавицах, перчатках, запястьях – *сой дор*, *сой сос*, наколенниках – *пидзёс кыскöд*) различались не только по районам бытования, но и по принадлежности к определенному полу и возрасту. Различались узоры на будничной и праздничной вязаной одежде: повседневные варежки, как правило, украшались сетчатым двухцветным (черный и белый) узором, праздничные – более сложными, многоцветными узорами, состоящими из нескольких орнаментальных мотивов.

Вязаную одежду без узоров носили очень редко, поскольку вязка из нескольких цветных нитей получалась толще. Вместе с тем узорчатая одежда всегда выглядела более нарядно. Отметим, что до настоящего времени в селениях у коми сохраняется традиция определения места происхождения того или иного человека по узору на его вязанной одежде.

Изобразительное искусство

Красочная и многообразная духовная культура коми наиболее ярко представлена в образцах народного искусства. Красочен и глубоко символичен коми орнамент. Лучшие образцы вышивки, узорного вязания, меховой мозаики у северных коми, набойки, резьбы по дереву и кости представляют из себя подлинные шедевры народного искусства.

Для народного изобразительного искусства коми наиболее характерной формой декорирования является **орнамент** – узор, состоящий из повторяющихся, ритмично упорядоченных мотивов. Орнаментом украшалась де-

ревянная утварь, орудия труда, мебель, постройки, одежда. Орнамент коми чрезвычайно разнообразен по техническому воплощению: вязание, ткачество, тиснение на ткани, бересте, глине, коже, резьба по дереву и кости, роспись по дереву. Преимущественное распространение в традиционном искусстве коми получил геометрический орнамент, который характерен для всех видов техники исполнения орнамента.

Растительные и орнитоморфные орнаментальные мотивы встречаются в вышивке на одежде, полотенцах и различных покрывалах у ижемских, верховичегодских, вымских и удорских коми. На полотенцах нередко сочетаются вышитые (растительные) и тканые (геометрические) узоры. Подолы фартуков, покрывал и концы полотенца нередко украшались кружевами с растительным (цветочным) орнаментом. Растительные и орнитоморфные мотивы орнамента характерны и для набойки – домотканого холста, покрытого узором с помощью специальных набивочных досок.

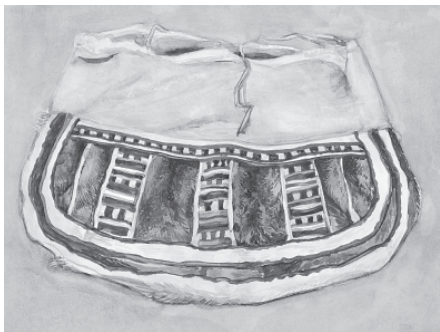
Растительный орнамент получил

распространение на территории коми в конце XIX – начале XX веков вместе с техникой кружевоплетения и изготовления набивочных тканей под влиянием русской культуры и не имеет местной специфики. Тем не менее, народные мастера умело сочетали новшества с местными геометрическими орнаментальными традициями (нередко в вышивке и кружевных изделиях коми встречаются геометрические орнаментальные мотивы).

Ткачество, вязание, вышивка. В изобразительном народном искусстве коми сложились богатые традиции художественного оформления тканей. До начала XX века практически в каждой крестьянской семье женщины занимались узорным ткачеством, вязанием и вышивкой. При этом мастерицы никогда не рассматривали свои изделия как художественные произведения. Прежде всего, это были вещи, необходимые в повседневном быту: одежда, предметы домашнего обихода – скатерти, полотенца, различные покрывала и т.д. Вместе с тем, многие из этих вещей были необходимыми атрибутами различных обря-

дов, что во многом определяло характер их убранства. В конце XIX – начале XX веков на территории Коми края был распространен ткацкий стан (*дöра кыан*), сходный по конструкции со станом северных русских. Раньше у коми был более примитивный стан без рамы, так называемый трехподставной. Техника узорного ткачества у коми чрезвычайно разнообразна: без использования ткацкого стана – на дощечках, на бердечке, на ниту; на ткацком стане – несколько видов бравого ткачества, многоремизный способ и некоторые другие приемы.

Нестаночное ткачество применялось при изготовлении поясов (*йы, вöнь, тельник, пöкрöмка*). На Вашке, Сыsole и в Прилузье обычно ткали пояса на дощечках (*таб*) – небольших квадратных плашках с круглыми отверстиями по углам. При такой технике получались предельно простые орнаментальные мотивы: поперечные и наклонные полосы, сведенная линия, елочка, зигзаги. Более сложный способ – тканье поясов на бердечке (небольшой раме с вертикальными планками, имеющими от-

Падко. Традиционная меховая сумка ижемских оленеводов.

верстие в середине), которое бытовало на Сысоле и верхней Вычегде. Для поясов, выполненных в этой технике, характерны диагонально-геометрические узоры, построенные по принципу равенства узора и фона. Изредка у коми встречается тканье на ниту (нити основы укрепляются на двух палочках, а плетут узор с помощью специального деревянного ножа). Тканые пояса по длине достигали 3–4 метров и заканчивались кистями.

Станочное узорное ткачество представлено у коми главным образом дву-

Традиционные тканые узорчатые полотенца. Село Чупрово, Удорский район Республики Коми. 1993 г. Фото В.Э. Шаропова.

мя видами браной техники – одноуточное и двууточное, которая характерна для населения западной части

нынешней территории Республики Коми. Техника бранья позволяла выполнять самые сложные по замыслу узоры. Чаще всего узор наносился красными покупными нитями на белый фон домотканого полотна. Браными узорами у коми украшались полотенца, скатерти, рубахи, холщовые чулки. На Вашке бытовали браные попоны для лошадей, а на Сысоле головные уборы украшались браным узором. Реже у коми встречаются узоры, выполненные в технике многоремизного ткачества. Как правило, это одноцветные ткани, используемые для различных покрывал и скатертей. Нередко основное полотно скатерти выполнялось в многоремизной технике, но окаймлялось браным узором. Такие скатерти считались праздничными, ими накрывали свадебный и поминальный стол; на нижней Вычегде и средней Лузе на браную скатерть укладывали покойника.

Повсеместно у коми было распространено изготовление тканых дорожек (*джодждёра*) и круглых (*гёгрёс*) вязаных половиков, которые отличались богатой цветовой насыщенностью.

Тканые половики представляли собой грубую ткань, вытканную разноцветными полосами из крашеного лоскута по льняной или хлопчатобумажной основе. Характерная особенность тканых половиков коми – поперечные полосы елочного орнамента (*коз сер*), которые служат связующим элементом всей разноцветной гаммы половика, создают ее декоративное единство. Крупные половики вязались из разноцветных лоскутов ткани. Они были не только элементом убранства жилища, но и выполняли функцию оберега. Как правило, их стелили у порога.

Высокого мастерства достигли коми и в искусстве узорного вязания разноцветными шерстяными (изредка льняными) нитями на пяти спицах. Вязаные изделия (чулки – *чувки*, *чөрös*; рукавицы – *кепысь*, *вачи*; перчатки – *чуня кепысь*; запястья – *сой дор*; наколенники – *пидзöс кыскöд*) являются характерными элементами традиционного костюма коми.

Набор орнаментальных мотивов, цветовая гамма узоров на вязаных изделиях различались не только по райо-

Традиционные вязанные узорчатые варежки. Село Чупрово, Удорский район Республики Коми. 2006 г. Фото В.В. Власовой.

нам, но и по принадлежности к определенному полу и возрасту. Например, на подростковых вязаных чулках украшается только верхняя часть паголенка чулка. На мужских верхняя часть паголенка всегда украшается семиричными бордюрами, а внизу – сетчатым или каким-либо другим узором. На женских чулках сетчатый узор может располагаться и в верхней части паголенка. Чулки с орнаментом в поперечную полосу по всему полю паголенка чаще носили

Традиционные вязанные узорчатые чулки удорских коми. Село Вильгорт, Удорский район Республики Коми. 2006 г. Фото В.В. Власовой.

пожилые женщины. До сих пор среди коми населения соблюдается запрет на обряжение покойного в вязанные чулки с орнаментальным мотивом косого креста.

Вышивка менее характерна для народного искусства коми. Большинство разновидностей техники узорного шитья получили распространение у коми в середине XIX – начале XX вв.

Наиболее самобытной считается вышивка на головных уборах, рубахах, полотенцах у летских и лузских коми. Это так называемая техника сплошного коврового шва, когда определенные участки ткани полностью заполняются плотным узором. В такой технике вышивали женские головные уборы – сороки (мягкая головная повязка с вышитым разноцветными нитями очельем – налобником, двумя «крыльями» – завязками и «хвостом», который покрывал затылок). Орнамент на сороке выполнялся набором, косым стежком, скрещенным швом и состоял из различных геометрических мотивов, стилизованных изображений дерева. Холщевые рубахи и полотенца вышивались красными (разных оттенков) нитями, также в комбинированной технике: набором, тамбуром и двусторонним швом.

У ижемских коми встречается вышивка цветным бисером, серебряными и золотыми нитями. Бисером вышивали головные уборы невест – *юрной* (головная повязка из красного сукна на твердой основе). Различные орнаментальные мотивы вышивали

параллельными нитями цветного бисера. Общая схема рисунка на головных повязках одинакова: вся плоскость разделена на четыре круга, в которые вписаны шести- или восьми-конечные фигуры. Серебряными и золотыми нитями вышивали кички, сборники, кокошники – головные уборы замужних женщин, а также кожаные перчатки, покрытые бархатом. Для этого типа вышивки характерны трудно читаемые стилизованные растительные и зооморфные композиции, которые по своим мотивам очень близки к северодвинской вышивке металлической драгоценной нитью.

Украшение жилища. Резьба и роспись по дереву Для населения Коми края с древнейших времен основным строительным материалом было дерево. Коми мастера прекрасно разбирались в свойствах различных древесных пород и умело использовали их при строительстве жилых и хозяйственных построек, при изготовлении мебели, посуды и бытовой утвари.

Главное украшение крестьянского срубного жилища – конек (*чибей*) – фигурно вырезанная комлевая часть

Традиционный дом коми-зырян с росписью на фронтоне, конец XIX века. Село Остров, Удорский район Республики Коми. 1990 г. Фото В.Э. Шарапова.

охлупня (массивного бревна, венчающего двухскатную крышу). Ей придавалась форма головы фантастического существа, объединяющего в своем облике коня и птицу. Стилизованные деревянные изображения птиц иногда укрепляли на специальных шестах и использовали в качестве флюгера. В северных районах – на Вашке, Печоре, Ижме – охлупень украшали рогами оленя или лося.

В форме птичьих голов часто вырезались нижние концы уключин для удержания теса на скате крыши. Это так называемые «курицы», изготов-

ляемые из корневища ели. На этих уключинах укреплялись и водосточные желоба. В виде стилизованных изображений коней вырезались иногда выступы трех венцов – *повалы*, которые поддерживали кровлю свисающую над фасадом. Фигурная резьба на повалах сочеталась с обозначением даты постройки дома и инициалами (либо пасом) владельца. Обычным украшением крыши служили также стамики (*дзуль*) – резные столбики над княzeвым бревном. Стамики представляли собой резные, круглые в сечении столбики с конусообразным навершием и напоминали изображение фигуры человека. Для убранства домов у коми характерна контурно-прорезная резьба. Боковые грани уключин нередко украшались нарезным орнаментом в виде косых крестов, зигзагов или сетки. Концы желобов, а также столбы, поддерживающие крыши крылец, покрывались рельефной резьбой в сочетании с нарезным орнаментом. Карнизы и причелины крыш оформлялись пропиловочной геометрической резьбой вдоль нижнего края.

У коми по Вашке и Мезени фронтоны домов покрывались росписью (сюжетные рисунки, геометрические узоры). Покраска структурных деревянных поверхностей не только украшала дом, но предохраняла его от влаги. В ряде случаев роспись наносилась по фигурной (зооморфной) и геометрической резьбе. Помимо фронтона раскрашивались наличники окон и ставни.

Большую выразительность силуэту дома придавало крыльцо-веранда, расположение и конструкция которого зависели от общей планировки дома. Например, на Удоре и Печоре крыльцо делали под овальной крышей с резными окнами и столбами-опорами. В оформлении ворот использовалась трехгранновыемчатая и рельефная резьба. Полотнище ворот и глухая калитка покрывались кругами-розетками, а по углам – их секторами.

Основной принцип декора деревянного дома – украшение его конструктивных элементов – сохраняется и во внутренних помещениях. Красный угол, полати, врезные полки, двери, простенок голбца, опечье – все это

украшалось несложной фигурной и контурно-прорезной резьбой (линейные, геометрические и зооморфные мотивы). Убранство внутреннего интерьера жилища органично сочеталось с оформлением мебели, различной бытовой утвари и деревянной посуды. В декоре шкафов, диванов, стульев и детских люлек встречается фигурная резьба, характерная для внешнего оформления жилища – стилизованные изображения коней, оленей и птиц, фантастические образы двухглавого коня и коня-птицы. Ковшам (*пу кôш*), скропарям (ендова) и солонкам (*сов доз*), изготавливаемым из березового капа, придавалась форма водоплавающих птиц.

В меньшей степени у коми распространена **роспись по дереву**, которая появляется значительно позже (XVIII–XIX вв.) техники резного орнамента. Вычегодские мастера – плотники, столяры и набойщики по тканям покрывали росписью интерьеры изб, мебель, ткацкие станы, льнотрепала, прялки и деревянную посуду. Роспись выполнялась в свободно-кистевой технике с использованием контурных приемов

нанесения орнамента. На Удоре центрами производства расписной мебели и утвари были село Чупрово и деревни Остров, Верхозерье, Тойма. Графическая роспись с геометризированными растительными и зооморфными мотивами на деревянных изделиях у удорских коми может быть определена как «подражательная» мезенскому стилю росписи.

Стиль мезенской росписи по своему интерпретировался в росписи у вымских и ижемских коми. Местные мастера расписывали прялки желтой, черной и красной красками в графической технике геометризированными растительными и зооморфными орнаментальными мотивами. При этом на прялках сохранялась общая многочастная композиция, характерная для мезенской росписи, однако, значительно упрощался орнамент, который наносился в более грубой технике.

Расписные изделия коми мастеров почти не встречаются за пределами рассматриваемых ареалов. Вероятно, работы местных мастеров не могли конкурировать с изделиями крупных

северно-русских промысловых центров по росписи и поэтому не вывозились для продажи на ярмарки. По свидетельствам информантов, местные мастера расписывали деревянную утварь только для родственников и односельчан. Оформление центров самобытной росписи по дереву у коми происходит в ареалах совместного, либо пограничного проживания с русским населением (в частности, **старобрядческим**). Именно в этих контактных зонах происходит рождение таких этнокультурных феноменов, как удорская и вычегодская роспись по дереву. Очевидно, что в данном случае «культурный билингвизм» способствовал не размыванию, а, напротив, плодотворному развитию самобытной этнокультурной традиции.

Традиции народного декоративно-го искусства коми находят продолжение и в настоящее время. Развитие народного прикладного искусства стимулируют регулярно проводимые выставки, на которых демонстрируются лучшие произведения народных мастеров коми.

ГЛАВА 3. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Мифология и религия

Космогонические мифы. Мир до начала космогенеза (первобытный хаос) в космогонических мифах почти только обозначен символами, но подробно не описывается. В качестве символов, обозначающих хаос, представлены мрак и туман, первозданный океан, беспредельное первозданное море-океан, болото.

Среди большого количества версий сотворения мира доминировали мифы о созидательной деятельности двух богов-демиургов – Ена и Омёля. Мир до его сотворения (первобытный хаос) наиболее часто представлен как безбрежная водная стихия, по поверхности которой плавают боги-творцы в орнитоморфном облике: *Ен* – лебедя или утки и *Омоль* – гагары. Землю (песчинки или ил) со дна водной пучины достает гагара. В других вариациях со дна «моря-океана» достаются яйца, уроненные в воду матерью-уткой. Достают их высиженные ею

под крыльями два брата-утёнка либо опять же гагара. Преобладает орнитоморфный облик демиургов и в тех мифах, где первичный хаос обозначен иначе. Так, согласно одному из них, первоначально в мире были только «мрак и туман», однажды там встретились два голубя, назвались товарищами и достали со дна мрака землю. По другой версии, мир некогда представлял собой огромное болото, из которого однажды вылезли две лягушки (*Ен* и *Омоль*), но землю добыли не они, а голубь *Ена*, которому мешал ворон – птица *Омёля*.

Земля обладала способностью к самопроизвольному росту, вначале она разрасталась до размеров небольшого острова, а лишь затем, постепенно, приобретала свои истинные размеры. Демиурги в этом процессе не участвовали. Также без их участия земля сама по себе покрывалась лесом и травой. Земной рельеф тоже создавался не по воле демиургов. *Ен* создал камни, но они обрели способность к росту и тянулись к небу до тех пор, пока *Ен* не остановил их рост – так появились горы; реки возникли на месте

троп, по которым ходил мамонт. Или же на плоскую ещё землю пришёл огромный медведь и всю её расцарапал, после чего и появились болота и горы.

После появления земли космогоническая деятельность демиургов заключалась в сотворении небесных светил: *Ен* создал солнце, а *Омоль* – луну. По одной версии, светила были сотворены практически одновременно в самом начале акта творения, по другой, *Омоль* создал луну, когда на земле уже жили люди, у них стал вымерзать хлеб, и тогда *Ен* сотворил солнце. По третьей версии, вначале было создано солнце, а луна образовалась из его половинки, оторванной *Омолем*. Вначале светила находились рядом, в центре неба, затем они были без участия демиургов разведены в разные стороны, после чего установился их суточный ход по небосклону. Это произошло после того, как солнце и луна, сестра и брат, играя в прятки, потеряли друг друга и с тех пор безуспешно гоняются друг за другом.

Этиологические мифы. В сотворении различных животных принима-

ли участие оба демиурга, соперничая друг с другом. Так, *Ен* создал белку, чтобы человек мог на неё охотиться; тогда *Омоль* сотворил куницу, чтобы она ела белку; в ответ на это *Ен* создал собаку, чтобы она помогала человеку охотиться на куницу и стерегла его дом. *Ен* сотворил петуха и курицу, тетерева, куропатку, рябчика и утку-широконоску, причём, её он сделал последней, и на её нос и окраску перьев пошёл весь оставшийся материал и краска. (Поэтому у утки-широконоски такой большой нос и разноцветные перья.) Тогда *Омоль* создал впротивовес ястреба, филина и ворону, а также хищных зверей: лисиц, рысей, росомех и др. Кроме того, *Ен* сотворил лягушку, а *Омоль* — лося, оленя, зайца, кошку, крыс и мышей, ящерицу, всех рыб и вредных насекомых. Убедившись, что *Омоль* творит существенно активнее, *Ен* стал вносить в его создания некоторые изменения (например, зайцу окрасил кончики ушей чёрным, ершу дал колючки и т.д.), после чего лось, олень, заяц и все рыбы стали считаться его творениями. Кошке *Ен* дал тёплую

шерсть, разрешил жить в доме у людей, а за это обязал её ловить мышей и крыс. *Омоль*, в свою очередь, дал шерсть собаке, после чего ей было запрещено находиться в доме. Особый статус среди остальных животных имел медведь. По одной из версий, он считался сыном *Ена*, который спустился с неба и стал жить на земле. По другой версии, в медведя был превращён лучшим человек по имени Михаил.

Антропогонические мифы. Наиболее распространённой у коми версией происхождения человека была признающая приоритет в его сотворении верховного божества *Ена*, который сделал первочеловека из земли или глины. *Ен* делал человека и оживлял его без помощи *Омёля*, тот лишь пытался осквернить творение *Ена*. Существовали и другие версии происхождения первочеловека. Так, в одном из мифов говорится, что все животные появились из крови *Омёля*, когда он в облике лягушки упал с кочки и поранился. Самое красивое животное стало женщиной. Некоторые коми считали, что человек появился из дерева и травы.

Распространённым убеждением было, что первые люди были созданы *Еном* более совершенными, чем они стали. Первоначально у людей вместо кожи было прочное роговое покрытие, которое осталось только на ногтях после того, как *Омоль*, соблазнив собаку получением тёплой шерсти, получил доступ к охраняемому ею ребёнку и обмазал его своими соплями и слюной. Дети от рождения умели ходить и говорить, но лишились этого дара после того, как мать одного из них оскорбила хлеб и небо, до которого тогда было можно достать рукой, вытерев ребёнку блином зад и прилепив его к небу. После этого у людей исчезло чудесное, суперплодородное земледелие, а небо удалилось далеко от земли, ознаменовав этим окончание мифического времени.

Представления о душе и смерти.

Коми верили в существование души-дыхания («лов»). Именно после ухода этой души, т.е. с прекращением дыхания человек считался мёртвым. Вероятно, под влиянием христианских воззрений считалось, что в течение 40 дней после смерти «лов» на-

ходила на земле и посещала родной дом. Для этих посещений, чтобы душа покойника могла умыться, вплоть до *сороковин* (поминок на 40-й день) в какую-либо посудину наливалась вода, а в углу висело чистое полотенце. После *сороковин* «лов» уходила в иной мир.

Представления о мире мёртвых было двойственным. С одной стороны, это были христианские рай и ад, но с другой, существовало стойкое убеждение, что место обитания душ умерших, нелокализованное конкретно в пространстве, находится в непосредственной близости от мира людей, благодаря чему между умершими и их сородичами сохраняется постоянная тесная взаимосвязь. Эти, безусловно, древние, дохристианские воззрения находили отражение в сохранявшихся у коми вплоть до недавнего времени чётких пережитков культа предков. К «родителям» обращались за помощью перед началом любых важных хозяйственных начинаний (севом, жатвой и т.д.), считалось, что умершие неустанно заботятся о благополучии своих живых сороди-

чей. В свою очередь, живые, чтобы обеспечить эту помощь, были должны периодически устраивать душам умерших родственников поминальные угощения, как можно чаще вспоминать их добрым словом, при посещении бани приглашать их помыться вместе и т.д. Обидевшиеся на недостаточное внимание «родители» могли наказать своих живых близких неудачей в хозяйственных делах или даже наслать на кого-либо из них какую-нибудь болезнь.

У большинства этнографических групп коми сохранялись представления и о другой душе человека – душе-тени, душе-двойнике. Называли её «орт» (у ижемцев – «урес», у печорских коми – «душенька»). Оставаясь невидимой, душа-орт всю жизнь сопровождала человека. Видеть орт могли лишь некоторые колдуны, а также те, кто прошёл под гробом или под мордой лошади, везущей покойника. Появлялся перед глазами людей или, оставаясь невидимым, как-то обнаруживал своё присутствие орт либо пред смертью человека, которому он принадлежал, либо как свиде-

тельство для близких о его смерти, если она произошла не дома. Видимый *орт* имел облик человека, душой-тенью которого он являлся. За *орта* признавалась также птица, залетевшая в дом или забежавшая в него белка. Невидимый *орт* давал о себе знать какими-либо звуками или же передвижением и ронянием домашней утвари. На верхней Выми существовали оригинальные представления о том, что *орт* бывает с головой и безголовый. Увидеть *орта* с головой означало лишь предвестие какого-то неприятного события для человека – его двойника. Безголовый же *орт* означал его скорую неминуемую смерть, причём отсутствие головы не мешало сразу же узнать этого человека. После смерти человека, т.е. когда его тело покинула душа-дыхание, душа-тень тоже его оставляла и отправлялась в путешествие. Целью этого путешествия было посещение всех мест, где при жизни побывал покойник, как бы далеко они не находились.

Пережитки древних культов. В традиционном мировоззрении коми сохранялись следы различных куль-

тов. В промысловой среде существовало стойкое убеждение, что звери и рыбы понимают человеческую речь. Предписания культа промысловых животных воспрещали говорить неодобрительно даже о самой незначительной добыче, а тем более, оскорблять её. Чтобы не спугнуть зверя раньше времени, охотники употребляли различные иносказания. В честь ценной добычи устраивался праздничный ужин, снятая с куницы или соболя шкурка вывешивалась на видном месте. Разговоры охотников были посвящены исключительно эпизодам прошедшей охоты, причём о добытом звере говорили только доброжелательно; подчёркивалось, что этот ужин варится в честь «почётного гостя», а перед началом трапезы «почётного гостя» приглашали к котлу. Так же уважительно полагалось относиться к пойманной рыбе. Её нельзя было оскорблять, мять руками, отдавать собакам, позволять играть с нею детям, а тем более, выбросить её на улицу. Первую пойманную рыбу слегка оглушали обухом топора, клали её в лодку и просили звать к себе всю её

родню, или же бросали её обратно в воду с тем же призывом. Из первой крупной пойманной рыбы готовили ритуальный праздничный обед. Добычу мог оскорбить кто-нибудь из посторонних, поэтому охотники скрывали её от посторонних, а шкурки снимали ночью. Существовало убеждение, что убитый зверь возродится, хотя бы в виде другой особи, поэтому его останки тщательно собирали и зарывали или оставляли в укромном месте.

Чётко прослеживаются у коми пережитки культа деревьев. Некогда на главных святилищах стояли огромные берёзы, около которых и совершались главные языческие празднества. И сейчас во многих селениях рассказывают о стоявших около них могучих берёзах, соснах или елях, возле которых собиралось население в определённые календарные праздники. Ещё в начале XX в. около некоторых селений сохранялись в неприкосновенности священные рощи. Ко многим деревьям наблюдалось особое отношение. Так, вербе, рябине, ольхе и можжевельнику приписыва-

лась способность отпугивать злых духов. Берёза и пихта обладали женской символикой, а сосна и ель – мужской. Существовало убеждение, что деревья не только понимают человеческую речь, но и сами разговаривают между собой.

Огню, особенно «живому», полученному с помощью трения, придавалась очистительная сила. Перед приёмом пищи охотники обязательно совершали обряд кормления огня, бросая в него крошки хлеба. В огонь воспрещалось плевать, а тем более мочиться. Огонь нельзя было затаптывать ногами, а полагалось заливать водой.

Вера в магическую силу слова обуславливала существование большого количества заговоров. У охотников специальные заговоры произносились при опаливании боровой дичи, уток, чтобы они попадались чаще и были крупнее, для обеспечения удачи в промысле вообще. Исполнялись заговоры на удачу и при отправлении на рыбную ловлю, а также после того, как семья рыбака приготовила и отведала рыбу из первого улова. Произносили заговоры и во время различ-

ных сельскохозяйственных работ: при посадке овощей, чтобы они росли крупнее, в первый день сенокоса, для убережения от болей в пояснице и успеха в работе, после окончания стогования, чтобы уберечь сено от огня, воды и воров, после окончания жатвы, с целью сохранить собранный урожай и т.д. Заговоры при парении детей в бане должны были обеспечить им здоровье.

Повсеместно существовала вера в колдовство и колдунов, вещие сны, всевозможные обереги и амулеты. Из оберегов наиболее сильными считались медвежьи зубы, щучьи челюсти, различные колюще-режущие предметы, хлеб, освящённая соль и т.д. Для благополучия дома в нём полагалось иметь солонку в виде утки. У коми для этой цели служили сделанные из дерева изображения лебедя. У печорских коми для предохранения обитателей дома от болезней на его внешнюю стену вешали шкурку гагары. Большое распространение имела лечебная магия.

Мифология и традиционная обрядность. В традиционном мировоз-

зрении коми наиболее мифологизированы были три события из цикла человеческой жизни: рождение, свадьба и смерть. Рождение и смерть воспринимались как переходные моменты в биологическом смысле, а свадьба – в социальном. Особенно значим этот переход был для невесты, поскольку она не только меняла свой статус, но и, отторгаясь от одного социального и пространственного локуса (своей семьи и своего дома), приобщалась к другому – семье и дому мужа. Аналогичным образом мифологизировались и переходные периоды из-за боязни нарушить космический порядок, под которым подразумевалась прежде всего цикличность природных явлений. Именно желанием оказать помощь необходимо совершающимся изменениям в природе можно объяснить моделирование в календарной обрядности так называемого мифического времени. Мифическое время, когда преобразования были как бы сутью состояния мира, воссоздавалось в календарных обрядах с помощью персонажей космогонических мифов, либо инсценировкой ми-

фических сюжетов. Перенос идеи о цикличности времени и в социальную сферу человека обуславливал восприятие событий жизненного цикла на уровне, сопоставимом с событиями космического порядка. Поэтому семейные обряды у коми имели некоторые общие черты с календарной обрядностью.

В семейной обрядности коми рождение ребёнка обрядово и празднично оформлялось крайне редко. У южных коми наблюдалось некоторое подобие кувады: отцу новорожденного у прилузских коми полагалось съесть кусок хлеба с горчицей и солью, как бы приобщаясь к мукам роженицы. В то же время, в народном мировоззрении акт рождения воспринимался далеко не как ординарное событие. Общепринятым местом для родов была баня. Если же они происходили в другом месте, мать с новорожденным немедленно отправлялась в неё. Баня была самым сакрализированным объектом крестьянской усадьбы. Сама по себе родильная обрядность заключалась преимущественно в магических действиях по обеспечению благоприятного

исхода родов. Новорожденный считался ещё находящимся на рубеже мира бытия и небытия, поэтому он был подвержен большой опасности оказаться перемещённым либо опять в небытие или мир мёртвых, т.е. умереть, или же в мир духов, будучи ими подмененным. С целью воспрепятствовать этому ребёнку не полагалось оставлять одного, в колыбель клались различные обереги. Особенно опасным считалось оставить ребёнка одного в бане, где его мог подменить банник. Окончательно причисленными к миру людей дети становились лишь после появления у них зубов и осмысленного восприятия окружающего мира.

В свадебной обрядности наблюдались интересные параллели с обрядностью календарной. Повсеместно усиленной стрельбой сопровождалось мытьё в бане невесты, выезд за ней в день свадьбы и возвращение свадебного поезда после венчания в дом молодых. На Сысоле при отпевании невесты накануне свадьбы одна из частей обряда носила название «*чипсалом*» (букв. «свистение»). Кто-нибудь из подруг невесты играл на

свистульке «*чипсан*», а остальные девушки в это время плясали. На Вычегде во время девичников в доме невесты молодёжь разыгрывала различные инсценировки, играющие надевали маски, наряжались нищими, цыганами и т.д. Поезду жениха, приехавшему за невестой, прежде чем открыть дверь, было принято загадывать загадки типа: «Сколько звёзд на небе? Сколько волос в хвосте у коня? Сколько песчинок на берегу моря? На бору чего больше, стоячих или лежачих деревьев?»

Погребальный обряд, сопровождающий заключительный этап человеческого жизненного цикла, в первую очередь, имел своей целью обеспечить беспрепятственный переход умершего (или же его души) из мира земного в инобытие – мир умерших. При этом подразумевалось, что только при строгом соблюдении традиционного регламента похоронно-поминальной обрядности между миром живых и умерших сородичей сохранялась в дальнейшем тесная, благожелательная и обоюдовыгодная взаимосвязь. Напротив, если этот контакт между миром

*Похороны в с. Соколово. Печорский район Республики Коми, 1997 г. Фото А.А. Чувь-
юрова.*

*Обетный крест на въезде в с.Гам. Ижем-
ский район Республики Коми, 2007 г. Фото
В.Э. Шарапова.*

Традиционный поминальный стол удорских коми. Село Чупрово, Удорский район Республики Коми. 2006 г. Фото В.В. Власовой.

Часовня Параскевы-Пятницу, д. Кривой Наволок, Удорский район Республики Коми, 2006 г. Фото В.В. Власовой.

живых и миром мёртвых был нежелателен (например, в случае смерти зловредного колдуна), похороны рекомендовалось производить с нарушением ряда общепринятых норм, чтобы отправленный в мир мёртвых потенциально опасный для живых покойник утратил какую-либо связь с миром земным. В целом, у коми пережитки культа предков и вера в сохранение, необходимость и желательность взаимодействия между мирами

Поминки у обетного креста на кладбище в с.Парч, Усть-Куломский район Республики Коми. 2003 г. Фото Л.И. Ашихминой.

живых и мёртвых доминировали над христианскими представлениями о пребывании душ умерших либо в раю, либо в аду.

Народный календарь и народные праздники

Для коми было характерно приурочивание различных событий годового хозяйственного цикла, общественной или семейной жизни к наиболее близким по времени церковным праздникам. Например, у коми крестьян сенокос было принято начинать с Прокопьева дня (8 июля ст. ст.). С Ильина дня (20 июля) можно было собирать ягоды и лучить острой рыбой. Осенняя добыча боровой дичи повсеместно начиналась с Успения (15 августа). Артели печорских охотников уходили на промысел рябчиков в предгорьях Урала с Воздвиженья (14 сентября), а за белкой и куницей в Зауралье – после Покрова (1 октября). Общеобязательным сроком окончания всякого звериного промысла было Благовещение (25 марта). Лечебные травы и березовые веники для бани заготавливали на Иван лун (Иванов день – 24 июня). Таким же образом регламентировалось абсолютное большинство основных хозяйственных занятий.

К отдельным церковным праздникам был приурочен ряд примет, непосредственно связанных с хозяйственной деятельностью: «Егорий – с водой, а Никола – с травой» (28 апр. и 9 мая), «Если на Дорофея ветер южный, можно сеять еще три дня, а если северный – больше не сей» (5 июня).

Были распространены у коми и метеорологические приметы, привязанные к церковному календарю, согласно которым по погоде в одни церковные праздники можно было определить, какой будет погода в другие дни, или составить долгосрочные прогнозы: «В Афанасьев день (18 января ст. ст.) выюга – в Ильин день дождь», «От Рождества до Крещения морозы – от Петрова до Прокопьева дня ведро», «Если в Егорьев день будет северный ветер, то он будет еще 40 дней».

О характере будущей весны судили по осени: «Если по осени первый снег стаивал несколько раз, то и весна начинается несколькими оттепелями»; по длине сосулек под стрехами крыш: «Если сосульки длинные – протяжная весна будет, короткие – короткая весна»; по прилету птиц: «Рано

утка прилетит – рано весна наступит» или по их поведению: «Большой серый дятел стучит коротко – короткая весна будет, стучит долго – долгая весна будет».

Начало ледохода связывалось с прилетом птиц: «Кулики-прибрежники прилетели, скоро лед тронется», «Трясогузка прилетит – через два-три дня лед разломает». Ледоход в коми народном календаре был одним из центральных событий годового цикла, прежде всего, потому, что вскоре после него начинался весенний лов рыбы. На верхней Вычегде сразу после ледохода на рыбалку выходили семьями. Из первой пойманной рыбы варили уху, которую хранили на льду в погребе до следующего ледохода и съедали в торжественной обстановке перед началом рыбной ловли. На особое значение, придаваемое в народном сознании коми этому событию, указывает ряд примет-предсказаний на последующие временные периоды или весь год: «Гром до ледохода – будет медвежий год, или трудный год», «Если лед тронется в среду – будет

год, обильный рыбой, если тронется в пятницу – мало рыбы будет» и др.

Календарные приметы, относящиеся к весенне-летнему периоду, по большей части отражали явления в развитии живой природы, обусловленные сменой времен года. В них отмечалось появление сережек на иве: «На ветке ивы много сережек – к хорошему (урожайному) году». Появление листьев на деревьях: «Если листья березы проклюнутся раньше, чем у осины – урожай ржи, позже – ячменя». Период цветения: «Рябина хорошо цветет – будет хороший урожай ржи», «Рожь цветет – рыба на крючок идет».

Особо выделялся прилет кукушки (в район Сыктывкара она прилетает к середине мая), начало и окончание ее кукования: «Если кукушка начинает куковать на двенадцать дней раньше, будет град – плохой год», «Кукушка прибывает на неделю раньше Николина дня (9 мая) – и перестает куковать на неделю раньше Ильина дня (20 июля)».

В приметах-предсказаниях у коми обращалось особое внимание на появ-

ление комаров, слепней и оводов: «Если мошкара кружится – хороший год будет, если толчется – плохой», «Много оводов и слепней – хлебный год».

Характер наступающей осени определялся в коми народном календаре по разнообразным приметам: «Полевая мышь вьет гнездо высоко – осенью большая вода будет», «Много рябины – осень дождливая», «Если после заморозка пойдет дождь – будет длинная осень». Из сезонных явлений, характеризующих этот период, в устном народном творчестве коми выделялся листопад: «При листопаде и появлении листьев больному тяжело живется». Имел значение также отлет птиц. Особенно часто в календарных приметах осеннего периода упоминается отлет на юг диких гусей, который связывался со скорым наступлением зимы, с выпадением снега и похолоданием: «За хвостом гуся снег виднеется».

С выпадением снега у коми были связаны приметы и поверья в отношении характера всего последующего годового цикла: «Если снег выпа-

дет на талую землю – тяжело людям будет». Было принято гадать об урожайности будущего года и по другому периодическому природному явлению зимнего сезона – ледоставу: «Если река встала ропаками – хлебный год будет».

Как и у других православных народов, у коми после христианизации календарная обрядность была приурочена к церковному юлианскому календарю. Главными, наиболее яркими и обрядово насыщенными стали церковные праздники, которые воспринимались как рубежные в годовом календарном цикле: Рождество и Святки (зимний солнцеворот), Масленица и Пасха (наступление весны), Иванов день (летний солнцеворот и наступление лета), Ильин день (наступление осени).

Святки. По православному календарю 6 января (24 декабря ст. ст.) отмечается Рождественский сочельник (Навечерие Рождества Христова). В этот день заканчивается Рождественский (Филипповский) пост, продолжавшийся с 28 ноября (15 ноября ст.

ст.), и начинаются Святки. У коми было принято готовить в сочельник блюдо из ячменных вычищенных зерен (сочиво), хотя сам этот день называли в народе *куття лун* (день кутьи). Иногда *куття* называли и весь святочный период. Хозяйственные работы в сочельник у коми не воспрещались, но в большинстве домов в этот день не столько работали по хозяйству, сколько были заняты подготовкой к празднованию Рождества. У удорских коми в Сочельник варили в немалом количестве домашнее пиво (*сур*), поэтому он считался пивным праздником и назывался *медес*. Молодежь и дети готовились славить Рождество Христово, вырезая из разноцветной бумаги звезды. Славить Христа начинали в Рождественское Навечерие (*Рöштво Рытъя*), во многих местах «со славой» ходили и на следующий день. Дети, парни и девушки с зажженными свечами и разноцветными звездами в руках ходили по домам группами по два-три человека и, спросив разрешения у хозяина, пели: «Рождество твое, Христе Боже наш», «Христос рождается,

славите», «Днесь во днесь». При исполнении этих и других славильных песен в их начале, середине и конце над головой кружили рождественские звезды. За исполнение «славы» хозяева одаривали шаньгами, пирогами, давали мелкие деньги.

Был известен у коми и обряд колядования (*рытъя сьылӧм*), который отличался от славления со звездой, прежде всего, тем, что хвалебные песни исполнялись уже в честь хозяина. Колядники наряжались в маски, маскарадные костюмы, плясали и славили хозяина с его домочадцами, спрашивали при этом, узнают их или нет.

С Рождественской ночи одним из любимых развлечений молодежи становились гадания (*вӧрӧжитчӧм, тунъ-ясьӧм*). Благоприятным для предсказаний считался весь святочный период. По народным хозяйственным приметам коми крестьяне старались определить погоду на лето и виды на урожай. Считалось, что если в Святки на деревьях пушистый иней, то будет хороший урожай хлеба. Если от Рождества до Крещения морозы – от Петрова (29 июня ст. ст.) до Проко-

пьева дня (8 июля ст. ст.) будет вёдро, и т.д.

Девушки в Святки особенно увлекались гаданиями о замужестве. Ранним утром в день Рождества с первым скоромным куском во рту девушки выбегали за ворота и узнавали имя у первого встречного, веря, что так же зовут их суженого. Чтобы узнать, в каком направлении живет будущий жених, бросали через забор обувь и смотрели, в какую сторону носком она упадет. Особенно популярными и приятными для молодежи были так называемые страшные гадания, которые проводились ночью в местах, наиболее предпочтительных для нечистой силы: на перекрестках трех дорог, в бане, овине, сарае, в голбце и т.д. Такие гадания считались наиболее верными, но и опасными.

По православному церковному календарю 1 января считается днем святого Василия, поэтому у коми первый день нового года назывался *Василей лун*. По новому стилю эта дата соответствует 14 января (так называемый «старый новый год»). Праздничные увеселения накануне Васильева дня

проходили у коми с песнями, танцами, играми, ряжеными. Отличительной особенностью посиделок в канун Васильева дня было то, что на них собиралась не только молодежь, но и все желающие. Молодежные игры и песни, исполняемые на посиделках в канун Васильева дня, отличались ярко выраженным любовным содержанием. После некоторых песен разбившиеся на пары участники посиделок целовались, что не было принято на обычных посиделках в другие дни. Одним из главных моментов на посиделках в канун Васильева дня в некоторых коми деревнях считалась игра «Выбор на год» (*Вогöгöрся бöрйöм*), во время которой парни выбирали себе пару приглянувшихся им девушек. Выбор этот считался действительным на весь будущий год. В других местах Коми края подобная игра проводилась раньше, в Михайлов день (8 ноября ст. ст.).

Как и на увеселениях, в другие дни Святки видное место в новогодний вечер у коми отводилось играм, связанным с ряжением. Повсеместно было распространено ряжение в коня,

хотя инсценировки, разыгрываемые молодежью, имели свои особенности в разных местах края.

Помимо посиделочных развлечений, канун Васильева дня у коми было принято отмечать праздничным ужином. На Сысоле и Вычегде для этого обязательно полагалось варить свиную голову и ноги, поэтому этот день так и назывался *порсь юр-кок вильёдан лун* (день обглаживания свиных ног и головы). В народе говорили: *Көть мыйкё закладё пукты, но тайё сёянсё лёсьёд* (Хоть заложь что-нибудь, но эту пищу приготовь).

В новогоднюю ночь многие пытались определить хозяйственные перспективы на год. Существовала народная примета, что если Васильева ночь звездная, то будет хороший урожай ягод, а если нет, то хорошо уродится только черника. После новогоднего ужина дети искали на полу хлебные зернышки, и если находили их, то считалось, что год будет урожайным. В отношении замужества гадания в Васильев вечер считались особенно удачными, ведь они происходили как раз на рубеже года старого и нового.

После Васильева дня святочные увеселения потихоньку шли на убыль и завершались 6 (19) января в церковный праздник Крещения. Накануне Крещения, в крещенский вечер, молодежь опять занималась гаданиями. По поверьям коми, в этот вечер особенно опасна была святочная нечистая сила (*куття-войся, куття-васа, вежа пуляк*). После Крещения вся эта нечисть опять уходила в воду. В день Крещения, как и у русских, главным обрядом было освящение воды в проруби – иордани. Эта вода считалась целебной, после молебна многие купались в иордани, мыли в ней лицо и руки, уносили эту воду домой и хранили в течение года.

Весенне-летние календарные обряды. Как и у других православных народов, первым весенним праздником у коми была Масленица (*масьленича, йöввыв, йöв вежалун*). Масленичное веселье в коми деревнях продолжалось в течение трех-четырех дней, начинали его в четверг и завершали в воскресенье, в преддверие Великого поста. В каждом селении на масленичной неделе устраивали ледяные

горки. Их строили из досок и обливали водой. На Печоре эти горки украшали по бокам небольшими елочками и фонарями, которые зажигали по вечерам. Из еловых лап сооружали «ворота». Катались с гор на санях попарно. Парни держали девушек на коленях и управляли санями. Было известно у коми масленичное катание с гор и другого вида. На крутых откосах под углом около 45 градусов укрепляли наклонно два обледенелые шеста параллельно друг другу. У их верхних концов устраивали площадку, с которой парень и девушка, взявшись за руки, ступали на обледеневшую поверхность шестов (каждый на свой шест) и скатывались на ногах вниз.

Другим популярным развлечением на Масленицу были качели. Их сооружали в сараях накануне праздника. Качались преимущественно подростки, но в последний день Масленицы – воскресенье – на них развлекалась уже молодежь.

Во всех коми селениях в Масленицу любимым занятием и развлечением были также выезды на лошадях,

запряженных в расписные, богато украшенные и покрытые цветным сукном сани. К дугам подвешивали колокольчики, украшали их цветными лентами, цветами из бумаги. Особенно красочные выезды были у северных коми-ижемцев. Помимо лошадей, ижемцы использовали для катания и оленьи упряжки.

Обязательным элементом масленичного праздника были обильные угощения. Печь и варить начинали еще за два-три дня до праздника. Во всех домах варили пиво (*сур*), более зажиточные запасались вином. Как и на русской Масленице, обязательным праздничным кушаньем у коми были блины. Тещи угощали ими молодых зятьев, остальные пекли их для себя и для гостей. Есть все старались как можно больше – после Масленицы наступал семинедельный Великий пост.

Великий пост (*Ыджыд видз*) соблюдался у коми строго – вплоть до наступления его последней, предпасхальной недели никаких празднеств или развлечений не допускалось. Календарная обрядность возрождалась в Вербное воскресенье, последнее перед

Пасхой. По церковному календарю этот день относился к одному из главных, двенадесятых праздников. Принесенные из леса веточки вербы клали около образов, потом этой вербой хлестали людей и скотину, чтобы они были здоровы. Освященные веточки вербы выносили в амбар, чтобы верба оберегала крышу от ветров. Детей хлестали вербой, приговаривая: «Вербка хлещет, а я не хлещу. Внизу тебя корнем укорениться, вверху листочком распуститься». Считалось, что после этого дети будут хорошо расти и не болеть.

После Вербного воскресенья наступала Страстная неделя – последняя неделя Великого поста, посвященная памяти страстей, страданий Господних. В понедельник Страстной недели (чистый понедельник) рано утром коми девушки катались с гор верхом на коромыслах, приговаривая при этом: «Уродись, мой лен, тонок и долог, как мое коромысло».

В четверг (Великий четверг) утром осматривали оставленный на ночь на улице кусок смоченного водой холста. Если холст замерз, то это считалось

прогнозом на неурожайный год. В этот день старались переделать все необходимые в крестьянском быту работы, чтобы они успешно шли в течение всего года. Верили, что если обуться в этот день на мельничной полке, то весь год будет удача, а если обуться в том углу, где стряпают, то охотник найдет весной тетеревиный ток. У скотины вырывали клочок шерсти, смешивая с шерстью, вырванной у другой, и зарывали в землю в хлеву. После этого при пастьбе летом весь скот должен якобы ходить вместе. Повсеместно у коми в этот день пережигали соль, после чего она считалась целебной. В хлевах считалось полезным жечь вереск, чтобы его дым выгнал злых духов и скотина не болела. Остатки вереска клали под матицу. Для охраны дома от злых духов над дверями около косяка клали щучьи зубы. Существовало поверье, что в Великий четверток «нечистая сила» особенно активна.

Наконец наступала Пасха (*Ыджыд лун*). К этому празднику коми женщины особенно тщательно проводили уборку дома. В ночь перед Пасхой

парни стреляли из ружей, чтобы отпугнуть нечистую силу. На берегу реки, на возвышенном месте зажигали с этой же целью большой костер или же бочки со смолой. Считалось, что в эту ночь колдуны грызут большой церковный колокол. Поэтому утром молодежь забиралась на колокольни посмотреть, не осталось ли на колоколе следов зубов.

В церквях пасхальным утром совершалось особенно пышное богослужение. Вокруг церкви и внутри нее зажигались свечи. Стены церкви украшались свежими еловыми лапками, бросали их и на пол. Некоторые коми охотники и рыболовы заутренней, после первого приветствия священника «Христос воскрес», вместо обычного принятого «воистину воскрес», произносили названия особо ценных зверей, птиц или рыб. Считалось, что после этого промысловый год будет богатым добычей.

После окончания церковной службы начиналось всеобщее веселье, сопровождаемое скромным застольем. Пожилые люди ходили в гости. Молодежь целый день качалась на каче-

лях, скакала на досках, играла в крашенные яйца. Обычай красить на Пасху куриные яйца существовал у коми издавна. Поскольку птицеводством коми раньше занимались крайне мало, при недостатке куриных яиц их заменяли нередко сухими домашними сырками (*кос рысь*), изготовленными из творога на масле и сметане.

6 мая (23 апреля ст. ст.) отмечается Егорьев день. На севере к этому времени весна уже в самом разгаре, крестьяне готовились начать полевые работы. В ночь на Егория снова гадали по оставленному на улице мокрому холсту или повешенной во дворе мокрой тряпке, урожайным ли будет этот год. Если холст замерзал, это считалось плохой приметой.

Егорьев день считался «именинами» лошадей, с этого дня начиналась пастьба и остального скота. На Выми в этот день весь домашний скот приводили к церкви, у которой горели расположенные в два ряда костры. В огонь бросали кучи можжевельника и после богослужения прогоняли между кострами весь скот. Ветки можжевельника, кроме того, втыкали над

дверями хлева. Молодежь в этот праздник собиралась на берегах рек, озер и разводила костры. Было принято в Егорьев день сжигать старую, ненужную деревянную и берестяную посуду. Ее собирали по домам, нанизывали на длинные шесты, ставили их вертикально и поджигали.

В седьмую послепасхальную неделю, в четверг (*Семик*), а чаще в субботу (*Семик суббота*) у коми был поминальный родительский день. Сейчас его обычно совмещают с самой Троицей. В этот день посещаются могилы близких. У коми было принято являться на могилы обязательно с каким-нибудь кушаньем (рыбным пирогом (*черинянь*), вареным мясом, яйцами и др.). Старались донести пищу еще горячей, поскольку верили, что паром от нее питаются умершие. В могиле делали небольшое углубление и «угощали» умерших, наливая туда пиво или вино. В какой-то мере эта традиция сохраняется и сейчас.

Обязательным атрибутом празднования Троицы были береза и березовые ветки. Молодые березки с пыш-

ными зелеными ветвями привозили из леса и сажали под окнами дома. На Печоре под окнами ставили по три березки, украшенные лентами и цветной бумагой. На Выми и в Прилузье ставили березу и в центре селений, вокруг нее молодежь проводила игры, плясала.

У коми-ижемцев в селениях по реке Усе на Троицу разыгрывалась народная драма «Кострома». Ряженого Костромой, для чего на одного из парней навешивали пучки травы и соломы, с прялкой в руках усаживали на чурбак. Остальные участники становились в круг и затевали вокруг Костромы хоровод с песней: «Костромушка прядет, Иван-дремля дремлет. Далеко ли Кострома?» Неожиданно Кострома вскакивал, сбрасывал с себя наряд из трав и соломы. Все разбежались, а Кострома старался кого-нибудь догнать и поймать.

7 июля (24 июня ст. ст.) по церковному календарю – Иванов день (Иоанна предтечи). Отмечали его в Коми крае повсеместно. Накануне Иванова дня все парились в бане новыми березовыми вениками. До этого заготов-

ливать веники запрещалось. В новые веники вплетали цветы купальницы, веточки рябины.

После бани многие купались в реке. Общепринято в этот день у коми было гадание по банным веникам. Их после мытья вешали на колья изгороди или бросали на крышу бани, а потом смотрели через некоторое время, почернели ли они. Если да, то это считалось плохим знаком. Многие бросали веники в реку. Если веник тонул, ожидалась беда, если уплывал — радость, свадьба и т.д. Молодежь во время таких гаданий жгла на берегу реки костры. В ночь на Иванов день собирали лекарственные травы. Девушки ворожили.

В Иванов день девушки отправлялись на луга собирать купальницу, потом ее клали в рукомойники и подойники, чтобы быть здоровыми, а коровы бы лучше доились. Собирали и другие цветы, потом их хранили до следующего года. Во время сбора цветов девушки пели и плясали. Молодежь в Иванов день опять жгла костры. Разводили их и в лодках, а потом катались по реке.

12 июля (29 июня ст. ст.) празднуется Петров день (день первоверховных апостолов Петра и Павла). В этот день заканчивается Петров пост, который начинается через неделю после Троицы. С Петрова дня у коми традиционно начинался сенокос, а у рыбаков – летний лов рыбы. Поскольку апостол Петр, согласно библейскому писанию, был рыбаком, рыбаки обращались к нему (а чаще – к обоим апостолам) с просьбой дать им рыбу.

Накануне Петрова дня устраивалась «петровщина». Молодежь делала складчину: собирались в каком-нибудь доме, приносили с собой шаньги, рыбные пироги, пиво, вино и обязательно крупу и сметану, из которой сбивали масло. Потом варилась каша с маслом, которую вместе съедали. После этого начиналось общее веселье, нередко до 4–5 часов утра. Устраивали свою «петровщину» и женщины, причем женщины среднего возраста и пожилые отдельно. Мужчин с ними не было, и отдельно они не собирались. В некоторых местах молодежь свою «петровщину» проводила на свежем воздухе, кашу

варили на кострах небольшими группами по 5–6 человек. Потом все группы собирались в условленном месте, начинались игры, песни, пляски.

Весенне-летний обрядовый календарный цикл завершался в Ильин день, день Ильи-пророка (2 августа, 20 июля ст. ст.). С этого дня начиналась уборка хлебов, снимался ряд запретов, действовавших во время их созревания. У коми до Ильина дня запрещалось играть на народных духовных инструментах. Если ребенок случайно свистнет, ему говорили: «Не Ильин день, что шумишь? Свистишь – хлеб замерзнет». В Ильин же день в коми поселениях все дети поголовно делали себе свистульки, дудки и с утра до вечера свистели в них. Не отставала от них и молодежь. Не случайно в народе этот праздник назывался *«чипсаян, пöлясян лун»* (день свистенья, дуденья).

Во многих коми селениях в благодарность за будущий урожай Илье-пророку приносили в жертву скот. Мясо быков, коров и телят готовилось в общих котлах и после освящения его священником коллективно поеда-

лось. У печорских коми в честь пророка устраивались массовые выезды на лошадях. И молодежь, и старики верхом на лошадях с песнями разъезжали по улицам, нередко лошадей до десяти в ряд. У коми оленеводов в этот день проводился традиционный сбор в условленном месте, устраивались оленье гонки, праздничное застолье, а потом они начинали двигаться на юг, в районы зимовки. По коми народному календарю, после Ильина дня уже начиналась осень. Говорили, что «на Илью до обеда лето, а после обеда осень». С Ильина дня переставали купаться, после него можно было собирать ягоды и лучить рыбу острой. В этот день по приметам определяли погоду на осень.

Осенние календарные обряды. Уборка хлебов, начинавшаяся у коми после праздника Ильи-пророка, завершалась обычно к Успеньеву дню (28 авг., 15 авг. ст. ст.). С этого дня начиналась обработка урожая, а у промысловиков – охотничий сезон в ближних угодьях, добыча боровой дичи. Успенье праздновали повсеместно. После исполнения утром в церк-

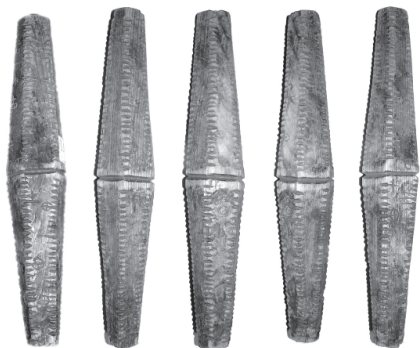
ви молебна, все веселились, ходили друг к другу в гости. Молодежь плясала и исполняла хороводные песни.

В каждой семье в день окончания уборки готовилось специальное обрядовое блюдо – каша из свежей ячневой крупы, полученной из зерна нового урожая. Перед тем как варить кашу, крупу благословляли серпом. Поэтому на Удоре это праздничное блюдо так и называлось: *чарла рок* (каша серпа). На Вычегде и Сыsole его называли *чомёр*. Для приготовления *чомёр* вначале обжаривали ячневую крупу (или муку), смешанную с растопленным сливочным маслом, а потом, подливая горячую воду, разводили до необходимой густоты.

21 сентября (8 сентября ст. ст.) – церковный праздник Рождества Богородицы. Молодежь на верхней Вычегде в этот день уходила в лес, разводила костер и варила селянку (картофельную кашу с яйцами, маслом и молоком). В других местах его отмечали обычным застольем. Особенно широко праздновали Богородицу в селе Богородск на Вишере. К этому дню в Богородск стекались толпы народа из

всех близлежащих и даже дальних селений. В прежние времена, согласно легенде, к празднику Богородицы сюда прибегал из лесу олень (или, по другой версии, лось) в качестве добровольной жертвы. Потом олень приходиться перестал, и его заменили жертвенным домашним скотом.

14 октября (1 октября ст. ст.) – праздник Покров Пресвятой Богородицы. После Покрова начиналась сушка и молотьба хлеба, женщины приступали к обработке льна и конопли, начиналось стойловое содержание лошадей. Коми охотники приступали к добыче белки. Покров считался у коми преимущественно женским, девичьим праздником. В этот день девушки на выданье ставили свечи к иконе Покрова Богородицы, молились об удачном замужестве. Из их домов, чтобы не лишить их удачи, запрещалось в Покров давать что-либо взаймы и выносить мусор. Девушки дарили нравящимся им парням предметы своего рукоделья (платочки, кисеты и т.д.). Если подарок принимался, это считалось хорошим предзнаменованием. Женщины в этот день устра-

Пу святцы – традиционный резной календарь коми-охотников. Село Еремей, Троицко-печорский район Республики Коми, 2006 г. Фото В.Э. Шарапова.

ивали складчины, водили хороводы, играли в круг, ходили с песнями по улицам.

После Покрова развлечения на открытом воздухе прекращались, наступало время осенне-зимних посиделок. Посиделки (войпукѳм, рытпукалѳм) были у коми молодежи любимым развлечением на весь период от Покрова до Масленицы, исключая лишь Рождественский пост, когда посиделки

проходили исключительно за работой. Для девушек и парней посиделки были и тем местом, где происходили и закреплялись знакомства, нередко приводившие к браку.

14 ноября (1 ноября ст. ст.) в день Кузьмы и Демьяна (чудотворцев Космы и Демиана) повсеместно в Коми крае устраивались складчины. Девушки приносили в дом, выбранный для проведения праздника, муку, мясо, рыбу и готовили угощение. Потом приходили приглашенные парни, и после трапезы начиналось веселье. Пели посиделочные песни, играли в молодежные игры, плясали кадрили, барыню и другие известные танцы. На Печоре это веселье продолжалось обычно один день. В других же местах и в Усть-Сысольске на Кузьму-Демьяна гуляли и веселились три дня подряд. С завершением первого дня участники празднования Кузьмы-Демьяна расходились по домам, а на следующий день собирались вновь, и веселье продолжалось. То же было и на третий день, в конце которого пели прощальную песню в завершение праздника Кузьмы и Демьяна.

21 ноября (8 ноября ст. ст.) отмечается праздник Архистратига Михаила. Особенно интересно проходил в прошлом этот праздник у коми на Удоре и Выми. Вечером, накануне Михайлова дня, повсеместно устраивались складчины, причем отдельно друг от друга собирались парни с девушками и родители со своими детьми в возрасте от семи до двенадцати лет. Мужчины и парни на свои вечеринки приносили вино, женщины и девушки – пиво, выпечку и другие закуски.

И молодежные, и взрослые увеселения проходили по сходному сценарию. Вначале было угощение, а потом начиналась игра под названием *невеста-пу бөрйём* (выбор дерева на невесту). Причем, если на молодежных вечеринках в нее играли сами участники, т.е. парни и девушки, то на взрослых главные роли исполняли присутствующие на них дети.

С 28 ноября (15 ст. ст.) начинается Рождественский пост, который продолжается до начала Святков. Посиделки на это время либо прекращались, либо проводились без обычных для

них развлечений. Церковные праздники также отмечались без какой-либо особой обрядности. Одним из немногих исключений у коми было празднование дня святого Модеста (по коми *Медоса*), который приходится на 31 декабря (18 дек. ст. ст.). На посиделках верхневыхегодских коми, которые устраивались в этот день, девушки собирались вместе с парнями. Девушки пряли, а молодые люди им всячески мешали – прятали прялки, подшучивали над ними, мазали сажей лицо и т.д. Особенно доставалось от парней самым нарядным.

К церковному календарю был приурочен календарь хозяйственный: начало сева, сенокоса, жатвы, охоты и т.д. В коми обрядности животноводству отводилось больше места, чем земледелию. Еще большее внимание уделялось удаче в добывающих промыслах, вплоть до того, что на Пасху промысловики после произнесения священником слов «Христос воскрес» не произносили полагающееся: «Воистину воскрес», а называли наименования наиболее ценных зверей и рыб в надежде обеспечить их удачный

промысел. Из народных праздников, не связанных с церковным календарём, можно отметить «Праздник проводов льда», празднования начала и окончания охоты, праздник по случаю окончания жатвы.

Фольклор*

Предания и легенды о чуди. У коми были распространены фольклорные сюжеты о чуди – древнем населении края. Наиболее популярны были сюжеты о *чуди* убегающей и *чуди* погибающей: не желающие креститься чудские люди забирались в землянки, подрубали столбы, удерживавшие кровлю, и самопогребались или же убегали из родных мест. Во многих селениях под названием «*чудь гу*» («чудская яма, могила») были известны провалы на местах древних могильников, воспринимаемые местным населением как места подобных самозахоронений. Некоторые народные

---

* В данном разделе использованы материалы исследователей коми фольклора П.И.Чисталева, Ю.Г.Рочева.

этимологии объясняют происхождение тех или иных топонимов потерей на этом месте убегающей *чудью* какого-либо предмета, гибелью при переправе через реку чудской девушки и т.д. У коми существовали и представления о том, что термин *чудь* означал языческих предков, которые просто ещё не были знакомы с христианством. Именно такая *чудь* представлена в «чудском предании» о Яг-Морте – лесном чудище, похищающем у «чудских людей» скот и женщин. Эта *чудь* представляет из себя рослых, сильных, умеющих постоять за себя людей. Они не знают ещё земледелия, живут в основном продукцией охоты и рыболовства, хотя знакомы уже и с животноводством.

«Колдовской эпос» коми. Основными компонентами классического героико-эпического сюжета являются борьба и победа богатыря над могучим противником. У коми, которые до вхождения в состав Русского государства стояли лишь на ранней ступени государственности, собственно героического эпоса о героях-богатырях, защитниках Родины, по всей

видимости, не было. Наиболее близко к этому фольклорному жанру принадлежат образы *Перы-богатыря*, *Педора Кирона* и *Кирияна-Варьяна*, которые выступают как защитники Родины (но не своей, малой, а всей Руси) от врагов. Национальной спецификой является то, что у всех у них эти подвиги являются разовыми, все они были в обыденной жизни охотниками и после совершения подвигов во имя Руси возвращаются к своей промысловой деятельности, соглашаясь взять в качестве награды лишь право на вольную охоту да ещё шёлковые ловчие сети. Сюжетно близки к героическому эпосу сказки о победе юного богатыря над водяным и лесным чудовищами, некогда, ещё до его рождения, проглотившими его отца и старших братьев. Но в данных случаях отсутствует мотив защиты народных интересов, личное превалирует над общественным.

В фольклоре коми популярными являются сюжеты о «героических» состязаниях с могучими колдунами или же их между собой. Ученый А.С. Сидоров считал, что у коми существует

особый фольклорный жанр – «колдовской эпос». В одних легендах и преданиях события происходят в отдаленную эпоху, в основном, во времена Стефана Пермского. Колдуны-туны всячески досаждали сородичам, склонявшимся к принятию новой веры, вплоть до прямого грабежа, кражи скота и т.д. Стефан в состязаниях с ними как бы защищал общественные интересы. Сами эти состязания описываются как поединок двух сильных колдунов: тун демонстрирует свою власть над различными стихиями, способность превращаться в диких зверей и повелевать ими, неуязвимость от обычного оружия и т.д., а Стефан успешно нейтрализует все проявления колдовской силы соперника. Присутствующие при этом сородичи туна, убедившись, что Стефан сильнее, убивают побеждённого. В другом популярном сюжете соревнуются в силе два колдуна-вожака охотничьих артелей. Один из них, защищая интересы своих сотоварищей от противоправных с точки зрения охотничьей морали действий другого колдуна, наказывает его и членов враж-

дебной артели лишением их незаконно добытой добычи.

Ко второй категории «колдовского эпоса» относятся многочисленные фольклорные сюжеты о деяниях различных колдунов-знахарей, прототипами которых были реальные, сравнительно ещё недавно жившие лица, как правило, уже при жизни имевшие славу колдунов. К таковым обычно причислялись люди, владеющие достаточно редкими профессиями (коновалы, кузнецы и т.д.), искусные умельцы в своём ремесле (удачливые охотники, мастера-плотники и т.д.), нередко - просто люди, существенно отличающиеся своим внешним видом или поведением от окружающих. Их мифологизированные фольклорные образы во многом соответствуют образам легендарных колдунов-тунов: власть над природными стихиями, особенно водной, подчинение колдовской силой своей воле людей и зверей, неуязвимость и др. Своей силой колдуны были обязаны духам, находящимся у них в услужении.

Коми народное песенно-музыкальное искусство складывалось из мест-

ных традиций, которые в процессе этнокультурной консолидации племенных объединений сближались, при этом каждая этническая группа вносила свои черты в общенациональное творчество. В процессе исторического развития на основе собственно коми музыкального наследия, во взаимодействии с музыкальными традициями других соседних народов формировалась музыкальная культура коми народа во всем своем богатстве и многообразии. Так, в результате тесных контактов между коми-ижемцами и ненцами сложился специфический ижмо-колвинский песенно-музыкальный фольклор. Большое влияние на развитие коми народного музыкально-поэтического творчества оказала русская музыкальная культура.

Трудовые песни и импровизации во многом обусловлены календарно-земледельческим циклом. Они исполнялись обычно в период сельскохозяйственных работ: весенней пахоты и сева, летнего сенокоса и жатвы, при переезде на луга, подвозке сена и дров. В этих произведениях в художественных образах отражается трудовая де-

тельность и быт коми земледельцев, их борьба за освоение суровой северной природы.

Характерной особенностью импровизаций, особенно распространенных на Ижме и Печоре, является подробное описание трудовых процессов: «По весне на волок пойдем на работу крестьянскую, на добрые широкие мы выйдем на пашни плодородные...», «в просмоленной быстроходной лодке... на летнюю страду», «на оленях в далекую тундру...» В импровизациях воспевается труд – основа «крестьянской хорошей жизни», а для этого надо быть «крепкими, удалыми, старательными людьми», «рано поутру отправляться на тяжелую работу», чтобы в конечном счете «намолодить ежегодно добрый хлеб». Поэтизация крестьянского труда «с поклонной головой» и «терпением досады» выливается в мечту о счастье.

Второй тип коми трудовых песен зафиксирован на верхней Вычегде, Выми и Прилузье. В них динамично перечисляются основные этапы работы земледельцев от пахоты до уборки урожая и выпечки хлеба, описывают-

ся орудия труда. Такие песни имеют устойчивый поэтический текст и определенный закреплённый напев с ритмическим четким мелодическим рисунком.

Причитания (*бёрддочанкыв* – плачевное слово) существовали обрядовые (похоронные и свадебные) и необрядовые (бытовые, солдатские, при болезни, разлуке и т.п.). Похоронными причитаниями сопровождался обряд прощания с покойным, в них звучала горечь утраты кормильца. В свадебных причитаниях описывалась тяжёлая женская доля в патриархальной семье, изображалась веселая девичья жизнь и т.п.

В эпической традиции выделяются вычегодско-вымские эпические песни и баллады о богатырях-воинах Федоре Кироне и Кирьяне-Варьяне (герои вступают в единоборство с иноземными захватчиками, борются ради народного счастья, преданно любя свой таежный край, и в то же время выступают верными друзьями и помощниками русских воинов) и ижмоколвинские песни и сказания, повествующие о межплеменных войнах за

оленьи стада и пастбища, о подвигах богатыря, мстящего за гибель рода или добывающего невесту и т.д. Они исполняются на ижемском диалекте, но по содержанию художественным образом персонажей (Сюдбей, Евле, Куим-Вай-вок) идентичны ненецким песням. Такая же двойственность наблюдается и в музыке: эпические песни поются и в коми, и в ненецкой манере. Особенности пения являются вокализация (распев), своеобразный гортанный призыв.

Произведения детского фольклора бытуют в виде импровизаций и песен, исполняются взрослыми для детей и самими детьми. Колыбельные песни с некоторым мягким распевом и ровным «усыпляющим» ритмом и темпом служат для усыпления ребенка. Это песни-экспромты о том, что родители ушли на работу, песни-наказания детям на их будущее, песни-уговоры на послушание и т.д. Существует внеигровой фольклор – потешки, пестушки, приговорки, будильные попевки, игровые жанры – припевки, считалки, дразнилки, забавы, связанные с самостоятельными играми.

Наиболее распространенными в народе были лирические (любовные, семейно-бытовые, величальные, отходничьи, рекрутские и солдатские) песни, в которых раскрываются различные жизненные обстоятельства и условия описываемых героев. В любовных песнях поется о нежных отношениях и сердечных чувствах молодца и девицы, о встречах и расставаниях, гуляний молодых. Весьма популярны были песни-воспоминания молодости, например, *Шондібанöй олёмöй* (Солнцеликая жизнь). В семейно-бытовых песнях преобладает мотив противопоставления вольной девичьей жизни и неволи замужней женщины в чужой семье. Величальные песни (обычно о паре – молодце и девице) исполнялись во время свадебных пиров, на молодежных посиделках. В репертуар коми певцов вошли многие русские песни, получившие коми национальную трактовку, язык, образность.

Частушки исполняются на коми и на русском языках. Особенность частушек – быстро откликнуться на происходящие события, отражать новые явления в жизни общества. Но боль-

шинство частушек посвящено теме любви. А главными их героями являются молодые парень и девушка.

По композиции частушки – это куплеты-четверостишия с тематически заключенной мыслью. Встречаются и циклические частушки типа «*Кымөр локтö*» («Туча надвигается»). Помимо общекоми частушек со сходным поэтическим текстом и мелодией, существуют локальные частушки с местной тематикой и своим напевом.

В последнее время утрачивают свое бытовое значение календарные и свадебные обряды, эпические песни, отходничьи и рекрутские песни. Лучше сохраняются лирические, отчасти детские песни, не увядают частушки. Коми фольклор обогатился другими песенными жанрами: уже в начале 20-х годов этого столетия появляются многочисленные перетекстовки старых песен с новым, современным поэтическим содержанием, создаются новые коми песни (В.Савин, А.Обрезкова), оперетки (М.Лебедев), инсценируется «Коми свадьба» (В.Чисталев), переосмысливается «*Коми рыт*» (Вечер коми песни, музыки, постановки),

Фольклорный женский коллектив удорских коми. Село Коптюга, Удорский район Республики Коми. 2006 г. Фото В.В. Власовой.

ныне широко распеваются в коллективах художественной самодеятельности современные песни самодеятельных авторов. Все старое и новое в песенно-музыкальном народном творчестве составляет ценный фонд национальной музыкальной культуры народа коми.

Художественная литература

Коми художественная литература у коми-зырян сложилась в своих классических формах в середине XIX в., гораздо раньше, чем у коми-пермяков, удмуртов, марийцев и у мордвы. Предпосылками появления своей художественной литературы является давняя письменная традиция, ведущая начало ещё с 1472 г. (создатель древнекоми азбуки и основной переводчик текстов Стефан Пермский), богатый фольклор и традиции переводной практики на коми язык.

Письменные традиции в течение веков сохранялись не только в церкви, но и в светской жизни. Так, многие коми-старообрядцы писали и переписывали книги, переводили с русского языка сказки и художественные произведения. Чтение на родном языке имело место путем распространения литературы в списках, самодельных брошюрах и книгах. Необходимо напомнить, что развитие коми профессиональной культуры в XIX в., прежде всего литературы, проходило вопреки официально проводимой государ-

ством и православной церковью русификаторской политике. Собственной литературной инфраструктуры в XIX в. не было и не могло быть, не издавалось ни одной газеты, ни одного журнала на коми языке как на территории Коми края, так и вообще в России.

Традиционно подаваемое многими историками мнение о Коми крае как глухом и отдаленном уголке, лишенном особой культурной жизни, не соответствует истине. В действительности старый Усть-Сысольск (прежнее название современного Сыктывкара) был достаточно просвещенной провинцией. В начале XIX в. протоиерей Александр Васильевич Шергин, сам по национальности коми, вместе с другими священниками перевел на коми язык Новый завет, а Евангелие от Матфея было издано отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1823 г. Подобные Евагелия на удмуртском, мари́йском языках вышли из печати намного позднее и переводили их, как правило, русские священники. В первой трети XIX в. в Усть-Сысольске плодотворно работала группа собира-

телей русско-коми словаря под руководством штабс-капитана в отставке Николая Павловича Попова. Этот словарь насчитывает около 70 000 слов и является до сих пор самым большим по охвату лексики. Это уже говорит о том, что в столице Зырянского края, как тогда именовали Усть-Сысольск, среди местной интеллигенции наблюдался национально-культурный подъем, порожденный идеями европейского романтизма, поисками древней исторической основы народов, национальной идеи.

Именно до середины XIX в. в Усть-Сысольске творила группа первых коми поэтов, среди которых большую известность имели такие стихотворцы как Пётр Клочков (1831–1853), Василий Куратов (1820–1862), Георгий Лыткин (Ёгуш) (1835–1907), Пётр Распутин (1820–1901), Иван Куратов (1839–1875). Возможно, были и другие писатели, сведения о которых не сохранились. Коми литературу, прежде всего стихотворения, знали коми крестьяне. Об этом говорит то, что несколько текстов первых поэтов стали основой народных песен.

Наиболее хорошо сохранилось творческое наследие Ивана Алексеевича Куратова, которого единодушно считают классиком коми литературы. В его творчестве соединились реалистические описания жизни и быта коми крестьянства, поэтизация труда охотников, рыбаков, земледельцев, глубоко лирические мотивы, а также взгляды на историю и судьбу родного народа. И.А. Куратов писал на самые разные темы, создал первые поэмы, в полном объеме не сохранившиеся, начал писать и прозу. Его поэтический язык является вершиной стилистического мастерства, тексты его классического наследия указывают на то, что И.А. Куратов опирался как на своих предшественников-поэтов, так и на богатый фольклор. Творчество Ивана Куратова исследовано достаточно полно. Подлинное открытие творческого наследия поэта, полная публикация текстов были сделаны в 20–30-х гг. XX в., однако феномен появления такого крупного писателя, несомненно, принадлежит предыдущему веку.

В конце XIX в. коми литература переживала определенный спад, тво-

рил лишь живший в Санкт-Петербурге Георгий Лыткин. Однако в это время продолжалась активная переводческая работа церковных и светских работ на коми язык, о Коми крае появляется довольно значительная литература, написанная на русском языке такими писателями как Александр Круглов (1853–1915), Сергей Максимов (1831–1901), Каллистрат Жаков и др. Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866–1926) литературоведы в последнее время считают коми писателем, хотя в действительности его произведения написаны в образной системе русского языка. Тематика же очерков, рассказов, сказок и поэм К.Ф. Жакова основывается на коми реалии, да и сам он себя считал певцом Коми земли. В основе его произведений воспевание своеобразия и красоты родного края, его соплеменников, правдивое описание быта и этнографии народа. Под прямым влиянием финского национального эпоса «Калевала» он создал литературный эпос «Биармия», где в своеобразной форме раскрыл древнюю историю коми народа. Имевший большой ус-

пех и популярность в России на рубеже веков, К.Ф. Жаков с 30-х гг. XX в. был запрещенным писателем. Подлинное открытие его как художника слова произошло лишь в конце века, все его художественные произведения опубликованы.

Второй подъём коми литературы начался в начале XX в. под влиянием Первой русской революции 1905–07 гг. и начавшегося процесса демократизации в обширной Российской империи. Появляются новые поэты из числа коми, учившихся в учительских семинариях и институтах. Так, начали писать тогда стихи Василий Лыткин (Илля Вась), Афанасий Маегов (Варыш), Алексей Чеусов (Гөрд Ёльöш), Михаил Лебедев (Юсь), Дмитрий Попов и др. Однако эти попытки не находили общественной поддержки, а сами авторы, не имея возможности публиковаться, оставались тогда в неизвестности.

Октябрьская революция 1917 г. и приход большевиков к власти сыграл ключевую роль в развитии коми художественной литературы. Обстановка в стране изменилась решительным

образом, и в итоге отношение центральных и местных властей к коми народу изменилось кардинально в лучшую сторону. Развитие, по тогдашней терминологии, создание коми литературы стало оцениваться в качестве государственной задачи. Это породило настоящий всплеск в развитии коми литературы. Создание комязычных периодических изданий, книгоиздания привело к тому, что произведения на коми языке стали читать и знать. В это время же организовался союз коми писателей, стал выходить свой литературно-художественный журнал «Ордым» (Тропа). В 20-е гг. также появился коми драматический театр, что повлекло развитие драматургии как вида литературы. В это продуктивное десятилетие расцвело творчество таких писателей как Виктор Савин (Нёбдинса Виттор) (1888–1943), Вениамин Чисталёв (Тима Вень) (1890–1939), Иван Сажин (Ичёт Иван) (1904–1962), упомянутые уже Василий Лыткин (Илля Вась) (1895–1981) и Михаил Лебедев (Юсь) (1877–1951). Последний автор до революции был широко известен

как русский прозаик, однако, в новых условиях Юсь стал писать только на коми языке и вскоре стал знаменит как коми поэт. В 20-е гг. бурное развитие получила поэзия и драматургия, начали писать также очерки и рассказы. Революция и гражданская война коми поэтами тогда воспринималась в романтическом ключе как освободительная сила, приносящая свободу угнетенному царизмом коми народу. Многие произведения этого периода вошли в золотой фонд коми литературы именно из-за возвышенного характера, оптимистичности, радостных настроений и сатиры на пороки человека. Некоторые стихи коми поэтов стали основой народных песен.

Тем не менее, государственно-партийная опека над возникшей художественной литературой несла и угрозы, а именно то, что партийное руководство требовало писать строго по существующим канонам в области содержания. Партийный нажим в 20-е гг. был ещё достаточно слабым, однако, затем в 30-е гг. он многократно усилился. Именно в 30-е гг. писатели стали больше писать в прозе,

вышли из печати первые повести и затем, на рубеже тридцатых-сороковых годов, был опубликован первый коми роман «Алая лента». В 30-е гг. в литературу вошли такие впоследствии крупные писатели как прозаики Василий Юхнин (Луздор Вась) (1907–1960), Павел Доронин (1904–1967), Яков Рочев (1909–1977), Геннадий Фёдоров (1909–1991), Иван Изъюров (Изъюр Иван) (1910–1995), поэты Ананий Размыслов (1915–1943), Владимир Латкин (1907–1942), Серафим Попов (1913–2003).

Репрессии тридцатых годов и Великая Отечественная война нанесли коми литературе большой урон: многие писатели были репрессированы, а их творчество официально было запрещено, ряд писателей молодого поколения не вернулись с фронтов, литературно-художественный журнал «Ударник» в годы войны не издавался. После войны с 1946 г. возобновился выпуск литературного журнала уже под новым названием «Войвыв кодзув» (Полярная звезда). Однако до середины 50-х гг. заметных достижений в коми литературе достигнуто не

было, хотя регулярно выходили новые стихи, поэмы, пьесы, повести, романы.

Хрущёвская оттепель конца 50-х гг. вдохнула новую жизнь во все жанры коми литературы, заметная либерализация и отход от крайне жесткого партийного руководства благотворно сказались на творческом процессе как известных уже писателей, так и новых авторов. Имена репрессированных коми писателей были реабилитированы, их произведения переизданы. Именно с конца 50-х – начала 60-х гг. стали широко известны такие писатели-прозаики как Геннадий Юшков (1932), Иван Торопов (1928), Владимир Безносиков (1928–2008), Егор Рочев (1937), Нина Куратова (1930), Пётр Шахов (1928–2004), поэты Альберт Ванеев (1933–2001), Владимир Попов (1934–1995), Владимир Тимин (1937), Виктор Напалков (1938) и др. В этот период повысился художественный уровень произведений и качество художественного слова, писатели стали писать на более чистом и разнообразном коми языке, старались избегать избыточных заим-

ствований. Являясь выходцами из села, коми писатели в этот период поднимали актуальные темы, связанные с проблемами сельчан, реалистично описывая жизнь своего народа в трудные военные и послевоенные годы. Одновременно дальнейшее развитие получила и поэзия, драматургия, детская литература. В 70–80 гг. в литературу входят писатели более молодого поколения: прозаики Борис Шахов (1928–2003), Александр Ульянов (1953), Алексей Попов (1950), Елена Козлова (1954), поэты Галина Бутырева (1944), Василий Лодыгин (1947), Евгений Козлов (1960), Василий Елькин (1958) и др.

Коми литература постсоветского периода продолжает художественные традиции предшествующих десятилетий, одновременно в конце 80-х – начале 90-х гг. наблюдались и инновационные явления. После исчезновения партийного контроля и тематических регламентаций писатели получили возможность писать свободно. Появились новые исторические повести и романы, где события прошлого излагались максимально правдиво,

были напечатаны произведения, написанные в фольклорно-романтическом ключе, большое развитие получила лирическая поэзия. Новые имена появились, в основном, в поэзии, в других видах литературы их практически нет. Однако наряду с элементами новизны в последнее десятилетие явно видны и кризисные явления в литературе. Так, в условиях затяжного социально-экономического кризиса резко упали тиражи литературного журнала «Войвыв кодзув» (от 7000 экземпляров в конце 70-х гг. до 1000 в 2007 г.) и издаваемых художественных книг. Была разрушена республиканская система книготорговли, в селах закрылись книжные магазины, торговавшие книгами Коми книжного издательства. Коми писателей стали меньше читать, меньше о них говорить, т.к. литература в рыночно-коммерческое время не стала получать поддержки со стороны республиканских властей, а сам авторитет писателя в общественном мнении упал. Постепенно наметилось отставание в развитии коми прозы, особенно в крупных жанрах, практически

отсутствует документальная проза. Положение усугубляет также исчезновение в постсоветский период такого явления как литературная критика. В целом коми литература настоящего тысячелетия идёт по пути поисков путей дальнейшего развития, ищет новые темы и новые художественные средства.

Язык

Коми язык – родной язык для всех этнографических групп коми: коми-зырян, коми-пермяков и коми-язьвинцев. В данной работе дано общепринятое в международном финно-угроведении разделение коми диалектного континуума на три наречия – коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское. Последнее ассоциируется с одноименным диалектом, который много веков уже существует изолированно от основного массива и поэтому сохранившего множество архаичных элементов. Носители коми-язьвинского диалекта проживают в Красновишерском районе Пермского края по р. Язьве. Всего насчитывается 20

коми диалектов, разделяющиеся по географическому принципу на две группы: коми-пермяцкие, включающие 8 диалектов, коми-зырянские, состоящие из 10 диалектов, и переходный между ними верхнекамский диалект. Коми пермяцкие, в свою очередь, делятся на южные – кудымкарско-иньвенский, нижеиньвеньский, нердвинский и оньковский, и северные – косинско-камский, кочевский, мысовский и верхнелупийинский (современные исследователи два последних объединяют).

Коми язык – старописьменный язык, обладает давней письменной традицией. Она возникла в XIV в. усилиями просветителя коми и миссионера Стефана Пермского (ок. 1340–1396). Зная коми язык с детства, он в 1372 г. составил оригинальную азбуку *анбур* из 24 букв, затем перевел многие богослужебные тексты, распространив пользование литературным языком как в Перми Малой, так и в Перми Великой, на территории проживания предков коми-пермяков. Таким образом, древнепермский язык объединял тогда всех коми и употреблялся до

XVII в. Начертания букв представляют собой совершенно оригинальное явление, ведущее начало в традиционных коми *пасах* (знаках), родовых насечках и тамгах.

Ꙗ - а	ꙗ - ж	ꙋ - н	ꙗ - т
Ѡ - б	ѡ - з	Ѣ - о	ѣ - тш
Ѥ - в	ѥ - и, і	Ѧ - ъ	ѧ - у
Ѩ - г	ѩ - й	Ѫ - ѳ	ѫ - ш
Ѭ - д	ѭ - к	Ѯ - п	ѯ - ы
Ѱ - дж	ѱ - л	Ѳ - р	ѳ - э (открытое)
Ѵ - дз	ѵ - м	Ѷ - с	ѷ - э (закрытое)

В XVIII в. появились переводные тексты, написанные кириллицей, а в XIX в. появились переводная литература и классическая поэзия Ивана Куратова (1839–1875). Однако строго нормированные коми литературные языки были разработаны в начале XX в.: коми-зырянский литературный язык существует с 1918 г., коми-пермяцкий был разработан в 1923 г. Вначале применялся т.н. молодцовский алфавит на основе кириллицы с добавлением ряда особых знаков, затем с 1930 по 1936 г. использовался латинизированный алфавит, после этого опять перешли на молодцовский. Начиная с 1939 г. применяется современная графика, основанная на рус-

ской с добавлением двух дополнительных букв *ö* и *i* в целях более адекватной передачи произношения. Коми язык преподается в средних школах, Сыктывкарском государственном университете и Коми государственном педагогическом институте, Пермском государственном педагогическом университете, средних педагогических учебных заведениях. На коми-зырянском литературном языке издаются республиканские газеты «Коми му» (Коми земля), детская газета «Йöлöга» (Эхо), три районные газеты, литературные журналы «Войвыв кодзув» (Полярная звезда) и «Арт» (Лад), детский журнал «Би кинь» (Искорка), сатирический журнал «Чушканзi» (Оса), методический журнал «Чужан кыв» (Родное слово), на коми-пермяцком литературном языке издается детский журнал «Бичирок» (Искорка), отдельные страницы выходят в газете «Парма» (Тайга). На коми литературных языках существует развитая художественная литература. К числу коми-зырянских классиков относятся Иван Куратов (1839–1875), Нёбдинса Виттор (Виктор Са-

вин) (1888–1943), Тима Вень (Вениамин Чисталёв) (1890–1939), Илля Вась (Василий Лыткин) (1895–1981), Луздор Вась (Василий Юхнин) (1907–1960), Серафим Попов (1913–2003), Геннадий Юшков (1932), Иван Торопов (1928), Нина Куратова (1930) и др.; наиболее значительными коми-пермяцкими писателями являются Питю Ёньё (Андрей Зубов) (1899–1945), Михаил Лихачёв (1901–1945), Василий Климов (1927), Валерьян Баталов (1926–1998), Иван Минин (1926–1991), Галина Бачева, Фёдор Истомин.

Фонетическая характеристика.

Состав гласных в ходе истории языка сократился и в настоящее время составляет 7 фонем: переднерядные *и*, *э*, среднерядные *а*, *ö* [*е*], *ы*, заднерядные *о*, *у* (лабиальные). Явление гармонии гласных в языке отсутствует. В коми языке нет дифтонгов, однако на стыке основы и суффиксов часты в речи сочетания двух или трёх гласных, например, *нуа* «я несу», *нуи* «я нёс», *гуö* «в яму», *войяс руаёсь* «ночи туманные». В словах исконного происхождения выделяется 26 согласных:

б, в, г, д, д', ж, з, з', й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, с', т, т', ч [č'], тш [č], дз [ʒ'], дж [ʒ], ш. Консонанты делятся на глухие и звонкие, твердые и палатальные, выделяются четыре аффрикаты, из которых три в коми языке обозначаются буквосочетаниями: тш = [č], дз = [ʒ'], дж = [ʒ]. В заимствованных словах встречаются согласные ф, х, ц. В начале слова часто употребляются звонкие шумные: ббб «глухой», геб «мошка», дыр «долго». Аффрикаты встречаются во всех позициях: в начале, середине и конце слов, например, дзодзöг «гусь», джадж «полка», джуджыд «высокий». Сочетания согласных в начале слова встречаются в заимствованных словах (кран, премия, психология), а также в некоторых исконных дескриптивных словах: кравзыны «каркать», третшкыны «трещать», тринь-тронь «звук звона стекла». Многие заимствования с изначальными сочетаниями согласных в анлауте в языке закономерно подверглись фонетической адаптации, напр., дöва < рус. вдова, середа < рус. среда (день недели), нига < рус. книга. В коми-

пермяцких диалектах в устной речи свободно употребительны звуки *ф*, *х*, *ц*, *щ* и мягкие согласные *р'*, *м'*, *б'*, *п'* как в заимствованиях, так и некоторых исконных словах, например, *улица*, *кузнец*, *петух*, *рюксыны* «хрюкать», *щукаёвöй черинянь* «рыбник из щуки».

В коми-зырянских диалектах ударение падает чаще всего на первый слог слова, однако в эмпатических целях оно свободно может перемещаться и на последующие слоги. В коми-пермяцких диалектах и коми-зырянском лузско-летском диалекте ударение разноместное, оно морфологизировано: на гласные определенных суффиксов оно падает всегда (в показателях **-ок**, **-ыник**, **-ан**, **-ас**, **-öв** и др, префикс **мед-**), на другие же суффиксы не падает, в этом случае оно ставится на первый слог слова. Часто ударение несёт смыслоразличительную функцию при омонимичных словах, например, *óлан* «ты живёшь», но *о́лан* «жизнь», *пета́с* «побег растения», но *пéтас* «он(а) выйдет». В коми-язьвинском наречии ударение также разноместное, оно фонематическое: одни

корневые гласные (*а, о, э, ё*) при словообразовании и словоизменении удерживают на себе ударение, другие же гласные (*и, у, ө*) ударение утрачивают. Причины появления таких видов ударений в коми-язьвинском наречии и коми-пермяцких диалектах ещё не выяснены.

Морфологическая характеристика. Тип коми языка строго агглютинативный с элементами аналитизма, морфонологических явлений в целом немного. Так, в некоторых диалектах этимологический *л* в позиции конца слова и перед согласным закономерно переходит в *в*, например, *кыл* → *кыв* «язык», *кыв-йӧн* «языком», но *кыл-ын* «в языке». Данное историческое чередование *л/в* заключено и в нормах коми литературных языков. К числу морфонологических явлений относятся также случаи ассимиляции, вставки/выпадения звуков. В ходе истории языка возникли некоторые флективноподобные падежно-притяжательные суффиксы и лично-числовые показатели глаголов, у которых совмещено несколько грамматических значений, например, *сӥӧ мун-і* «он/она

ушла» (значения глагола I прошедшего времени, 3 лица и ед. ч.).

Существительные имеют грамматические категории лица, определенно-притяжательности и падежа. Различаются формы ед. и мн. числа. Как характерно для финно-угорских языков, слова в ед. числе выражают парные предметы (*гач*, пк. *вешъян* «штаны», *кес*, *кльёшши* «клещи»), а также выражают коллективную и собирательную множественность, например, *Студентыс сэн вöлі тыр* «Студентов там было полно, досл. Студента там было полно», *Колö тшак солавы* «Надо грибы солить, досл. Гриб солить». Множественное число образуется при помощи суффикса **-яс**, пк. **-эз**, реже **-эс**. У некоторых зырянских слов показателем мн. числа является суффикс **-ян** (*пиян* «сыновья», *понпиян* «щенки»). Коми-пермяцкие показатели мн. ч. при присоединении к словам, оканчивающимся на согласный, имеют форму с долгим консонантом: *юок* → «речка» *юоккез* «речки», *ваучер* → *ваучеррез* «ваучеры». В настоящее время под влиянием русского языка наблюдается уча-

щение использования форм мн. ч., особенно в коми-пермяцких диалектах.

Притяжательные суффиксы устойчиво сохраняются в языке, однако, в употреблении посессивных суффиксов коми язык отличается тем, что показатель **-ыс** 3 лица ед. числа часто несёт чисто определенную семантику, т.е. употребляется в функции определенного артикля, например, *Миян керкаыс важ нин* «Наш дом-то старый уже». С другой стороны, притяжательные суффиксы 1 лица в речи часто не употребляются, опускаются, например, *Тайӧ менам ыджыд вок* «Это мой старший брат», вместо *вокӧй*.

Падежная система коми языка отличается многочисленностью и разнообразием. Традиционно в литературных языках выделяют 16–17 падежей, однако их больше двадцати. Падежи делятся на две группы субъектно-объектных и местных падежей. Нижеследующая таблица состоит из двух частей: первая содержит сведения о 23 общекоми падежах, вторая дает представление о коми-пермяцких специфических поверхностно-местных

падежах. Среди финно-угорских языков коми-пермяцкие диалекты наиболее богаты падежами, там их 28 единиц. Коми-пермяцкие формы даются в случае их различия от зырянских.

Названия	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	—	Кто? Что?	<i>му</i> «поле»
Адессив/генитив	- дн	Чей? У кого? У чего?	<i>муддн</i> «поля, у поля»
Аллатив/датель	- лы , кл. - лб	Кому? Чему?	<i>мудлы</i> , кл. <i>мудлб</i> «полую»
Аблатив	- лысь , кл. - лсь	У кого? У чего?	<i>мудлысь</i> , кл. - <i>мудлсь</i> «у поля»
Аккузатив	- л , - бс , - сб , - тб , кл. - б	Кого? Что?	<i>мусб</i> «поле (пахать)»
Инструменталь	- бн	Чем? С кем?	<i>мудн</i> «полем»
Комитатив	- кбд , кл. - кбт	С чем? С кем?	<i>мукбд</i> , кл. <i>мукбт</i> «с полем»
Абессив	- тбг	Без кого? Без чего?	<i>мутбг</i> «без поля»
Каузатив	- ла	За чем? За кем? Почему? Из-за кого?	<i>мудла</i> «за землей»
Инессив	- ын	Где? В чем?	<i>муын</i> «в поле»
Иллатив	- б	Куда? Во что?	<i>мудб</i> «в поле»
Элатив	- ысь , кл. - ись/сь	Откуда? Из чего?	<i>мудысь</i> , кл. <i>мудысь</i> «из поля»
Аппроксиматив	- лань	По направлению к чему, к кому?	<i>мудлань</i> «по направлению к полю»
Эгрессив	- сянь	От чего? Откуда?	<i>мудсянь</i> «от поля»
Пролатив	- ті , - бд , кл. - бт	По чему-либо?	<i>мудті</i> «по полю»
Терминатив	- бдз , кл. - бдз , - вн	До чего? Докуда?	<i>мудбдз</i> «до поля»
Компаратив пк., зк. (в южных диалектах)	- ся	По сравнению с чем, с кем?	<i>мудся</i> «по сравнению с полем»
Аппроксиматив-инессив	- ланьын	В окрестностях чего (находится)?	<i>мудланьын</i> «вблизи поля»
Аппроксиматив-элатив	- ланьысь , кл. - ланьсь	Из окрестностей чего?	<i>мудланьысь</i> «из окрестностей поля»
Аппроксиматив-иллатив	- ланьб	В окрестности чего (идти)?	<i>муданьб</i> «в место возле поля»
Аппроксиматив-эгрессив	- ланьсянь	Из окрестности чего?	<i>муданьсянь</i> «из места возле поля»
Аппроксиматив-пролатив	- ланьбд , - ланьті , пк. - ланьбт	По окрестностям чего?	<i>муданьбд/муданьті</i> «по окрестности, вдоль поля»
Аппроксиматив-терминатив	- ланьбдз	До окрестностей чего?	<i>муданьбдз</i> «до места возле поля»

Серия из пяти коми-пермяцких поверхностно-местных падежей, употребляющихся в диалектах в двух видах алломорфов, с согласным *л* в северных и с *в* в южных диалектах. Эти падежи ещё не кодифицированы в грамматиках коми-пермяцкого литературного языка, хотя в устной и письменной формах речи вполне употребительны.

Суперсисив (поверхностно-местный)	-вын/-лын	На чем?	мырлын/мырвын «на пне»
Сублатив (поверхностно-направительный)	-вб/-лб	На что?	мырлб/мырвб «на пень»
Делатив (поверхностно-изъявительный)	-вись/-ыльсь	С поверхности чего?	мырльсь/мырвьсь «с пня»
Суперлатив (поверхностно-проходной)	-вбть/-лбть	По поверхности чего?	мырлбть/мырвбть «по поверхности пня, по пню»
Супертерминатив (поверхностно-предельный)	-вбдз/-лбдз	До поверхности чего?	мырлбдз/мырвбдз «до поверхности пня»

Финитный глагол имеет следующие морфологические категории: наклонение, лицо-число, время, залог, способы глагольного действия. Коми язык не отличается богатством наклонений: выделяются индикатив (изъявительное) и императив (повелительное) наклонения. Разнообразные модальные значения условия, желательности, уступки и т.п. выражаются сочетани-

ями глаголов с частицами, союзами и наречиями.

Глагол имеет один тип спряжения, различаются две парадигмы – положительная и отрицательная. Употребляются традиционные для большинства уральских языков спрягаемые отрицательные глаголы, причем у т.н. лексического глагола есть показатели, указывающие на мн. число производителей действия. Парадигмы спряжения в диалектах и литературных коми языках отличаются вариативностью, наряду с полными личностно-числовыми показателями в формах мн. числа употребляются и редуцированные. Показатели спряжения в настоящем времени у глагола *гижны* «писать»:

лицо-число	положительные глаголы	отрицательные глаголы
ме «я»	<i>гижя</i> «пишу»	<i>ог гиж</i> «не пишу»
тэ «ты»	<i>гижан</i> «пишешь»	<i>он гиж</i> «не пишешь»
<i>сийб</i> , кп. <i>сиа</i>	<i>гижб</i> «пишет»	<i>оз гиж</i> «не пишет»
«он, она»		
ми, кп. <i>мийб</i> «мы»	<i>гижам(б)</i> «пишем»	<i>ог(б(й)) гижб(й)</i> «не пишем»
<i>ти</i> , кп. <i>тийб</i> «вы»	<i>гижанимб</i> , <i>гижид</i> , кп. <i>гижат(б)</i> «пишете»	<i>он(б(й)) гижб(й)</i> , пк. <i>од(б)</i> <i>гижб</i> «не пишете»
<i>найб</i> , кп. <i>ниа</i> «они»	<i>гижбны</i> «пишут»	<i>оз гижны</i> , кп. <i>оз(б)</i> <i>гижб</i> «не пишут»

Синтаксический строй коми языка характеризуется, с одной стороны, сохранением древних особенностей пост-

роения словосочетаний и предложений, а с другой стороны, появлением ряда инноваций. Порядок слов определение + определяемое слово в атрибутивных словосочетаниях устойчиво сохраняется, определения примыкают к основному слову, например, *пу зыр* «деревянная лопата», *зыр пу* «дерево для черенка лопаты», *ылысса ичӧт мича сикт* «далекое маленькое красивое село» → *ылысса ичӧт мича сиктъясын* «в далеких маленьких красивых сёлах» (определяемое слово во мн. числе, инессиве). Порядок расположения компонентов предложения свободный, одинаково частотны порядки SOV и SVO, например, *Петыр газет лыддьӧ* / *Петыр лыддьӧ газет* «Петыр газету читает / читает газету». Традиционно употребительны в составе простых предложений инфинитивные, причастные и деепричастные конструкции, отглагольные обороты, выражающие значения различных придаточных предложений, например, *Шонді петігӧн дзоридз косьмис* «Когда солнце всходит, цветок завял», кп. *Школаын нылӧн велӧтчикӧ оланыс вӧлі умӧль*

«Во время их обучения в школе жизнь была тяжелая». В настоящее время совершенно естественными в языке стали сложные предложения с союзной связью компонентов, причем их развитие имело место под интенсивным влиянием контактирующего русского языка. Так, практически все сочинительные союзы являются русскими заимствованиями: *и, да, но, либõ, или, али, ни-ни, то-то*. Придаточные предложения в составе сложных соединяются при помощи отместоименных союзных слов *мый* «что», *кõнi* «где», *кутшõм* «какой» и пр., например, *Ме аддзылі, кыдзи Таттяныс воис* «Я видел, как Таттян пришла». В речи людей старшего поколения построение предложения другое: *Ме Таттянлысь локтõмсõ аддзылі* досл. Я у Таттян приход-то видел». Особенно часты сложноподчиненные предложения в коми-пермяцких диалектах, где часто употребляется заимствованный союз *что* [што] наряду с исконным *кõда* «что», например, *Сія эз тõд, что ме локті* «Он не знал, что я пришел».

Лексика коми языка складывалась

в течение многих веков, она состоит из слов исконного происхождения (финно-угорские, общепермские, собственно-коми по происхождению слова) и заимствований, среди которых наиболее древними являются древнечувашские заимствованные слова или булгаризмы, например, *чарла* «серб», *кольта* «сноп», *бан* «щека». Контакты с русскими начались не раньше XI–XII вв. Древнейшие русские заимствования претерпели в коми языке фонетическую и семантическую адаптацию, например, *чась* < рус. *чаща*, *гöбöч* < рус. *голбец*. Современные заимствования адаптируются в минимальной степени: *шляпа*, *ОМОН*, *совкоз*, *фотокамера*, хотя в речи иные звуки субституируются более приемлемыми, например, *пишшаль* < рус. *пищаль*, *рöдина* < рус. *родина*. Через русский язык массово проникают и слова из других языков, подчас подвергаясь также адаптации, напр., *бульдозёр*, *шóпер* «шофер», *кóккей* «хоккей», *пудбол* «футбол», *тöрöкан* «таракан». Предки коми-зырян в ходе истории заселили северные и северо-восточные земли, перешли Уральские

горы и вступили в контакты с проживавшими в тех местах народами — вепсами, ненцами, обскими уграми. Вепские заимствования проникли в основном в западные коми-зырянские диалекты: *агас* «борона», *лудік* «клоп», *кась* «кошка», *пив* «облако», *пони* «маленький». Ненецкие заимствования проникли, в основном, в северный ижемский диалект, они связаны с оленеводческим укладом хозяйства, например, *малича* «малица», *пими* «пимы», *хора* «некастрированный олень в возрасте от двух лет», *харей* «шест для управления упряжкой». Обско-угорских заимствований в общенациональном языке немного, например, *кынь* «песец», *яран* «ненец».

ГЛАВА 4. КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОМИ В XX ВЕКЕ

Рождение Коми автономии

Современная Республика Коми как национально-государственное образование существует более 85 лет. Идеи территориальной и культурной автономии появились в среде коми интеллигенции достаточно поздно, в сущности, лишь после Февральской революции 1917 г. (об этом мы уже упоминали в первой главе), а впервые четко сформулированы были лишь в начале 1918 г. уроженцем сысольского села Выльгорт, бывшим депутатом Государственной Думы священником Дмитрием Яковлевичем Поповым (1862–1921). Возможно, на него оказали влияние некоторые идеи другого уроженца Коми края ученого и политика Питирима Александровича Сорокина, связанные с установлением равноправия и осуществлением автономии национальностей, изложенные в изданной в 1917 г. работе «Автономия национальностей и единство го-

сударства». В частности, подчеркивая различный уровень культурно-экономического развития народов России, П.А. Сорокин полагал, что рамки автономии не должны быть одинаковы для всех. Если «народности культурные, достаточно многочисленные... должны получить... более полную автономию», то коми и другие «малочисленные, неразвитые народы.., начав с более ограниченных форм автономии, по мере культурного и политического созревания, будут расширять свои автономные права до тех пор, пока не установят их в полном объеме».

Однако Д.Я. Попов был настроен более решительно. В январе 1918 г. на состоявшемся в Усть-Сысольске Учредительном съезде Советов, провозгласившем Советскую власть в Усть-Сысольском уезде, он выступил с речью и заявил о «чрезвычайной важности автономии для нашего края». Попов говорил: «Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других. Край

наш... имеет полное право на самостоятельное существование, обладая громадностью территории, национальными богатствами и даже выходом в море... Мы должны... заявить о самостоятельности края. В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах». Д.Я. Попов закончил свою речь под аплодисменты: «Да здравствует свободный зырянский народ и его Совет!».

Позднее на заседаниях Усть-Сысольского уездного Совета, членом которого он являлся, Д.Я. Попов развил свою мысль об автономии для Коми края. Он заявил, что «мы установим автономию на совершенно свободных, бытовых началах в порядке внутреннего управления, не затрагивая вопроса о чеканке монеты, почте и телеграфе». В то же время Попов считал, что новой власти в Коми крае «надо придать и функции законодательной: проводить в жизнь пригодные для нас декреты и обязательные постановления... Если мы увидим, что распоряжения высшей власти пра-

вильны, то согласимся, если не правильны – не согласимся. Наша организация беспартийная, значит, она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности. Поставим нашу власть в подчиненное положение постольку, поскольку это полезно для края, не умаляя значения ее верховности». Выступления Д.Я. Попова содержали в себе целую программу по созданию автономной Коми республики в составе России – первую программу национально-государственного строительства в нашем регионе.

Местные политики не были едины в этом вопросе. Раздавались голоса и за как можно более полную и широкую автономию, и против нее. Позиция председателя Уездного Совета, первого лица в уезде А.М. Мартюшева была одной из наиболее взвешенных и реалистичных: «Полная автономия зырянам непосильна. Мы не сможем содержать сами милицию, дороги, народное просвещение, медицину и проч. Своих средств у нас на это не хватит, и мы будем вынужде-

ны обратиться к Российской республике за помощью, тогда наша автономия будет только на бумаге». Начавшаяся гражданская война заставляла отложить вопрос о создании Коми автономии на пару лет. Можно упомянуть только о комиязычной публикации в усть-сысольской газете «Зырянская жизнь» 22 декабря 1918 г., содержавшей призыв объединить территории с коми населением «в одну автономную землю». К проектам государственного строительства, создания автономии вернулись уже в середине 1920 года. Огромная роль в развитии и пропаганде идеи коми автономии принадлежит уроженцу нижневычегодского села Гам Дмитрию Александровичу Батиеву (1896–1941), который активно отстаивал идею создания Коми республики и усилия которого в конце концов увенчались успехом. Д.А. Батиев возглавил Зырянский отдел Наркомата по делам национальностей (Наркомнаца) РСФСР. 17 ноября 1920 г. орган Наркомнаца газета «Жизнь национальностей» отметила: «Несомненно, важной и неотложной задачей явля-

ется вопрос об автономии коми – это богатейшего угла Советской Федерации». Д.А. Батиев разработал проект образования Коми автономной республики. Идею создания Коми республики после острых споров поддержал Первый Всезырянский съезд коммунистов в январе 1921 г. После этого Д.А. Батиев энергичнейшим образом стал продвигать идею создания Коми АССР в Москве, настаивая на включении в ее состав всего Прикамья, всей Печоры, островов Новая Земля, Вайгач, Колгуев и даже Шпицберген, побережья Северного Ледовитого океана с Чешской и Карской губами, Глазовского уезда Вятской губернии. Но возглавлявшийся Сталиным Наркомнац РСФСР согласился лишь на создание Коми автономной области (в куда более скромных по сравнению с предложениями Батиева границах), что и было сделано 22 августа 1921 г. Через три месяца Д.А. Батиев из-за конфликта с коллегами по руководству автономией лишился всех руководящих постов. В последующее время он, в основном, занимался общественной работой, активно отстаивал

идею создания Коми республики. Впереди у него были три ареста за «буржуазный национализм», тюрьмы, лагеря и расстрел. Упоминания об огромном вкладе Батиева в дело создания Коми автономии на несколько десятилетий исчезли со страниц печатных изданий, в ходу был лишь хлесткий, но вряд ли вполне оправданный термин «батиевщина». Не иначе как «буржуазным националистом» до начала 1990-х гг. величали и Д.Я. Попова.

ГУЛАГ как инструмент формирования территориального сообщества

До конца 1920-х гг. население Коми представляло собой довольно однородное аграрное сообщество: на территории края находился только один город Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар), чье население составляло чуть более 6 тысяч человек и было преимущественно связано с сельским хозяйством. Город выполнял роль местного административного центра, а все

окрестное население было крестьянским. Более того, это население было этнически однородным, ибо почти 90% жителей края составляли коми, а анклавов со значительным русским старожильческим населением сформировались лишь на окраинах ареала расселения коми – в низовьях и верховьях реки Печоры и на средней Лузе; внутри этнической территории коми существовало лишь полдесятка поселений с русским населением. Этническая однородность края стала основанием для создания на этих территориях в 1921 году Автономной области Коми (с 1936 г. – Коми Автономная Советская Социалистическая республика, с 1992 г. – Республика Коми).

Создание Коми автономии в 1921 г. позволило начать формирование многих культурных институтов, которые способствовали модернизации социальной структуры коми и изменению их культурного облика в целом. Важное значение для консолидации сообщества, отличавшихся друг от друга этнографическими и диалектными группами, сыграли меры по созданию единого

литературного языка и национальной школы. С этой целью лингвист В.А. Молодцов разработал новый алфавит, были разработаны учебники коми языка для различных классов, организована подготовка учительских кадров. Помимо этого, было организовано книжное издательство, массовыми тиражами стали печататься книги на коми языке, стали выходить периодические комиязычные издания, появился национальный театр, открывались библиотеки и школы. Особое внимание уделялось изучению истории и культуры коми, для чего усилиями местной интеллигенции было создано Общество изучения Коми края. Одновременно шло формирование национальной бюрократии, перевод делопроизводства на коми язык.

Уже в 1925/1926 учебном году в Коми действовали 203 коми, 14 русских и 54 коми-русских начальных школ. Но в начале 1930-х гг. было свернуто краеведческое движение, была резко ограничена свобода творчества (в том числе и творческие искания этнических меньшинств), а затем в годы Большого террора серьез-

ный удар был нанесен по кадрам коми интеллигенции, значительная часть которой была репрессирована и физически уничтожена, начались неоправданные эксперименты с литературным языком, что серьезно ослабило культурные позиции коми.

Не менее важное значение для развития коми имело развитие экономики края и государственная политика властей, связанная с освоением северных и периферийных территорий.

Огромная территория края не имела ни промышленных предприятий, ни дорог, но обладала стратегическими ресурсами, которые требовались экономике мобилизационного типа. Об этих ресурсах было известно еще до прихода к власти большевиков, т.е. до 1917 года.

В частности, ухтинскую нефть пытались добывать еще во второй половине XIX столетия, но первые попытки ее разработки оказались неудачными. Для разработки природных богатств края нужны были огромные людские и материальные ресурсы, а также мощные корпоративные структуры, способные реализовывать мас-

штабные промышленные проекты. Такой структурой в Советском Союзе стала система ГУЛАГа, созданная для борьбы с идеологическими противниками режима и одновременно решавшая задачи экономического развития страны в целом и многих регионов, в частности. Коми стала одним из основных центров ГУЛАГа.

Первые заключенные были привезены сюда летом 1929 г. 2 августа 1929 г. в 24 км от Усть-Сысольска началось строительство силами заключенных Управления северных лагерей особого назначения (около 200 человек) железной дороги Усть-Сысольск–Пинюг. Это был первый лагерь в Коми АО. Просуществовал он относительно недолго. В декабре 1931 г. строительство железной дороги было законсервировано, почти все уложенные рельсы сняты и отправлены на постройку Мурманской железной дороги, большинство заключенных направили на прокладку Беломоро-Балтийского канала.

Второй лагерь, гораздо более крупный, стал складываться в том же 1929 году на р. Ухте. В январе 1929 г. на

заседании коллегии ОГПУ было принято решение приступить к организации добычи нефти на Ухте и каменного угля на Воркуте, для чего было решено перевести в Коми группы специалистов-заключенных из лагеря на Соловецких островах. 21 августа 1929 г. Ухтинская экспедиция ОГПУ прибыла в район современного города Ухта. В составе экспедиции было 125 заключенных, из которых 61 человек в прошлом являлись геологами, горняками, геохимиками или другими специалистами. Уже через год число заключенных здесь выросло до 824 человек, а еще через полгода – до двух тысяч человек. В 1931 г. Ухтинская экспедиция была реорганизована в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь (Ухтпечлаг), главной задачей которого являлось планомерное хозяйственное изучение и освоение Ухтинского региона и заполярной Воркуты. Развертывание масштабных работ по разведке и освоению месторождений нефти и угля вынуждало органы власти стремительно наращивать численность заключенных Ухтпечлага: в первом квартале 1933 г. она

достигает 15 тыс. человек, а уже в четвертом квартале того же года – 25 тысяч (к концу 1930-х гг. в Коми находилось более 100 тыс. заключенных, а все население республики составляло тогда около 300 тыс. человек).

Летом 1932 г. в районе Воркуты была заложена первая разведочно-эксплуатационная шахта, которая вступила в строй действующих в 1934 г. Одновременно строились лагеря для заключенных, часть из построек которых впоследствии стали органической частью городской застройки. Уже в 1937 г. в Воркуте было добыто 122 тыс. тонн угля и масштабы угледобычи быстро увеличивались, поскольку строились новые шахты и расширялись мощности уже построенных промышленных объектов. В 1937 г. было принято решение о строительстве Северо-Печорской железной дороги, которая должна была связать Печорский угольный район с центральными районами страны и с потребителями угля. Естественно, что строительство этой магистрали планировалось осуществить силами заклю-

ченных ГУЛАГа. Начало строительства железной дороги привело к тому, что практически вся территория республики была покрыта сетью лагерей для заключенных. Причем специально под нужды строительства Печорской магистрали было создано новое подразделение ГУЛАГа – Севжелдорлаг, в составе которого трудились десятки тысяч заключенных: в 1938 г. в лагерях нового подразделения насчитывалось 25199 человек, а в период наиболее интенсивного строительства (1941 г.) – 84893 человека. Вдоль всей будущей трассы железной дороги создавались лагерные пункты и поселки Севжелдорлага, многие из которых впоследствии превратились в города и железнодорожные станции.

Разрушение империи ГУЛАГа в Коми превратилось в болезненный и длительный процесс. Смерть Сталина, конечно, дала мощный стимул этому процессу, породив надежды на амнистию для политзаключенных и смягчение режима в местах заключения. Но эрозия тоталитарного режима не была непосредственно связана с уходом с политической сцены само-

го диктатора, она началась лишь после некоторого ослабления репрессивных институтов, а это произошло не сразу. Тем не менее, в воркутинских лагерях смерть диктатора вызвала рост сопротивления вплоть до забастовок и бунтов. В июле 1953 г. началась массовая забастовка на воркутинских шахтах, которая закончилась расстрелами ее участников. Но само это сопротивление, которое уже трудно было полностью погасить и которое нарастало не только в Воркуте, расшатывало как устои ГУЛАГа, так и сам режим в целом. Перемены были необходимы и они начались. Так в 1953 г. комбинат Воркутауголь был передан в ведение Министерства угольной промышленности, а в 1955 г. Совет Министров СССР принял постановление о переводе шахт комбината на вольнонаемную рабочую силу, но еще в декабре 1957 г. в Воркуте находилось свыше 42 тыс. заключенных. Окончательно процесс перевода шахт на использование труда наемных рабочих был завершен только в 1960 году. Примерно такими же медленными темпами происходило замещение

рабочей силы из числа заключенных на шахтах Инты, важнейших предприятиях Печоры, Ухты. Но даже после того, как процесс этот был в основном завершен, население северных городов Коми (которые получили этот статус в военные и послевоенные годы) состояло в основном из бывших лагерников, ссыльных и членов их семей, уехавших из центральных районов страны.

Другой группой тружеников, не по своей воле прибывших осваивать природные богатства Севера, стали так называемые спецпереселенцы. До рубежа 20–30-х гг. лесозаготовки носили сезонный характер и велись, в основном, зимой за счет привлечения к ним местных крестьян. В начале 1930-х гг. вместо использования временных сезонных рабочих и лесозаготовительных баз начинается формирование кадров постоянных рабочих и создание сети стационарных лесных поселков. В поселках создаются специализированные лесозаготовительные предприятия (леспромхозы) со своими производственными объектами (мастерскими и т.д.) и это по сущест-

ву означало, что в Коми стала развиваться новая отрасль хозяйства. Лесные поселки стали абсолютно новым типом сельских населенных пунктов в Коми, аналогов которым в данном регионе прежде не было. Строились они по единому типовому плану и существенно отличались характером застройки от традиционных сельских поселений – сел и деревень. Но самая главная их особенность состояла в том, что лесные поселки отличались от остальных сельских населенных пунктов составом своих жителей: значительную часть их населения составляли мигранты из других регионов страны.

Создание на территории республики лесозаготовительной отрасли как специализированной отрасли местной экономики совпало по времени с началом массовых репрессий против наиболее дееспособной части крестьянского населения страны – против так называемых кулаков. Началась их массовая высылка из мест прежнего проживания в северные районы страны и Сибирь. Значительное число репрессированных крестьян было высла-

но в Коми. Созданные в 1929 г. леспромхозы организационно были объединены в трест «Комилес». И уже 26 февраля 1930 г. трест «Комилес» заключил договор с Коми областным отделом ОГПУ «Об использовании 5000 кулацких семей на лесозаготовках». Контингент так называемых спецпереселенцев, к которым относились и раскулаченные крестьяне, увеличился очень быстро, и уже осенью 1930 г. спецпереселенцы составляли 19% населения Коми автономной области. Самое большое их количество было размещено в районах интенсивных лесозаготовок. В 1930–1931 гг. было создано 48 спецпоселков, при этом многие из них строились в местах, мало приспособленных для создания поселений. Производственное руководство поселками обеспечивал трест «Комилес», а административное – органы НКВД. В 1932 г. на лесозаготовках работали 5476 спецпереселенцев. Всего же в январе 1932 г. на территории Коми области находилось 39184 спецпереселенца.

К середине 1930-х годов число спецпоселков и численность спецпересе-

ленцев уменьшилась на территории республики вдвое (в основном из-за высокой смертности жителей спецпоселков), но с 1940 г. вновь начался рост численности спецпереселенцев. Начались массовые депортации населения из Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики, жертвы которых пополняли ряды работников лесной промышленности Коми и жителей спецпоселков (около 19 тыс. человек). В начале Великой Отечественной войны к ним прибавились трудармейцы (депортированные из Поволжья и других регионов российские немцы – 25 тыс.), а после войны – члены семей Организации украинских националистов (ОУН), «власовцы» и бывшие военнопленные, освобожденные из концлагерей на территории Германии и других стран Европы, которые оставались на территории республики до середины 1950-х годов. Основная их часть была направлена на лесозаготовки. В 1946–1948 гг. лесозаготовительные предприятия Комиполнились еще 6,5 тыс. спецпереселенцев. В северных районах Коми в лесозаготовках также принимало участие боль-

шое количество заключенных системы ГУЛАГ МВД СССР.

В лесных предприятиях Коми процесс перехода на использование труда вольнонаемных рабочих был осуществлен несколько ранее, чем это произошло в угольной, нефтяной отрасли и ряде связанных с ними производств, но, тем не менее, в лесных поселках значительную часть населения также составляли лица, чьи судьбы были непосредственно связаны с лагерным прошлым. Многие лагеря и спецпоселки к концу 1950-х гг. были ликвидированы, другая часть спецпоселков преобразована в лесные поселки или железнодорожные станции, административно подчиненные властям тех районов, на территории которых они размещались.

В результате первой волны миграции, подавляющую часть которой составляли спецпереселенцы и заключенные сталинских лагерей, т.е. лица, принудительно отправленные в Коми, существенно изменился этнический состав населения региона и уже в 1950-е годы коми превращаются в этническое меньшинство. При этом тот

факт, что местное население и мигранты составляли две совершенно различные социальные группы, имел важное значение в плане формирования системы отношений между ними.

Хотя местному населению категорически запрещалось вступать в контакты не только с заключенными лагерей, но и со спецпереселенцами, эти контакты все же имели место, а со временем и становились более интенсивными. За подобные контакты, особенно с немцами, следовали различные административные санкции, что формировало в массовом сознании аборигенного населения убеждения о потенциальной угрозе, которую несут для их благополучия жители спецпоселков и, тем более, заключенные лагерей. Это убеждение еще более усиливали факты воровства картофеля и других овощей с общественных огородов и огородов местных жителей, к которым вынуждены были прибегать спецпереселенцы, постоянно недоедавшие и испытывавшие дефицит продуктов питания. Столкновения с местными жителями на этой почве формировали своеобразный социальный

барьер между населением ГУЛАГа и местными жителями.

Культурному дистанцированию двух социальных групп друг от друга способствовало и то обстоятельство, что коми и остальная часть территориального сообщества республики имели разные «социальные паспорта». Коми в массе своей не испытали ужасов коллективизации, депортаций, массовых репрессий, а значительная часть иноязычного населения республики прошла через эти испытания. Заряд агрессии, который долгие годы сохранялся в сознании и настроениях бывших узников ГУЛАГа и спецпоселков, естественным образом выплескивался на свободную часть населения, на ту часть территориального сообщества, которая не была ограничена в гражданских правах.

Дополнительно осложняло эту ситуацию и то обстоятельство, что охрана многих лагерей набиралась из местных жителей, которые охотно поступали на эту службу, поскольку это освобождало от несения военной службы, а в годы войны – отправки на фронт. Так, если в 30-е гг. ВОХР

(гражданская военизированная охрана) комплектовался, в основном, из завербованных и командированных из центральных районов России и среди охранников, безусловно, преобладали русские и украинцы, то в годы второй мировой войны ситуация изменилась. В 1942 г. в военизированной охране Воркутинского лагеря, по сведениям Владимира Ильина, насчитывалось 496 русских, 975 коми, 162 украинца, 24 белоруса, 9 татар и т.д. Иными словами, большинство охраны состояло в Воркуте из коми, и такая же ситуация была во многих других лагерях на территории республики. Отношение к сотрудникам ВОХР среди заключенных было крайне негативным, поскольку те весьма часто допускали акты произвола в отношении последних.

Система ГУЛАГа не только сформировала поселенческую структуру республики, стала основой для ее экономики, но и способствовала тому, что в Коми сложилось разделенное сообщество, в котором местное и пришлое население не просто представляли собой две разные социальные группы,

но между ними сформировалась некая культурная дистанция. Не случайно в 1950-е годы в лексике пришлых жителей республики появился негативный определитель для коми – «комьяк», а местное население стало восприниматься как культурно отличное сообщество, хотя на протяжении нескольких столетий формировалось единое культурное пространство на европейском севере России, и частью этого пространства стала культура коми. Естественный процесс межкультурного взаимодействия на севере был нарушен советской тоталитарной системой, частью которой и стал ГУЛАГ, способствовавший разделению общества на новые противостоящие друг другу социальные страты. Система ГУЛАГА сформировала на территории республики параллельное сообщество, которое не могло воспринимать тех, кто исторически проживал на этой же территории как равных себе, не могло ощущать гражданскую солидарность с ним. Следствием этого стало то, что позднее в массовом сознании пришлого населения (значительная часть которого прямо была связана с

ГУЛАГом) укоренилась некая условная граница, которая делила местное сообщество на культурные анклав. В заполярной Воркуте, к примеру, о жителях республики говорили обычно так: «Русские живут до Ухты (второй по величине город, расположенный в центре территории республики), а дальше – одни комяки». При этом подразумевалось, что «русский север» – это развитая часть республики, а «коми юг» – его отсталая аграрная часть. В последующий период развития республики вместо преодоления культурной дистанции и процессов гражданской консолидации имели место процессы дальнейшей территориальной дифференциации населения и все более усиливающиеся процессы аккультурации и ассимиляции среди коми.

Социальные и культурные изменения 1960–1980-х годов

К началу 1960-х годов принципиально изменилась структура населения республики. Если в 1939 г. основная часть населения была сосре-

доточена в центральных и южных районах республики, а городское население составляло лишь 9,1% в общем составе населения, то уже в 1959 г. значительная часть населения была сосредоточена на севере, а доля городского населения возросла до 59,3%. Переход крупнейших отраслей экономики на использование вольнонаемного труда вместо труда заключенных вызвал определенные сложности в экономическом развитии и даже к оттоку населения за пределы республики. Но эти сложности были очень недолгими. Республика, как и другие северные регионы, где шло интенсивное освоение природных ресурсов, отличалась более высоким, чем в среднем по стране, уровнем оплаты труда и это обстоятельство привлекало на север многочисленных мигрантов. Масштабы промышленного строительства в 1960–1970-е гг. в Коми были очень значительны, ибо шло строительство шахт, освоение новых нефтяных и газовых месторождений, осуществлялось строительство предприятий лесопереработки, дорог, нефте- и газопроводов. Это требовало посто-

янного притока новых рабочих рук в промышленность, и население увеличивалось высокими темпами: в 1939 г. общая численность жителей республики составляла 320,3 тыс. человек, то в 1959 г. уже 815,8 тысяч, а в 1979 г. – 1118,4 тысячи человек. Своего максимума (1264,9 тыс. человек) население Коми достигло в 1990 г. Прирост населения в указанные годы на 60% обеспечивался за счет внешней миграции. Только теперь, в соответствии с установками официальной пропаганды, мигранты героизировались, ибо ряд крупных промышленных объектов на территории республики (Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, шахта Воргашорская в Воркуте, освоение газовых месторождений Вуктыла, строительство города нефтяников Усинска) были объявлены «комсомольскими ударными стройками», и приезжавшие на эти объекты со всех концов страны люди официальной пропагандой маркировались как участники великих созидательных дел – строек социализма. В массовом сознании и в фольклорной традиции работа на лесоповале, на

угольных шахтах Воркуты, на буровых и в геологических партиях также воспринималась как трудовой героизм и романтизировалась, хотя при этом Север одновременно справедливо воспринимался и как место ссылки. Это двоякое восприятие базировалось на реальном положении дел: на территории республики продолжали действовать многочисленные исправительно-трудовые учреждения (лагеря для нарушителей закона), на ударных стройках широко использовался труд заключенных и условно освобожденных, а многие бывшие узники ГУЛАГа и жители спецпоселков продолжали проживать в местах ссылки (так, немцы получили право возвращаться в места прежнего проживания только в 1971 г.).

За счет внешней миграции этническая структура населения продолжала стремительно меняться не в пользу титульного этнического сообщества: уже в 1959 г. доля коми в общем составе населения сократилась до 30,4%, в 1979 г. — до 25,3%, в 1989 г. — до 23,3% .

Таблица 1.
Национальный состав Республики Коми
по годам, %

Этническая группа	1959			1979			1989			2002		
	Все Нас.	город	село	Все Нас.	город	село	Все Нас.	город	село	Все Нас.	город	село
Коми	30,4	13,6	54,5	25,3	14,9	50,7	23,3	14,4	50,6	25,2	15,5	54,7
Русские	48,4	59,2	32,8	56,7	64,8	36,9	57,7	64,5	36,8	59,6	67,1	36,8
Украинцы	9,9	13,3	5,1	8,5	9,7	5,6	8,5	9,3	5,3	6,1	7,0	3,5
Другие	11,3	13,9	7,6	9,5	10,6	6,8	9,5	11,8	7,3	8,5	9,9	5,0

Одновременно с притоком внешних мигрантов с конца 1950-х годов резко возрастает отток коми населения из села в город, что приводит к значительному изменению социального состава коми. Среди коми населения республики в 1979 г. 23,3% занятого населения работали в промышленности, 20,7% – в строительстве, на транспорте и связи, 18,6% – в сельском хозяйстве. Но если сравнить эти показатели с русским населением республики, то разница будет очень существенной: среди русских республики в промышленности было занято 34,4% занятого населения (большая часть – горожане); строительстве, транспорте и связи – 26,6%; в сельском хозяйстве всего 1,1%. При этом, несмотря на интенсивную миграцию из села в город, коми все еще продол-

жали оставаться преимущественно сельским этносом, ибо более половины коми республики проживали в сельских поселениях. Общая доля коми в составе городского населения в 1979 г. составила 14,9%, но более половины всего городского коми населения было сосредоточено в столице республики Сыктывкаре, в остальных 9 городах их доля колебалась от 2 до 8%. Оставаясь преимущественно сельским этносом, коми отставали от доминантного большинства по уровню образования и по уровню доходов на душу населения.

Культурное и социальное лидерство доминантного большинства обеспечивали ему не только более прочные позиции в местном социуме, но и приводили к укреплению негативных стереотипов в отношении коми. Эти стереотипы усиливались еще более за счет исторической памяти тех, кто стал жителем республики в результате насильственной высылки из мест прежнего проживания или остался в республике после освобождения из сталинских лагерей. В северных городах республики в 1960–1970-е годы

местные коми, по их собственным воспоминаниям, даже боялись говорить на родном языке.

Помимо негативных стереотипов, безусловно, оказывали влияния и демографические пропорции, которые складывались не в пользу титульного этнического сообщества, а также интенсивный характер межэтнического взаимодействия между различными этническими группами населения, прежде всего, между коми и русскими. Обе эти группы не отличались друг от друга ни в расовом, ни в культурном отношении, ибо принадлежали к восточно-православному типу культуры, а совместное проживание и совместный труд на предприятиях и учреждениях, особенно в городах, делали тесное межэтническое взаимодействие неизбежным. А поскольку среди мигрантов на территории республики преобладали молодые незамужние мужчины, постольку значительная их часть находила себе брачных партнерш именно в республике и именно среди коми женщин. Не случайно, к началу 1980-х гг. около половины браков с участием коми

представляли собой межэтнические браки, а общее количество семей, где брачные партнеры являлись представителями разных народов к концу 1980-х гг. превышала треть от общего состава семей: из каждой 1000 семей 377 являлись межэтническими. Поскольку культурное лидерство обеспечили себе русские, постольку дети из таких семей в большинстве своем считали себя русскими, не знали коми языка и не ориентировались на культурные ценности титульного населения.

На этническую ситуацию оказывали влияние не только демографические пропорции населения и культурные стереотипы, но и культурно-образовательная политика. Реформа школы 1958 г. предоставила родителям учеников право самим выбирать язык обучения для своих детей. Эта реформа спровоцировала массовый отказ от обучения на коми языке и резкое сокращение числа учащихся, изучающий коми язык. Более того, к середине 1970-х гг. школы с обучением на коми языке исчезли, и язык стали преподавать как предмет, но

только в части сельских школ республики.

Дело в том, что в указанные годы значительная часть учеников школ и их родителей были ориентированы на то, чтобы дети продолжили обучение в вузах, а для обучения в высшей школе требовалось хорошее знание русского языка и потому «русские школы» в массовом сознании населения считались более престижными, а, кроме того, сложилось устойчивое убеждение, что качество обучения в них выше. Дополнительным стимулом к переводу школ на русский язык обучения явилось то обстоятельство, что уже к началу 1960-х гг. в бывшем СССР сложился глобальный информационный рынок (кино, телевидение, радио, пресса), который был почти полностью русскоязычен. На периферии этого рынка, конечно, существовали издания на языках народов СССР, но они были малотиражны и, как правило, малоинформативны, а потому проигрывали конкуренцию русскоязычным изданиям. При этом само количество газет и журналов, книг на коми языке в 1960–1980-е гг.

также значительно сократилось. Так, если в 1946–1955 гг. среднегодовое число книг, издаваемых на коми языке равнялось 61 единице, то в 1986–1993 гг. – 26.

Важное значение в формировании культурной среды республики играли еще несколько обстоятельств. Первое связано со сложившейся в указанные годы хозяйственной специализацией различных регионов республики и характером их связей с республиканским центром. В ходе промышленного освоения территория республики разделилась на индустриальный север (угледобыча, нефтепромыслы), индустриально-аграрный центр (лесная и целлюлозно-бумажная промышленность, газодобыча, сельское хозяйство) и аграрный юг (лесная промышленность и сельское хозяйство). При этом крупнейшие предприятия севера и центра республики подчинялись непосредственно не республиканским министерствам, а союзным, т.е. Москве. Через федеральный центр шло финансирование основных отраслей экономики, и там же принимались все стратегические решения. Местное ру-

ководство не имело никакого влияния на развитие базовых отраслей экономики и решало только вопросы, связанные с культурной, образовательной сферой и развитием сельского хозяйства.

Такое положение дел находило отражение в характере идентификации местных жителей. Население промышленного севера, который не был интегрирован в местную экономику, практически не идентифицировало себя с республикой. В северных городах почти не читали республиканских газет, не смотрели программы местного телевидения, а главный интерес представляли локальные события и проблемы. Более того, местная идентичность была ярко выраженной и полностью замещала собой региональную. Не случайно в Воркуте появился шуточный лозунг «Воркута – столица мира». Ярко выраженная местная идентичность и высокая степень местной солидарности стали той социальной базой, которая позволила воркутинским и интинским шахтерам стать лидерами рабочего движения в России в годы горбачевской пере-

стройки и раннего ельцинского режима. При этом какой-то общей региональной идентичности не возникло.

Поскольку в миграции в Коми главную роль играл трудовой мотив, как показали данные специальных исследований, постольку укоренения мигрантов на территории республики не происходило, и значительная их часть через некоторое время вновь покидала пределы республики. Так, в 1980–1992 гг. в республику прибыло 975,2 тыс. человек, а выехало за этот же период за пределы республики 952,3 тыс. человек. Высокая миграционная подвижность населения, которая была характерна для второго этапа формирования населения республики, не создавала условий для формирования прочного территориального сообщества, объединенного гражданской солидарностью и общими идеалами. Такая ситуация способствовала ослаблению связей внутри территориального сообщества, воспроизводству в массовом сознании предубеждений против местного населения, усилению ассимиляционного давления на него.

Ассимиляционные процессы наибо-

лее интенсивно протекали в городах и очевидным свидетельством интенсивного характера этих процессов может служить рост доли межэтнических браков и языковая ассимиляция. Уже в 1936 г. 17% всех браков, заключаемых в Коми, были браками между представителями разных этнических групп. К концу 1950-х гг. таких браков было более 40%, а затем эта доля возросла до почти половины всех ежегодно заключаемых брачных союзов. Среди коми эта доля также была велика: в сельской местности в середине 1980-х гг. треть всех браков с участием коми были межэтническими, а в городе они составляли почти 65%. Одновременно происходило усиление роли русского языка как в общественной сфере, так и в сфере домашнего общения. По данным массового опроса 1987–1988 гг., среди коми горожан предпочитают пользоваться родным языком в разговоре только 16,1% респондентов. Однако интенсивная миграция сельских коми в города в 1970–1980-е гг. еще позволяла сдерживать ассимиляционные процессы, но позднее они стали очевидны.

Таким образом, не местное население интегрировало мигрантов в свое сообщество, а мигрантское большинство довольно интенсивно ассимилировало местных жителей.

Современный этап этнодемографического и социального развития Коми

Существенные перемены в социальном развитии республики начались с конца 1980-х гг. Глубокие политические и экономические изменения в стране не могли не отразиться на характере развития северных регионов Российской Федерации. В условиях перехода к рыночным методам хозяйствования оказалось, что многие производства на севере неконкурентноспособны, транспортные издержки и стоимость рабочей силы слишком велики, потребность в продукции, производимой местными производителями, на внутреннем рынке мала, а на внешних она не пользуется спросом. Изменение условий хозяйствования потребовали масштабной реструктуризации угольной промышленности

страны, и по рекомендации Международного валютного фонда значительная часть шахт должна была быть закрыта. В Воркуте закрывалось более половины шахт, а в Инте – две трети. Одновременно в 1990-е гг. произошло резкое снижение цен на нефть, и в нефтяной промышленности республики начался глубокий спад. А основу экономики Коми составляли угольная, нефтяная и лесная отрасли. Положение дел во всех трех оказалось очень сложным. По сравнению с концом 1980-х годов объемы производства в угольной отрасли во второй половине 1990-х гг. сократились вдвое, в нефтяной промышленности – в четыре раза, объемы лесозаготовок упали в пять раз, резко сократилось аграрное производство в целом.

Нарастание экономических сложностей, процессы реструктуризации привели к снижению жизненного уровня населения, и север перестал быть экономически привлекательным для мигрантов. Из всех северных регионов России, в том числе и из Республики Коми, начался массовый исход населения.

С 1987 г. миграционный отток населения за пределы республики стабильно превышает приток мигрантов. В результате население республики неуклонно сокращается, и на 1 декабря 2005 г. его численность составила 986,0 тыс. человек. По прогнозам статистиков, в 2000–2015 гг. численность населения республики предположительно уменьшится на 150 тыс. человек или на 13%. Снижение численности населения на 59% будет обусловлено миграционным оттоком и на 41% – естественной убылью. Уровень миграционной убыли населения остается стабильно высоким. При этом в сокращении населения республики внешняя миграция продолжает играть решающую роль, и «вес» этого фактора увеличивается. Доля миграционной убыли в общей убыли населения составляет 60% и даже более.

Таблица 2

Миграционные потоки населения, человек*

	1990	1995	2000	2001	2003	2006
Прибыло	66165	38338	20845	18826	16729	12776
Выбыло	69002	50429	27630	24100	23142	19154

* Составлено на основе данных текущей статистики.

С 1990 г. уровень рождаемости в Республике Коми неуклонно сокращается, но уже с 1988 г. он не обеспечивает простого воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости составил 2,03 в 1988 г. и 1,34 – в 2000 году. За последние 30 лет самый высокий уровень рождаемости был отмечен в 1985 г. – 19,2 рождений на 1000 населения. В 2001 г. данный показатель составил 9,2, что было выше уровня двух предыдущих лет, но ниже докризисного 1990 г. (13,4). В 2002, 2003 и в 2004 гг. наблюдался дальнейший рост уровня рождаемости (10,1; 10,5 и 11,5 рождений на 1000 населения).

Уровень рождаемости падает повсеместно, но важно, что на селе он с 1996 г. стал ниже, нежели в городе, а именно в сельской местности проживает половина коми. Если прежде уровень плодovitости коми женщин превышал среднереспубликанские показатели, то теперь он сравнялся с показателями других этнических групп. В то же время смертность на селе существенно выше, чем в городе, и превышает среднереспубликанские пока-

затели в 1,1–1,3 раза. То же самое имеет место и в большинстве других регионов, где проживают финно-угры.

Демографическая ситуация усугубляется еще и тем, что с 1993 г. смертность населения стабильно превышает рождаемость, и процессы депопуляции не удастся остановить до сих пор.

Однако важно заметить, что массовая миграция населения за пределы республики практически не влияет на положение коми, на общую направленность этнодемографических процессов. И особенно очевидно это можно показать на примере коми городского населения. Серьезного внимания политиков требует, к примеру, такой выявленный переписью 2002 г. феномен как деурбанизация. Если в 1930–50-е гг. среди коми наблюдался ускоренный прирост горожан, а в последующие десятилетия вплоть до конца 1980-х г. их доля плавно повышалась (в 1970 г. городские коми составляли 33,1% от их общей численности в республике, в 1979 г. – 41,7%, в 1989 г. – 46,8%), то в 2002 г. рост прекратился или даже пошел на

снижение (46,2%). Объясняется это тем, что параллельно процессам урбанизации именно в городской среде развивалась ассимиляция, которая со временем стала опережать объемы механического притока из села. Как результат – заметное снижение численности коми-горожан: с 136,4 тыс. до 118,6 тыс. (на 13%). В отличие от остального городского населения, коми меньше переселяются за пределы республики. Следовательно, основные причины сокращения численности коми-горожан – это отсутствие естественного прироста и ассимиляция. Данное явление весьма характерно для других финно-угров. Среди мордвы доля горожан понизилась за межпереписной период с 52,2% до 49,2%, удмуртов с 48,1% до 46,6%, карел с 61,2% до 55,9%.

Урбанизированные этнические группы сегодня имеют небольшой ресурс пополнения за счет сельских мигрантов, и к тому же в их среде более значительны «потери» от ассимиляции в условиях городского образа жизни. Сельская же часть коми численно более стабильна на протя-

жении многих десятилетий, и ее доля за период с 1970 по 2002 гг. практически неизменно составляла половину сельского населения республики.

Важно отметить, что почти одновременно с процессами деиндустриализации республики и процессами депопуляции начался процесс так называемого «национального возрождения», который был связан с формированием коми этнонационального движения, политизацией этничности и в связи с этим резким возрастанием значения этнического фактора в политике, социальной и культурной жизни республики. Очевидно, что процессы аккультурации и ассимиляции, которые интенсивно протекали в предшествующие десятилетия на территории республики, по разному воспринимались и коми населением в целом, и этнической элитой коми. Часть элиты не видела в указанных выше процессах никакой угрозы, а другая воспринимала ослабление культурных позиций этнического сообщества как навязывание культурных стандартов доминантным большинством этническому меньшинству,

угрозу для сохранения культурного своеобразия коми и не готова была принять интеграционную модель развития сообщества. Однако возможности заявить о своей позиции появились только в эпоху горбачевской «перестройки», когда тоталитарный контроль над обществом ослаб, реальностью стали политические свободы, появились возможности для политической конкуренции. Тогда и стали возникать этнополитические организации, которые провозглашали своей основной целью политическую защиту интересов титульных этносов.

В Коми первая такая организация «Коми войтыр» возникла в конце 1989 г., а в начале 1991 г. по ее инициативе был проведен I съезд коми народа, на котором были сформулированы цели и задачи движения, ключевые положения идеологии коми этнонационального движения, был принят его устав. В одной из резолюций съезда указывалось: «Съезд коми народа считает, что руководящие органы республики должны обеспечить и гарантировать сохранение национальной самобытности коми, его языка

как организатора нации и носителя культуры». Ключевую роль в коми движении стал после съезда играть «Комитет возрождения коми народа», являющийся исполнительным органом съезда коми народа. Активная позиция лидеров Комитета позволила наладить конструктивные отношения с республиканскими властями и начать реализацию ряда мер, направленных на укрепление культурных позиций коми. Уже в 1992 г. был принят Закон о государственных языках, который повышал статус коми языка: русский и коми язык на территории республики были объявлены государственными. Закон не остался сугубо политической декларацией, а стал основой для дальнейшего культурного строительства. Была разработана и принята программа развития коми языка как государственного, которая предполагала расширение сферы применения коми языка, последовательную работу по его нормированию, внедрение преподавания коми языка во всех школах республики. Официальные документы стали публиковаться в связи с этим на

двух языках, названия улиц и учреждений также были повсеместно указаны на двух языках, много внимания стало уделяться подготовке словарей коми языка и учебников для школ. Для поддержки культурных инициатив в сфере развития коми культуры был создан республиканский финно-угорский культурный центр, преобразованный затем в федеральный, стали проводиться фольклорные и театральные фестивали и множество других культурных мероприятий. Значительное внимание стало уделяться пропаганде истории края, языка и культуры коми.

Само коми движение получило не только официальную поддержку, но и окрепло организационно: отделения Комитета возрождения были созданы во всех городах и районах республики, съезды и конференции коми народа стали проводиться регулярно, и это привело к тому, что коми движение стало своеобразным лидером среди аналогичных движений, представляющих интересы других финно-угорских народов России. Причем лидирующие позиции коми движения оп-

ределились довольно рано: в 1992 г. по инициативе движения и при активной поддержке республиканских властей в столице республики Сыктывкаре был проведен первый Всемирный конгресс финно-угорских народов, на котором был создан консультативный комитет финно-угорских народов, штаб-квартира которого размещается в Финляндии. Председателем Консультативного комитета стал лидер коми движения Валерий Марков, который затем еще на трех конгрессах переизбирался на эту должность. Идея конгресса заключалась в том, чтобы с помощью расширения международных связей активисты этнополитических организаций смогли расширить группу солидарности, усилить свой политический ресурс. Кроме того, кооперация усилий общественных организаций и государственных органов позволяла создавать новые возможности для культурного и социального прогресса финно-угорских народов России. Подъем этнонационального движения и активные усилия по расширению возможностей для культурного развития коми в лек-

сике активистов этнонациональных организаций определялись как процесс «национального возрождения».

Разумеется, в 1990-е гг. самыми актуальными для жителей республики, как и для населения страны в целом, были не проблемы культурного развития, а социально-экономические проблемы, которые вели к спаду производства, росту безработицы, резкому снижению жизненного уровня населения и к процессам депопуляции. Это оказало свое влияние на различный уровень поддержки и популярности этнонационального движения в разных социальных, возрастных и территориальных группах населения.

Наиболее очевидно проблемы социально-демографического развития коми отразились на семейно-брачных отношениях. Общий процесс развития семейно-брачных отношений в последние десятилетия XX в. можно охарактеризовать как процесс нарастающего кризиса семьи. Этот кризис выразился в том, что семьи становятся все малолюдней, ценность брака снижается, семья не способна оказывать

реальную экономическую поддержку своим членам, отношения внутри брачных союзов становятся менее стабильными.

Нарастание этого кризиса происходило постепенно, о чем свидетельствует рост разводимости. В 1949 г. в Коми республике показатель разводимости составлял 0,3 развода на 1000 жителей, в 1979 г. он равнялся уже 4,8 разводам, что было выше средних показателей по стране. При этом уровень разводимости в городах составлял 5,9 разводов на 1000 населения, а на селе – 2,4. В самых северных городах, где население было менее стабильным и более молодым, чем в среднем по республике, уровень разводимости был самым высоким. В 1986 г. уровень разводимости в Сыктывкаре составлял 4,2 развода на 1000 жителей, в Ухте – 5,7, в Инте – 6,3, в Воркуте – 8,4. В последующие годы уровень разводимости продолжал повышаться и в 1990 г. достиг 9,0 на 1000 населения. На рубеже 1990–2000-х гг. годы уровень разводимости несколько понизился, но и уровень брачности продолжал снижаться.

Если рассматривать разводимость в этническом разрезе, то мы можем сравнивать лишь стабильность моноэтнических браков. В 1959 г. уровень разводимости среди городских коми семей был в 2,5 раза ниже, чем среди русских городских семей и почти в четыре раза ниже, чем в целом по городскому населению республики. К 1970 г. эта разница возросла еще более: в моноэтнических коми семьях разводы случались в четыре раза реже, чем в моноэтнических русских и в пять раз реже, чем в целом по городским семьям. К концу 1970-х гг. эта разница сократилась, но оставалась все еще значительной. В последующие годы эта разница продолжала снижаться, хотя в целом в силу того, что коми продолжали оставаться сельским этносом, прочность семьи у них оставалась выше, чем у населения республики в целом.

Особо следует отметить тот факт, что во всех этнических группах стало устойчивым отношение к семейному союзу как к проблемному социальному институту. Весьма показательным свидетельством тому стали материа-

лы опросов населения, проведенных демографами Коми в 1989 и 1996 годах. Характерно, что данные, полученные в результате социологического опроса 1996 г., во многом созвучны с материалами опроса, проведенного в 1989 г. в Ижемском районе Республики Коми, где доля коми превышала 80%. Ответы на вопрос: «Почему некоторые семьи не хотят иметь много детей?» распределились в 1989 г. следующим образом: «трудности материального порядка, так как содержание детей с каждым годом становится дороже» – 53,7%, «плохие жилищно-бытовые условия» – 31,0%; «трудности ухода за детьми» и стало слабее здоровье женщин» по 17,2%. Каждая двенадцатая респондентка указала «на непрочность современного брака». Если в 1989 г. причина, связанная с прочностью брака, занимала 5-е место, то в 1996 г. – уже третье».

При этом все более проблемный характер приобретают взаимоотношения между детьми и родителями, в том числе и в сельских коми семьях. Результаты специального исследования,

в котором анализировались отношения между родителями и детьми, показали, что только 6,8% не имеют трудностей с воспитанием детей. Само количество так называемых «неблагополучных семей» как в городе, так и на селе является довольно значительным, что связано с социально-экономическими проблемами, которые переживает российская периферия и, в первую очередь, сельское население. В Республике Коми аграрные предприятия в годы реформ 1990-х гг. почти повсеместно оказались банкротами, серьезный спад произошел в лесозаготовках и целый ряд лесозаготовительных предприятий также разорились и были ликвидированы. Это привело к тому, что уровень официальной и скрытой безработицы на селе оказался крайне высок, а доходы населения чрезвычайно низкими. Хронический кризис аграрного производства и лесного комплекса не был преодолен ни к концу 1990-х гг., ни позднее, и это непосредственно отразилось на институте семьи. Семья на селе вновь стала приобретать значение основной экономической единицы, ибо

сельские жители перешли на натуральное хозяйство и в значительной степени обеспечивали свое существование и доходы за счет личного подсобного хозяйства и сбора и сдачи перекупщикам грибов и ягод. Опрос населения Коми, проведенный в 2004 г., подтвердил, что значимость личных хозяйств существенно возросла. Стоит заметить, что в 1970–1980-е гг. в Коми во многих селах и деревнях практически не держали в приусадебных хозяйствах скота, а многие потребности в продуктах питания удовлетворяли за счет приобретения товаров в магазинах.

Более того, в последние годы существенно возросла и роль родственной взаимопомощи, которая стала одной из важных форм самоорганизации сельского населения. В 1990-е годы наиболее активная часть населения активно расширяла производство в личных хозяйствах. Однако проблемы со сбытом продукции личных подсобных хозяйств и высокие издержки приводят к тому, что в последние несколько лет вновь наметилось снижение объемов производства

на сельских подворьях, т.е. аграрный кризис приобретает новые формы.

Много сельских семей, которые так и не адаптировались к новым рыночным условиям, вынуждены перебиваться небольшими случайными заработками или жить за счет пенсий, которые получают престарелые родители. Социальная апатия приводит к пьянству, росту суицида, ранним смертям, особенно среди мужского населения. Поэтому демографы говорят о сверхсмертности мужчин на селе, ибо более половины мужчин умирают в трудоспособном возрасте.

Семьи, в которых родители не трудоустроены и не пытаются изменить жизнь к лучшему, очевидно, деградируют, а дети в них не только не получают должной заботы, но и переходят в разряд неблагополучных. Эти дети, как правило, не имеют возможности для полноценных занятий в школе, с первых классов начинают курить, а затем и приобщаться к спиртному, и большинство из них не имеет социальной перспективы.

Кризис семьи ведет к снижению рождаемости и к девальвации ин-

ститута семьи и материнства. Желаемое число детей в семье снижается. Государственный комитет статистики РК в июле-августе 2001 г. провел исследование репродуктивного поведения женщин во всех муниципальных образованиях республики. Репродуктивные планы опрошенных характеризовались следующими установками: среди женщин, имеющих двух детей, 93% не планировали рождение третьего, из имевших одного ребенка, 51% не намерены были рожать второго. Каждая десятая бездетная женщина не планировала обзаводиться детьми. Репродуктивное поведение большинства женщин направлено на сознательное ограничение числа детей в семье. При этом репродуктивные установки коми женщин сегодня не отличаются от репродуктивных установок женщин, представляющих другие этнические группы населения, но в 1992–1997 гг. рождаемость среди женщин коми была выше, чем среди женщин из других этнических групп, и удельный вес детей, родившихся у матерей коми, ежегодно составляет

более четверти от общей численности родившихся.

В республике в последние годы наблюдалась устойчивая тенденция роста внебрачной рождаемости. Среди женщин, родивших вне брака, значительно возросла доля рожениц молодого возраста, особенно 20–24-летних. В 2000 г. вне брака родилось 38% от общего числа родившихся, в 2001 г. – 39%. С 2000 по 2003 год число внебрачных рождений у сельских женщин выросло с 37,3% до 51,0%, а у городских с 34,5% до 46,8%. При этом в ряде сельских районов с доминированием коми населения доля внебрачных рождений достигает 60%.

Высокая доля внебрачных рождений на селе, которая фиксируется все последние годы, связана с тем, что ныне там практически не устраивают свадеб (это очень редкое явление), и молодые люди просто съезжаются и живут друг с другом гражданским браком. Для проведения дорогостоящих свадебных торжеств у родителей молодых просто нет денег, а падение престижа института брака ведет к тому, что наиболее приемлемой его

формой стал гражданский брак. Таким образом, можно сказать, что хотя коми семья является более прочной по сравнению с семейными союзами у других этнических групп населения, но сами семейные союзы у коми носят все чаще неформальный характер.

Массовый отток населения из республики привел к тому, что в составе населения несколько возросла доля коми (с 23,3 до 25%), но абсолютная численность коми существенно сократилась, что было связано как с процессами ассимиляции, так и с кризисом семьи, о котором говорилось выше. Общая численность коми, проживающих на территории республики, снизилась с 291542 в 1989 году до 256464 – в 2002 году (в России в целом с 336 тыс. чел. до 293 тыс. чел.). При этом наиболее показательно то, что доля коми горожан в целом по Коми сократилась незначительно, а в столице республики, несмотря на продолжающуюся миграцию из села, стала меньше на целых 3%, хотя здесь она всегда была высока, а еще в первой половине XX в. коми доминировали в населении Сыктывкара.

Если в целом оценивать этнодемографическое и этнокультурное развитие коми в последние полтора десятилетия, то можно сделать некоторые важные, но неутешительные выводы. Процессы этнической эрозии среди коми, несмотря на принятый правительством комплекс мер по поддержке коми культуры и, несмотря на деятельность коми движения, не остановлены. Опрос учащейся молодежи, проведенный в Коми в 1997 г. показал, что среди городской молодежи, у которой оба родителя коми, пятая часть называет себя русскими, молодежь не знает коми языка и не стремится овладеть им. Последующие исследования подтвердили, что ориентации молодежи не меняются, и она однозначно ориентирована на интеграцию в доминантное большинство. Стремление к интеграции объясняется как демографическими пропорциями населения, так и разными социальными статусами групп, определяющимися культурными стереотипами.

Результаты специального исследования, проведенного среди молодежи республики, показали, что у 33% рус-

ских испытуемых сохраняется негативный образ «типичного коми». Обращает внимание и выборка подростков коми, у которых обнаружено негативное эмоциональное отношение к представителям своей этнической группы, выявлено стремление соответствовать образу «типичного русского». Русская молодёжь характеризуется активным самовыражением и самопрезетацией, благоприятным самовосприятием и высокой степенью самоуважением, в отличие от них выборка коми молодёжи – негативным подходом в системе самоотношения.

Негативные установки и восприятие своей группы как социальных аутсайдеров являются, во-первых, неким «культурным наследием» гулаговского прошлого республики, когда в отношениях между разными этническими группами возникло некоторое отчуждение, во-вторых, следствием разной социальной структуры коми и доминантного большинства населения. Во многих культурах сельских жителей воспринимают как более консервативных и менее образованных членов сообщества. То же самое имеет

место и в Коми, где горожанами являются в основном русские и представители других этнических групп, а большинство коми проживает на селе.

Тревожит неравенство основных этнических групп, проявляющееся при сравнении образовательного уровня представителей этих групп, в первую очередь, сравнение доли лиц с высшим образованием. Среди коми в возрасте 15 лет и старше, проживающих в республике, по данным переписи 2002 года, имеют высшее и незаконченное высшее образование 11,6% (среди русских – 15,8%), имеют среднее образование 28,8% (среди русских – 32,4%). При этом наметилась опасная тенденция. Отставания коми от других финно-угорских народов по уровню образования, ибо темпы роста образовательного уровня у коми одни из самых низких в сравнении с другими финно-уграми (чуть ниже только у карел). Принципиально важно, что значительная часть коми получает образование в сельских школах, а уровень преподавания там, к сожалению, невысок. Это особенно очевидно проявляется при поступлении сельских

коми ребят в высшие учебные заведения. Такая ситуация создает условия для прогрессирующего отставания коми в образовательной сфере и, очевидно, что систему сельского образования необходимо совершенствовать.

При этом экономическое положение коми более сложное, нежели у доминантного большинства, ибо половина коми республики продолжает проживать на селе, а село, как уже говорилось выше, переживает глубокий аграрный кризис, который вместе с кризисом в лесной отрасли отражается на жизненном уровне коми населения. Не случайно, что уровень смертности среди коми более высокий, чем среди русских, а с 1996 г. и уровень рождаемости не превышает аналогичного показателя у остального населения республики.

Сложные социально-экономические проблемы, которые переживает Коми в целом, и особенно ее аграрное население, оказали существенное воздействие на развитие коми этнонационального движения и на культурные процессы внутри самого коми народа.

Значимым явлением, которое зафиксировала перепись – 2002, стала этническая «фрагментация» – возрождение старых этнонимов, стремление людей, по выражению Б.Андерсона, к «переопределению» категорий идентичности. Этот процесс характерен не только для коми, но и для других финно-угров – удмуртов, мордвы, марийцев.

Среди коми этнографические группы различались еще в первой половине XX в., но процессы этнической консолидации к последней четверти столетия были в значительной степени завершены, и это проявилось в укреплении общеэтнического самосознания. Затем последовал своего рода кризис общей этнической идентичности. Созданное в 1989 г. коми национальное движение, уже к началу 1990-х стало заметной политической и идеологической силой, о чем мы писали выше. Принятые в эти годы республиканские законы, в т.ч. закон «О статусе съезда коми народа», оказали существенное влияние на общественность, и это нашло отражение сначала в росте символической цен-

ности общенациональной идентификации коми, а затем в активизации местных этнополитических организаций коми, созданных с учетом сохраняющейся исторической памяти о прежних этнографических группах. Эти организации все активнее стали выступать не только как самостоятельные политические акторы, но и предприняли попытки по-новому культурно позиционировать некоторые локальные группы коми. Последнее было вызвано комплексом причин, среди которых немаловажную роль сыграло кризисное положение сельской экономики, потребность ускоренно решать местные проблемы, оказывать более заметное воздействие на власти с целью их разрешения. К тому же население сельских районов оказалось слабо интегрированным в общереспубликанскую жизнь. Превалирование местных интересов над республиканскими и общенациональными усилило осознание себя локальными сообществами, стимулировало возврат к старым этническим самоназваниям, к приданию им нового символического смысла.

Возникшие в начале 1990-х гг. региональные этнонациональные организации коми народа, именовавшие себя по названиям прежних этнографических групп, поначалу действовали как подразделения общереспубликанского движения. Но со второй половины десятилетия эти организации, занимаясь поиском собственных идеологических ориентиров, стали самостоятельными. Родилась идея возврата к этнографическим группам коми, идея превратить старые этнонимы в «юридическую реальность», добившись законодательного признания за этнографическими группами государственного статуса коренных малочисленных народов.

Накануне переписи населения 2002 г. инициаторы возрождения этнографической группы коми – удорцев заговорили о том, что необходимо вернуть исторический этноним «удораса». Но большого успеха призывы местных сторонников «переопределения идентичности» среди населения Удорского района не нашли.

Наиболее решительно действовали активисты ассоциации «Изьватас»,

которая представляет коми-ижемцев. Диалектные отличия от других коми, особенности в хозяйственном и культурном плане, территориальная изолированность действительно позволяют видеть в ижемцах отдельную субэтническую группу. Отделения ассоциации «Изьватас» существуют не только в РК, но и в Ненецком округе, в Мурманской области и Ямало-Ненецком округе. Именно активисты из числа кольских коми (из села Ловозеро) выступили накануне переписи 2002 с воззванием отвечать на вопрос переписи: «коми-ижемец» или «изьватас». После переписи власти Ижемского района РК заявили о поддержке идеи получения ижемцами официального статуса коренного малочисленного народа. Призыв активистов возымел успех, ибо в ходе переписи более 16 тыс. чел. назвали себя коми-ижемцами, и среди них были не только жители села, но и горожане (1,5 тыс.). Наибольший успех достигнут в Ижемском районе Коми и среди представителей кольской группы коми. В Ижемском районе, где население составляет 21,5 тыс. чел. (коми – это

90% жителей), коми-ижемцами называли себя 11,4 тыс., всего в РК – 12,7 тыс. А на Нижней Оби и в Ненецком округе призыв остался незамеченным – в НАО только один человек в ходе переписи назвал себя ижемцем. После переписи в 2003 г. состоялся 5 съезд ассоциации «Изьватас», во время которого была подтверждена цель организации – добиваться от федеральных властей включения в перечень коренных малочисленных народов. В 2004 г. ассоциация стала полноправным членом такой влиятельной общественной организации, как Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Существует и особая проблема уровня политического представительства коми в республиканских политических институтах. Изменение принципа формирования властей, которое произошло в начале 1990-х гг., привело к существенному снижению доли коми во властных структурах, о чем можно судить по доле коми депутатов в составе регионального парламента: уже в первом составе Государствен-

ного Совета РК, выборы в который состоялись в 1995 г., доля коми снизилась до трети депутатов (14 из 50), а затем стала еще меньшей и несопоставимой с долей коми в общем составе населения.

Таблица 3.

Состав депутатского корпуса Республики Коми по годам

	1938	1971	1980	2003-2007
Всего депутатов	79	156	180	30
Рабочие	4 (5,1%)	46 (29,5%)	90 (50%)	- (0,0%)
Колхозники/работники и аграрной сферы	5 (6,3%)	15 (9,6%)	- (0,0%)	- (0,0%)
В возрасте до 30 лет	19 (24,0%)	20 (12,8%)	35 (19,4%)	- (0,0%)
Женщины	19 (24,0%)	48 (30,7%)	59 (32,8%)	5 (16,7%)
Представители титularyного этноса (коми)	60 (76,0%)	68 (43,6%)	80 (44,4%)	4 (13,3%)
Представители правящей партии (КПСС и «Единой России»)	64 (81%)	102 (65,4%)	116 (64,4%)	15 (50%)

Обобщая все вышесказанное, можно сделать несколько важных замечаний. В демографическом и культурном развитии коми сегодня очевидны проблемы. При этом потенциально как для демографического, так и для культурного развития коми имеются достаточно благоприятные условия. Демографический потенциал коми довольно значителен, и не случайно в

период между первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и последней переписью населения СССР 1989 г. их численность выросла на 224% – такого роста численности не было ни у одного другого народа России. Основная часть этнического сообщества (87%) проживает на территории своего автономного образования, и такой низкой доли «диаспоризации» также нет ни у одного другого финно-угорского народа РФ. Более того, этнолокальные группы за пределами основной этнической территории коми сохраняют высокую стабильность: это касается группы коми на Кольском полуострове, на Нижней Оби и коми, проживающих в Ненецком автономном округе. Общие демографические характеристики коми по сравнению с другими родственными народами выглядят вполне удовлетворительно. Половина коми в РК проживает в сельской местности и расселена компактными группами или анклавами, в которых имеются благоприятные условия для сохранения этничности и где коми культура доминирует.

Сохранение этничности городских коми является проблемным, ибо интенсивные межэтнические контакты и полное доминирование в городских условиях иноэтничного населения и надэтнических ценностей ведет к этнической эрозии городских групп коми населения. Очевидно, что медленное «размывание» этих групп будет продолжаться, ибо процессы культурной унификации являются сегодня доминирующими повсюду в мире, и этничность по мере усиления общегражданской российской идентичности будет вытесняться на периферию массового сознания.

Что касается проблемы этнической фрагментации, которая, очевидно, проявилась в последние годы и дает о себе знать не только у коми, то трудно сказать, как далее будет развиваться этот процесс, но поскольку он приобрел значительные масштабы и затронул не только коми и не только миноритарные этнические сообщества, но и доминантные этнические группы (русских, татар), постольку, скорее всего, этническая фрагментация становится долговременным процессом.

Некоторые исследователи даже полагают, что процесс регионализации, который набирает силу в Западной Европе, затронул и Россию, а потому усиление региональных идентичностей, в том числе и основанных на этничности, неминуемо.

Наиболее очевидно процесс смены культурных ориентиров проявляется в сознании коми молодежи, и именно она более всего ориентирована на смену этнического самосознания. Связывать это явление только с ассимиляционными процессами вряд ли возможно. Поскольку в современной России еще очень слаба гражданская идентичность, постольку отказ от этнической идентификации часто воспринимается как ассимиляция, хотя на деле таковым это явление назвать нельзя. Для части граждан наиболее актуальным, а нередко и единственно приемлемым является отождествление себя не с отдельной культурной группой, а с гражданским сообществом в целом. Но пока в массовом сознании не закрепились традиция называть себя «россиянин», а потому отказавшиеся от идентификации с

малой культурной группой люди условно приписывают себя к доминирующей культурной группе, идентичность которую отчасти рассматривают как общероссийскую идентичность. Необходимо усиливать процессы культурной интеграции внутри этнического сообщества и позитивную значимость этничности, предлагать новые культурные символы, выдвигать лидеров, способных повести за собой молодежь.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Азаров О. По тундре, по железной дороге // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых репрессий. Т.2. Сыктывкар, 1999.

Антропология коми. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005.

Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997.

Атлас Республики Коми. М.: ДиК, 2001.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.

Бызова В.М., Краева Л.И. Элементы этнопедагогики: Учебное пособие. Сыктывкар, 2000.

В дебрях Севера: Русские писатели XVIII–XIX веков о земле коми / Сост. З.Я. Немшилова. Сыктывкар, 1983.

Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978.

Гагарин Ю.В., Жеребцов Л.Н. Быт и культура села. Сыктывкар, 1968.

Грибова Л.С. Народное искусство коми. Сыктывкар, 1973.

Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975.

Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство коми. М., 1980.

Жеребцов И.Л. Населённые пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. М: Наука, 2000.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003.

Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971.

Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми. М., 1972.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С. Из жизни древних коми. Сыктывкар, 1985.

Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв политических репрессий. Т.4. Часть. 2. Сыктывкар, 2001.

История коми литературы. Т. I: Фольклор. – Сыктывкар, 1979.

История Республики Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 1, 2.

Климова Г.Н. Узорное вязание коми. Сыктывкар, 1978.

Климова Г.Н. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1984.

Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар, 1984.

Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX вв. М. 1983.

Конаков Н.Д. От Святков до сочельника: Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар, 1993.

Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.

Лаллукка С. Восточно-финские народы Рос-

сии. Анализ этнодемографических процессов. СПб, 1997.

Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.

Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. – Сыктывкар, 1993.

Микушев А.К., Чисталев П.И., Рочев Ю.Г. Коми народные песни. – Вып. 3. Вызь и Удора. Сыктывкар, 1971.

Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997.

Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. / Сер. «Народы и культуры». М.: Наука, 2000.

Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. – Сыктывкар, 1968.

Рогачев М.Б. Столица Зырянского края. Сыктывкар, 2006.

Попов А.А., Сметанин А.Ф., Напалков А.Д., Бараксанов Г.Г. Национальное строительство в Коми АССР (история и современность). Сыктывкар, 1991.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.

Савельева Э.А., Королев К.С. По следам легендарной чуди. Сыктывкар, 1990.

Семенов В.А. Этнография коми (зырян). Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1986.

Семенов В.А. Традиционная духовная культура коми-зырян: Ритуал и символ. Сыктывкар, 1991.

Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифологических представлений коми (зырян). СПб, 1992.

Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.

Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994.

Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.

Христианство и язычество народа коми. / Отв. ред. Н.Д. Конаков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001.

Чисталев П.И. Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар, 1984.

Шабаев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998.

Шабаев Ю.П. Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005.

Шарапов В.Э. Богородичные праздники у современных коми. Сыктывкар, 1995.

Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Документы. Материалы / Составитель Ю.П. Шабаев. Т. I. М., 1996.

Энциклопедия уральских мифологий. Т.1: Мифология коми / Под ред. А.-Л.Сиикала, В.В. Напольских, М.Хоппал. Москва: ДиК, 1999.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Ю.П. Шабаетов)	8
Глава 1. Происхождение и этническая история коми (И.Л. Жеребцов)	13
Древнейшее население Северного Приуралья	13
Происхождение древних коми	18
Присоединение Коми края к Русскому государству	23
Первые этнографические группы коми	29
Управление и самоуправление	36
Кризис в развитии коми народа	44
Завершение формирования народности коми	49
Освоение новых земель. Новые этнографические группы	52
Переселения за пределы Коми края	61
«...право называться зырянами» ...	67
Глава 2. Материальная культура и изобразительное искусство	71
Хозяйственные занятия. (Н.Д.Конаков, В.Э. Шарапов)	71
Поселение и жилище (Н.Д.Конаков, В.Э. Шарапов)	82
Традиционные занятия (Н.Д.Конаков, В.Э. Шарапов)	88
Транспорт (Н.Д. Конаков, В.Э. Шарапов)	98

Пища	
(Н.Д. Конаков, В.Э. Шарапов)	105
Одежда	
(Н.Д. Конаков, В.Э. Шарапов)	113
Изобразительное искусство	
(В.Э. Шарапов)	132

Глава 3. Духовная культура

Мифология и религия	
(Н.Д. Конаков)	150
Народный календарь и народные праздники	
(Н.Д. Конаков)	171
Фольклор	
(Н.Д. Конаков)	201
Художественная литература	
(Е.А. Цыпанов)	213
Язык	
(Е.А. Цыпанов)	225

Глава 4. Культурная и социальная эволюция Коми в XX веке .....

Рождение Коми автономии	
(И.Л. Жеребцов)	242
ГУЛАГ как инструмент формирования территориального сообщества	
(Ю.П. Шабаев)	248
Социальные и культурные изменения 1960–1980-х годов	
(Ю.П. Шабаев)	266
Современный этап этнодемографического и социального развития Коми	
(Ю.П. Шабаев)	279

Основная литература .....

314

Научно-популярное издание

И.Л. Жеребцов, Н.Д. Конаков,
Ю.П. Шабает, В.Э. Шаратов,
Е.А. Цыпанов

НАРОД КОМИ:
КРАТКИЕ ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

На русском языке

Компьютерная верстка – *Н.В. Вахнин*
Корректор – *Н.В. Данилова*

Подписано в печать 26.05.2008.

Формат 60×84¹/₃₂

Бумага офсетная. Гарнитура «Antiqua»

Печать офсетная. Усл.п.л. 9,3

Тираж 500. Заказ №

ООО «Издательство «Кола»

Отпечатано в ОАО «Коми республиканская
типография» с дискет заказчика в полном
соответствии с качеством
предоставленных материалов.
167982, Сыктывкар, ул. Савина, 81